

ГОД
ИЗДАНИЯ
ШЕСТОЙ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

Д
В
У
Х
М
Е
С
Я
Ч
Н
Ы
Й
Ж
У
Р
Н
А
Л

ОРГАН
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

№ 3

СОЦЭКГИЗ 1934

А. Леонтьев — Социализм в СССР	3
Ш. Турецкий — Себестоимость и качественные показатели во второй пятилетке	29
В. КАЦ — О вопросах планирования распределения народного дохода в СССР	47
С. Мацкевич — Механизация социалистического земледелия во второй пятилетке	61
А. Подгорный — О вопросах обращения в СССР	78
М. Спектатор — К экономическому положению современной Японии	90
 К 20-ЛЕТИЮ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	
М. Минускин — Экономика периода империалистической войны 1914—1918 гг.	110
Э. Гурвич — Промышленность царской России в годы империалистической войны	126
 БИБЛИОГРАФИЯ	
«Капиталистическое комбинирование» Влюмина И., Соцэргиз, 1934 г.	158
МТС и ее политотдел. Опыт работы Веселожурской МТС (Одесская область УССР) 1934 г.	167
«Теория денег и кредита СССР». Дьяченко В. П. Госфиниздат, 1933 г.	175
«Политика партии в деревне». Учебник для высших коммунистических школ 1934 г. Лурье Д., Никулихин Я.	181
Oswald Spengler, «Politische Schriften» München, 1933 г. Освальд Шпенглер, Политические записки, Мюнхен, 1933 г.	186

Редколлегия: Бутаев К. (ответственный редактор), Вознесенский И., Гатовский Л., Кривицкий М., Партигул С., Шурыгин В.

Сдано в производство 26/VI 1934 г.
Подписано к печати 28/VIII 1934 г.
Уполн. Главлита В — 95554
Выпускающий В. Цветков

Формат 72×105^{1/16}
Соцэргиз № 1409 (п) Зак. тип. 1588
Объем 12 печ. лист. 67,000 зн. в. п. л.
Тираж 14200 экз

Социализм в СССР

В историю борьбы за социализм XVII съезд партии войдет исключительно яркой вехой, ибо это съезд величайших побед дела рабочего класса, величайшего торжества социализма. На практике невиданного в человеческой истории переустройства всей общественной жизни гигантской страны доказана возможность и осуществимость социализма. XVII съезд был грандиозной демонстрацией величайшего торжества дела марксизма-ленинизма как в области теории, так и в области практики. Это торжество неразрывно связано с именем т. Сталина. Эпоха величайших побед социализма—это эпоха Сталина.

Ленин на первых этапах социалистического строительства подчеркивал величайшее значение того факта, что мы социализм протащили в повседневную жизнь; со времени Октябрьской революции социализм стал конкретной задачей повседневной практической борьбы. В нынешний период пролетариат СССР обращается ко всему миру со словами: «Вы хотите знать, что такое социализм—посмотрите на нашу страну».

Характеризуя исключительно богатый событиями период между XVI и XVII съездами, т. Сталин говорил в своем докладе на XVII съезде, являющимся одним из ярчайших документов в истории мирового коммунизма:

«СССР за этот период преобразился в корне, сбросив с себя обличье отсталости и средневековья. Из страны аграрной он стал страной индустриальной. Из страны мелкого единоличного сельского хозяйства он стал страной коллективного крупного механизированного сельского хозяйства. Из страны темной, неграмотной и некультурной он стал—вернее, становится—страной грамотной и культурной».

В этих простых и столь понятных словах вождя подытожен огромный путь борьбы нашей партии за осуществление великой цели рабочего класса. Годы первой и начала второй пятилеток в корне перекроили весь социальный облик нашей страны. Выросшая могущественная социалистическая индустрия колоссально умножила силы и мощь пролетариата. Рост колхозов и совхозов означал перестройку сельского хозяйства на началах социализма. Социалистическая система хозяйства укрепилась и упрочилась, успешно построен фундамент социалистической экономики. Разгромлен последний оплот капитализма—кулачество, подорваны корни капитализма в той сфере, которая всего более служила его питательной средой,—в деревне. Социализм победил в нашей стране окончательно и бесповоротно. Таковы основные черты нынешней исторической полосы социалистического строительства. Эта полоса характеризуется практической постановкой небывалых по своей грандиозности задач полного построения бесклассового, социалистического общества, задач, которые будут выполнены лишь путем самой непримиримой борьбы со всеми враждебными социализму элементами, со всеми остатками эксплуататорских классов, со всеми пережитками капитализма как в экономике, так и в сознании людей.

Осуществление социализма в нашей стране дает богатейший материал для

разоблачения буржуазных представлений о социализме, для понимания действительных отличий и особенностей социалистического строя. Победы социализма в СССР служат блестящим подтверждением великого учения Маркса—Энгельса—Ленина, разработанного в условиях современной эпохи Сталиным. В плоть и кровь облекаются гениальные предсказания Маркса и Энгельса, великий стратегический план, разработанный Лениным, пути построения социализма, начертанные Сталиным.

I

На протяжении десятилетий враги пролетарской революции вели борьбу против революционной теории рабочего класса под фальшивым паспортом защитников «субъективного фактора», под эгидой восстановления в правах попорченной «индивидуальности». Марксизм, дескать, не оставляет места для активного воздействия на исторический процесс; все развитие общества он сводит начисто к движению сухих колонок цифр; он якобы не признает ни малейшего значения за идеями, он обрекает на пустоту и бессилие личность. Так десятилетиями твердили вольные и невольные, сознательные и бессознательные защитники капиталистического рабства, выступая против революционного учения того класса, который несет гибель строю эксплуатации и гнета. Один из парадоксов, нередко встречающихся в истории идеологии: под флагом защиты личности выступают защитники того строя, который давит и душит, уродует и коверкает человека; под знаменем спасения «идей» выступают апологеты системы, низводящей идеи и убеждения к рангу товара, который продается и покупается за определенную цену; против «фатализма» ополчаются агенты того способа производства, законы которого действуют на людей подобно силе тяжести, когда на голову человека обрушивается дом. Извратители и опошлители марксизма эпохи II Интернационала немало потрудились для того, чтобы облегчить задачу открытым врагам марксизма. Кастрированный «марксизм» тех, относительно которых Маркс при жизни как-то сказал: «что касается до меня, то я не марксист», представляет собой злейшую пародию на действительное учение основоположников научного коммунизма.

Разоблачая «субъективную социологию» народников, Ленин блестяще показал ее истинное жалкое лицо, противопоставив ей сокровищницу живого, действенного марксизма. Сторонники субъективной социологии не только закрывают перед собой дверь для сколько-нибудь разумного объяснения всей предыдущей истории человечества, но и вышибают из-под своих ног почву для какого-либо сознательного воздействия на ее дальнейший ход. Сквозь идеалистические очки все развитие общества представляется им каким-то нелепым скопищем случайностей, лишенных малейшей внутренней связи; полный произвол и хаос определяют в их глазах путь, по которому пойдет человечество дальше. Напротив, революционная материалистическая диалектика, раскрывая объективные законы развития человеческого общества, впервые в истории открывает широчайший простор для сознательного воздействия на исторический процесс, ибо история делается не помимо людей, как выходит по представлениям оппортунистических парикмахеров, пытающихся причесать Маркса под безвольного фаталиста, а, наоборот, лишь путем и посредством активных действий миллионов масс. Знание направления развития, понимание тенденций движения дают гигантскую силу и уверенность борцам за пролетарское дело. И выпестованная Лениным большевистская партия всем богатейшим опытом своей тридцатилетней борьбы ярко демонстрировала всему миру огромное значение активного воздействия на ход событий, титаническую силу идей революционного учения, которые становятся материальной силой, когда они

овладевают массами, гигантский размах и простор активной деятельности сотен тысяч и миллионов людей в борьбе за социализм.

Пролетарская революция в нашей стране оказалась поистине очистительным огнем для многих нелепых представлений и предрассудков. В каких угодно смертных грехах обвиняют большевиков враги; никому однако еще не пришло в голову—и вряд ли когда-либо придет в голову—обвинять нас в фатализме, в отсутствии активности, в слепом уповании на объективный ход исторического процесса. А ведь за полтора-два десятка лет до Октября это был самый ходовой, самый распространенный, самый «убийственный» аргумент врагов марксизма!

II

Разные измышления о социалистическом строе повторялись противниками пролетарского социализма, начиная с того момента, когда последний выступил на арену.

Социализм, мол, монотонен, скучен, сер; он превращает всю жизнь в фабричную казарму, а все жизненные процессы—в казенное исполнение обязанностей; он бездушен, автоматичен, он не оставляет ни малейшего простора для проявления индивидуальных способностей и задатков; в нем нет места для развития личности, субъекта. Реакционные зубры и мелкобуржуазные демократы, иезуиты и либералы, представители феодальной аристократии и литературной богемы с равным рвением и усердием распространяли подобные злостные карикатуры на социалистическое общество. И бездушному социализму, превращающему людей в живые механизмы, воодушевленные автоматы, противопоставлялся капитализм в качестве такого состояния общества, при котором индивидуальность расцветает всеми цветами радуги, при котором перед субъектом раскрывается безбрежное поле деятельности.

Основоположники научного коммунизма блестяще раскрыли всю лживость этой суздальской мазни. Огненные строки «Коммунистического манифеста» дают незабываемую картину того подавления и угнетения человеческой личности, которые по существу неотделимы от капиталистической системы, и крупными мазками набрасывают путь освобождения пролетариата от рабских цепей капитала. Однако в классовом обществе живучесть идей определяется не их внутренним богатством, а тем, насколько они соответствуют интересам командующих классов. Поэтому и традиционные буржуазные хитросплетения, переворачивающие вверх ногами действительное соотношение между социализмом и капитализмом, оказываются живучими, пока продолжает жить капитализм.

При капитализме огромные массы трудящихся обречены на угнетение и рабство. Безличная сила капитала поработает гораздо более действенно и бессторонне, нежели все прежние формы личной зависимости. Вся жизнь, все существование формально свободной «личности» рабочего принадлежат капиталу, и притом не определенному индивидуальному капиталисту, а капиталу в качестве общественной силы, поработавшей и угнетающей массы трудящихся. Рабочий становится атрибутом капитала. В образе капитала мертвый труд подобно вампиру высасывает все соки живого труда из его носителя, из рабочего. Над рабочим стоит капиталист в качестве олицетворения капитала. В качестве активного поработителя рабочего, в качестве «современного рабовладельца» он выступает как орудие слепых законов капиталистического способа производства. Развитие производительных сил расширяет власть человека над природой, но в то же время человек попадает под прежде невиданный гнет общественной стихии. Производительные силы, этот результат общественного развития, отчуждаются по отношению к их творцам, они приобретают самостоятельность и деспотическую власть

над ними. В обществе, базирующемся на классовой эксплуатации пролетариата, производительные силы труда принимают форму производительных сил капитала; все силы науки и техники превращаются в методы выколачивания прибавочной стоимости из массы непосредственных производителей. В то же время буржуазия уподобляется волшебнику, не знающему, как справиться с вызванными им подспудными силами; эти силы дают периодические взрывы и извержения (кризисы), являющиеся грозными для капиталистического строя. В классово расчлененном обществе капитала личность живет под слепой властью стихийных общественных законов, определяющих ее судьбу от рождения и до самой смерти. Капитализм душит, давит, угнетает индивидуальность эксплуатируемого, он развращает и подчас лишает всякого человеческого подобия эксплуататора. В капиталистическом производстве его агенты лишены контроля над последствиями своих действий. Из столкновения отдельных поступков возникает общественный результат, господствующий над индивидами как чуждая им общественная сила.

Господство слепой общественной стихии над индивидом накладывает печать на все идеологические надстройки. Наука, религия, литература, искусство—езде проявляется эта слепая сила. Рок тяготеет над человеком. Рок тяготеет над рабочим, который завтра может быть выброшен на улицу, тяготеет над мелким производителем, которому грозят гибель и разорение. Но рок не останавливается и перед капиталистом: на него обрушиваются конкуренция, кризис, и самым грозным призраком перед ним выступает неизбежный приход могильщика капитала—пролетарской революции. Активность и изобретательность, инициатива и способности агентов капиталистического производства направляются в русло войны всех против всех. Волчи законы капитализма составляют неотъемлемый атрибут господства слепой общественной стихии.

Основоположники научного коммунизма показали, что только пролетарская революция, разрушая капиталистический строй эксплуатации и рабства и создавая на его развалинах новый, социалистический строй, несет человечеству освобождение от власти этой слепой общественной стихии. Бесклассовое, социалистическое общество представляет собой полнейшую противоположность капиталистическому строю в том отношении, что при социализме люди впервые становятся сознательными творцами своей истории, полными хозяевами своей собственной судьбы. Если «в буржуазном обществе прошедшее господствует над настоящим», то, напротив, «в коммунистическом обществе—настоящее над прошедшим». Первые же шаги победившей пролетарской революции, направленные к экспроприации экспроприаторов и установлению общественной собственности на средства производства, означают глубочайший разрыв со всей предыдущей историей, характеризующейся «господством прошедшего над настоящим», и знаменуют переход к новой эпохе, отличающейся «господством настоящего над прошедшим».

Пролетарская революция, осуществляя социалистическое преобразование общества, не только открывает новую страницу в истории человечества: она знаменует завершение предыстории человеческого общества. Революция пролетариата кладет предел господству общественных законов над людьми наподобие законов природы. Она порывает с тем строем, для которого характерно господство общественной стихии над обществом. Ставя своей задачей уничтожение классовой эксплуатации и классов вообще, она открывает собой новую эпоху, когда «объективные, внешние силы, господствовавшие над историей, поступят под контроль человека» (Э н г е л ь с).

Энгельс называл переход от капитализма к социализму «скачком человечества из царства необходимости в царство свободы». При социализме люди ста-

новятся «господами своих собственных общественных отношений». Энгельс разъясняет: это означает, что «законы их собственных общественных действий, противостоящие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут тогда вполне сознательно применяться ими и, следовательно, подчиняться их господству». Таким образом здесь полностью подтверждается материалистическое понимание свободы как познанной необходимости. Отсюда ясно, что было бы глубоко ошибочно понимать «скачок в царство свободы» как отрицание закономерности дальнейшего общественного развития при социализме. Напротив, социализм характеризуется своими, присущими ему законами общественного развития, однако эти законы действуют не в силу слепой анархической стихии, а, наоборот, как законы, сознательно применяемые обществом. Сами эти законы составляют предмет научного теоретического изучения, они образуют содержание политической экономии переходного периода и социализма. Попытки же распространить на переходную экономику и на социалистическую экономику законы капиталистической стихии в более или менее замаскированном и причесанном виде является излюбленным приемом всех антиленинских теоретических построений, отражающих интересы классовых врагов социализма.

Самый переход от капитализма к социализму, охватывая целую историческую эпоху, в свою очередь включает в себе целый ряд этапов и переходов. Таким образом «скачок» не следует понимать вульгарно, как некое мгновенное изменение, «скачок» означает, что имеет место перерыв постепенности, что преобразование происходит революционным путем, что в огне революции, испепеляющем старые отношения, возникает новый, ранее небывалый общественный строй. Однако самый процесс создания социалистического строя есть дело долгой, упорной классовой борьбы пролетариата, организованного как господствующий класс. Революционное низвержение капитализма, установление пролетарской диктатуры открыли эпоху этого «скачка».

Социалистическое преобразование общественных отношений осуществляется революционным классом в ходе ожесточенной борьбы со всеми остатками прежнего строя. Это преобразование по самой своей природе не может быть результатом стихийного процесса. Оно — результат сознательного осуществления величайшей в истории программы общественного переустройства. Отсюда в корне отличная роль широчайших масс в ходе этого переворота. Революционный пролетариат, руководящий всем ходом социалистического строительства, колхозное крестьянство, повернувшее на путь социализма, выступают в качестве гигантской армии сознательных борцов, активных строителей новой, социальной системы. Ни один из великих переворотов в истории не был осуществлен без деятельного участия масс. Существует однако глубочайшее принципиальное различие между ролью масс в любой из предшествовавших революций и их ролью в ходе социалистического переворота. В предыдущих революциях, означавших смену одной формы классовой эксплуатации другой, трудящиеся массы выступали в качестве слепого орудия действия исторических сил. Та идеологическая оболочка, в которой разыгрывалось действие масс, и объективные результаты этого действия находились в вопиющем противоречии друг с другом. Совершенно иное в социалистической революции. Здесь революционный класс, являющийся естественным вожаком всех трудящихся, сознательно осуществляет заранее намеченную цель — уничтожение всякой эксплуатации человека человеком и построение бесклассового, социалистического общества. Отсюда — невиданный размах активности и творчества широких масс трудящихся, этот характернейший признак социалистического строительства. Эта сторона дела больше всего поражает наблюдателей, приезжающих в Советский союз из стран капитализма. При известной способности видеть то, что у них

перед глазами, они на каждом шагу встречают бесчисленные доказательства того, что широчайшие массы считают дело строительства социализма своим родным, кровным делом. Ничего подобного, хотя бы в отдаленной степени, они не видели и не могли видеть у себя, в лагере капитализма. В этом источник неиссякаемой силы, колоссальных преимуществ социалистического строя. В этом источник той уверенности и бодрости, которая так характерна для нынешней эпохи победоносного социалистического строительства, для ленинско-сталинской работы во всех областях. «Нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевики» — этот лозунг вождя как нельзя лучше выражает твердость и мощь, неисчерпаемую силу и негибкую волю, свойственные великой армии строителей социализма и ее стальному руководству.

Рост социалистических элементов в нашей экономике, переделка мелко-товарного производства на социалистических рельсах, искоренение капиталистических элементов сопровождаются неуклонным ростом и усилением роли сознательного и планомерного руководства всем общественным хозяйством в целом. Продвижение на пути к превращению социалистического уклада в единственный социалистический способ производства, охватывающий всю нашу страну в целом, означает гигантский рост организованности и планомерности во всем хозяйстве. Усиление планового начала, невиданный рост активности миллионных масс строителей социализма идут в ногу с расширением плацдарма социализма.

Отсюда ясно, что с ростом социализма гигантски возрастает значение и роль активного, сознательного момента во всем нашем общественном развитии. Качество руководства, умение организовать работу, мобилизовать энергию и активность масс выдвигаются все более на первый план. Весь опыт строительства последнего этапа — периода первой пятилетки и начала второй — дает богатейший материал в этом отношении.

«После того как правильность политической линии партии подтверждена опытом ряда лет, а готовность рабочих и крестьян поддержать эту линию не вызывает больше сомнений, — роль так называемых объективных условий свелась к минимуму, тогда как роль наших организаций и их руководителей стала решающей, исключительной. А что это значит? Это значит, что ответственность за наши прорывы и недостатки в работе ложится отныне на девять десятых не на «объективные» условия, а на нас самих, и только на нас».

Вторая пятилетка подводит Советский союз к величайшему историческому рубежу. Вторая пятилетка — пятилетка построения бесклассового, социалистического общества.

Выполнение второй пятилетки, осуществление поставленных ею задач означают гигантское продвижение вперед в направлении того скачка, о котором писал Энгельс. Вторая пятилетка — один из самых решающих рубежей в этом процессе «окончательного выделения человека из животного царства», в этом переходе из животных условий существования в условия действительно человеческие.

III

Переходный период — эпоха ожесточенной классовой борьбы. Уничтожение классов достигается лишь путем самой решительной классовой борьбы. Пролетарская диктатура производит коренную перестройку всего экономического базиса общества. Ее преобразовательная деятельность касается основ существования всех классов переходной эпохи. Политика пролетарской диктатуры, перестраивающей весь общественный организм до его последней клеточки, — вот та кон-

кретная форма, в которой общество в лице своего передового класса впервые в истории человечества берет свою судьбу в собственные руки.

Политика есть самое концентрированное выражение экономики,—неоднократно указывал Ленин. Политика есть обобщение экономики, ее завершение. Политическая надстройка определяется в конечном счете производственными отношениями данного общества. Но, возникнув в результате революции, взорвавшей определенный экономический уклад, политическая надстройка является могущественным орудием революционной перестройки старого общества. Она является могучим экономическим фактором. Нет ничего более чуждого марксизму, нежели представление о политической надстройке как о пассивной функции экономического базиса.

Ленин говорил, что политика не может не иметь первенства над экономикой. Сталин указывал, какое огромное значение имеет то обстоятельство, что в нашей стране—самая передовая власть в мире, пользующаяся безграничным доверием широких трудящихся масс.

Подмена марксизма эклектикой в этом кардинальном вопросе характерна для выступавших против генеральной линии нашей партии течений. Непонимание и отрицание гигантской роли пролетарской диктатуры в деле социалистического преобразования общества характерны для уклонов и оппозиций, отражавших интересы классовых врагов. Идеологи троцкизма фыркали на каждое указание на гигантскую роль пролетарской диктатуры как могущественной «экономической потенции»: это, дескать, субъективная социология Михайловского. Этим они лишь еще раз обнаруживали свое меньшевистское нутро. Идеологи правого оппортунизма воспевали «вечные, железные, неизменные, универсальные законы», диктующие свои непреложные приказы пролетарской диктатуре. В более замаскированной форме эти взгляды продолжают кое-где выплывать в виде теорий насчет растворения политики в экономике, насчет погружения политической надстройки в экономический базис, теорий, являющихся лишь попытками воскрешения той эклектики, которая была разоблачена Лениным. Плен буржуазных представлений очень крепок, вырваться из его рамок для многих не под силу.

Разгромив контрреволюционные попытки троцкизма, разоблачив буржуазно-реставраторскую сущность правых взглядов, партия очистила путь для побед социализма, для осуществления пролетарской диктатурой ее грандиозных творческих задач. Генеральная линия партии, направляющая всю политику пролетарской диктатуры, осуществила гигантские преобразования. Укрепление социалистической базы крупной индустрии, в значительной мере созданной заново, социалистическая переплавка распяленного мелкого производства, искоренение капиталистических элементов, построение фундамента социалистической экономики,— все эти задачи осуществляются не в порядке действий внешних стихийных сил, а путем сознательной и планомерной политики пролетарской диктатуры.

Ленин указывал не раз, что диктатура пролетариата не есть только насилие над эксплуататорами и даже не главным образом насилие. «Экономической основой этого насилия,—говорил он,—залогом его жизнестности и успеха является то, что пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда, по сравнению с капитализмом. В этом суть. В этом источник силы и закон неизбежной полной победы коммунизма».

Более высокий тип общественной организации, представляемый и осуществляемый пролетарской диктатурой,— это социалистическая планомерная организация всего общественного процесса производства. Этот более высокий тип общественной организации труда и означает скачок из царства необходимости в царство свободы, о котором говорил Энгельс.

IV

Установление пролетарской диктатуры создает необходимые условия для победоносного строительства социализма. Однако само это строительство протекает не самотеком, не в порядке некоего объективного процесса, совершающегося за спиной людей, помимо их воли, сознания и активного воздействия. Напротив, оно требует упорной сознательной борьбы и работы, превращающей созданные свержением буржуазии и установлением власти рабочего класса возможности в социалистическую действительность.

Ленинское учение о победе социализма в одной стране, составляющее краеугольный камень ленинизма, ленинской теории пролетарской революции, ленинской стратегии и тактики, гениально разработано т. Сталиным. Разрабатывая конкретные пути построения социализма в нашей стране, т. Сталин беспощадно разоблачает все разновидности «теории самотека», всплывающие на разных этапах борьбы за социализм.

В своей речи на пленуме МК в октябре 1928 г. о правом уклоне т. Сталин указывал:

«Ленин вовсе не говорит, что нэп дает нам социализм в готовом виде. Ленин говорит лишь о том, что нэп обеспечивает нам возможность построения фундамента социалистической экономики. Между возможностью построения социализма и действительным его построением существует большая разница. Нельзя смешивать возможность с действительностью. Именно для того, чтобы эту возможность превратить в действительность, именно для этого Ленин и предлагает в своей большой цитате электрификацию страны и подведение технической базы современной крупной промышленности под промышленность, сельское хозяйство и транспорт, как условие для окончательной победы социализма»¹.

Пока мы живем в мелкокрестьянской стране, указывал Ленин, имеется не только возможность победы социализма, но существует также и возможность реставрации капитализма. Тов. Сталин гениально разработал ту политику, проведение которой обеспечило реализацию первой возможности и уничтожение второй. Если взять мелкотоварное крестьянское хозяйство, то в условиях капитализма перед ним лишь одна возможность, лишь один путь развития — капиталистический. Пролетарская диктатура открывает перед ним и вторую возможность — путь социалистической переделки. Однако если первая возможность реализуется в порядке чисто стихийного процесса, то вторая возможность не может реализоваться самотеком.

Ленин говорил, что «экономически и политически нэп вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики». Чтобы эту возможность превратить в действительность, «надо прежде всего отбросить теорию самотека, надо перестроить (реконструировать) народное хозяйство и повести решительное наступление на капиталистические элементы города и деревни». Отсюда вывод: «Нужно строго различать между возможностями, имеющимися в нашем строе, и использованием этих возможностей, превращения этих возможностей в действительность».

Здесь перед нами образец блестящего применения метода материалистической диалектики к вопросам практического осуществления социализма. Для правых оппортунистов эта марксистско-ленинская диалектика остается книгой за семью печатями. Они не умеют разграничивать возможность и действительность, они не понимают необходимости активнейшей борьбы за превращение первой во вторую. Они полагаются на самотек.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 251.

В своем докладе на XVII партсъезде т. Сталин разоблачил самоновейшее издание оппортунистической «теории самотека», выплывшей в нынешний период, когда партия ставит перед собой задачу построения бесклассового, социалистического общества. «Понятно, что бесклассовое общество не может притти в порядке, так сказать, самотека. Его надо завоевывать и построить усилиями всех трудящихся — путем усиления органов диктатуры пролетариата, путем развертывания классовой борьбы, путем уничтожения классов, путем ликвидации остатков капиталистических классов, в боях с врагами как внутренними, так и внешними».

Некоторые члены партии пытались совершенно не по-марксистски, не по-ленински истолковать лозунг построения бесклассового общества. «Тезис о нашем продвижении к бесклассовому обществу, данный как лозунг, они поняли как стихийный процесс». И отсюда они делают махрово-оппортунистические выводы: раз мы идем к уничтожению классов — значит можно ослабить классовую борьбу; раз государство все равно отомрет — незачем его укреплять; раз наступает бесклассовое общество — значит можно пойти спокойно спать в ожидании чудесного пришествия социализма. Лозунг продвижения к бесклассовому обществу должен служить могущественным рычагом в деле мобилизации активности и энергии масс. Люди, подменяющие активную классовую борьбу за социализм представлением о стихийном процессе мирного вращивания в социализм, лишь мешают борьбе; подобные взгляды могут лишь разоружить партию, а не вооружить ее для борьбы. И т. Сталин блестяще вскрывает истинный смысл этого «телячьего восторга», этого своеобразного «головокружения от успехов», затуманившего кое-какие головы.

«Не может быть сомнения, что эта путаница в головах и эти настроения, как две капли воды, похожи на известные взгляды правых уклонистов, в силу которых старое должно самотеком врасти в новое, и в один прекрасный день мы незаметно должны оказаться в социалистическом обществе» (С т а л и н).

Активная сознательная борьба, претворяющая в действительность заложенные в советском строе возможности, неразрывно связана с п л а н о м.

Пролетарская диктатура руководит хозяйственным строительством п л а н о м е р н о. План неотделим от экономики социализма. Плановое начало — одна из важнейших характерных черт экономики переходной от капитализма к социализму. Враги социализма с остервенением доказывали, что попытка планировать хозяйство неизбежно должна привести к чудовищной бюрократизации всей хозяйственной жизни, что план будет парализовать инициативу, активность, самостоятельность отдельных хозяйственных ячеек. Вредители в Госплане и в ряде хозяйственных наркоматов делали попытки извратить самый характер планов пролетарской диктатуры. Задача плана, говорили они, заключается в предвидении тех объективных процессов, которые развертываются в хозяйственном организме. Ленин и Сталин дали четкое учение о плане в эпоху диктатуры пролетариата. План электрификации — первый по времени всеобъемлющий перспективный план советской власти — Ленин назвал «второй программой партии». План — директива, план — боевая программа классовой борьбы, план — орудие коренной перестройки всей экономики страны — вполне заслуживает этого почетного названия. Ленин больше всего предостерегал от бюрократизации планов, от подмены плана ничемной игрой в цифирьки. План должен мобилизовать массы на борьбу за социализм, план должен вместе с тем учитывать богатейший опыт масс, быстро реагировать на творчество миллионов, строящих социализм.

В полнейшую противоположность тем карикатурам на социалистический план, которые малевали противники социализма, наш план в действительности неразрывно связан с активностью и творчеством самих масс, созидающих план и выполняющих его. Практика нашего хозяйственного строительства последних лет дает особенно красочный и многосторонний материал в этом отношении. Искусство планирования — не какая-то алхимия и не гадание на кофейной гуще. Оно теснейшим образом связано и переплетено с искусством осуществления плана; его живая душа — это искусство руководства массами в их борьбе за выполнение плана. Это предопределяет совершенно иной подход к вопросу о реальности планов, нежели подход всех врагов ленинизма, начиная от открытых наймитов буржуазии и кончая правооппортунистическими проповедниками равновесия и самотека.

«Реальна ли наша производственная программа? Безусловно, да! Она реальна хотя бы потому, что у нас есть налицо все необходимые условия для ее осуществления. Она реальна хотя бы потому, что ее выполнение зависит теперь исключительно от нас самих, от нашего умения и нашего желания использовать имеющиеся у нас богатейшие возможности»².

«Объективные» возможности для осуществления плана мы имеем налицо в СССР. Если же имеются прорывы в его выполнении, то причины следует искать на стороне субъективного фактора: умения использовать эти возможности, умения претворить их в действительность.

«Было бы глупо думать, что производственный план сводится к перечню цифр и заданий. На самом деле производственный план есть живая и практическая деятельность миллионов людей. Реальность нашего производственного плана — это миллионы трудящихся, творящие новую жизнь. Реальность нашей программы — это живые люди, это мы с вами, наша воля к труду, наша готовность работать по-новому, наша решимость выполнить план»³.

Что общего имеет эта полная жизни и энергии концепция плана с ходульным изображением какого-то бесплотного, абстрактного плана, которым противники социализма пугают свою аудиторию?

Роль, значение и сила плана теснейшим образом связаны со сдвигами в соотношении классовых сил. Наш план — это план классовой борьбы пролетариата за социализм. Победы социализма гигантски усиливают значение плана, расширяют его плацдарм, повышают его роль и охват.

Это особенно ярко видно на примере того колоссального роста роли и значения планового начала, которое принесла с собой социалистическая переделка сельского хозяйства. До поры до времени советский строй базировался на двух разнородных опорах: на крупной социалистической индустрии и на распыленном мелком производстве в деревне. Вопреки «советам» буржуазных реставраторов, проповедывавших полную «экономическую свободу» в отношении деревни, наша партия и до периода коллективизации активно руководила сельским хозяйством, осуществляя свою классовую политику в деревне, которая была необходимым элементом подготовки коллективизации. Однако с переходом к коллективному хозяйству характер активного воздействия и планового руководства сельским хозяйством испытывает коренное изменение.

Дело изменилось прежде всего в том отношении, что теперь в колхозе уже нет отдельного хозяина, несущего ответственность за все. Хозяин колхоза — коллектив. Это выдвигает колоссальной важности задачу перевоспитания всей массы колхозников, воспитания среди них хозяйского

² Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 602—603.

³ Там же, стр. 604.

отношения к общественной собственности, к коллективному труду, к общественным интересам. Далее, колхоз — это крупное хозяйство, которое не может существовать без плана. «Крупное хозяйство в земледелии, охватывающее сотни, а иногда и тысячи дворов, может вестись лишь в порядке планового руководства. Без этого оно должно погибнуть и развалиться». Если распыленное мелкое производство велось без плана и жило самотеком, то колхозы так существовать не могут. Вот почему «переход к коллективному хозяйству, как преобладающей форме хозяйства, не уменьшает, а увеличивает наши заботы о сельском хозяйстве, не уменьшает, а увеличивает руководящую роль коммунистов в деле подъема сельского хозяйства. Самотек теперь больше чем когда-либо опасен для дела развития сельского хозяйства. Самотек теперь может погубить все дело».

Колхозы — социалистическая форма хозяйства. Задача заключается в том, чтобы эту форму заполнить социалистическим же содержанием. Выполнение этой задачи требует усиления планового руководства колхозами. Победа колхозного строя означает победу социалистического уклада в области сельского хозяйства. Совершенно очевидно, что эта победа колоссально расширяет и углубляет значение сознательного, планомерного руководства всеми хозяйственными процессами в нашей стране.

В настоящее время «планирование» является весьма модной темой разговоров в ряде капиталистических стран. Разительный контраст между идущей семимильными шагами вперед социалистической экономикой СССР и переживающим глубочайший кризис капитализмом наводит многих представителей командующих классов на грустные размышления. Рождается утопия капиталистического планирования, служащая прекрасной ширмой для монополистической политики трестовского капитала, использующего обстановку кризиса и всю мощь государственного аппарата буржуазной диктатуры для небывалого усиления своих позиций. Само возникновение идеи капиталистического планирования ярко свидетельствует о той громадной популярности, которой пользуется опыт советского планирования даже в стане злейших врагов социализма. Однако капиталистическое планирование — это «горячий лед».

Идеология господствующих классов капиталистического общества базируется на признании капиталистических порядков вечным, неизменным, естественным состоянием общества вообще. Ученые экономисты буржуазии пишут груды книг насчет «естественного дуализма» хозяйственной жизни, насчет имманентной всякому общественному хозяйственному целому «иррациональности», насчет неизбежности господства стихийных законов, стоящих над обществом и действующих наподобие законов природы. И в то же время раздаются голоса за «планирование» капиталистического хозяйства. Но одно с другим несовместимо. Стихия не может оплодотворить план. Она его не допускает и отрицает полностью. План и планирование хозяйства возможны только по социалистической организации хозяйства, только в СССР.

VI

Жизнь широких масс трудящихся при капитализме сведена к прозябанию на потребу хищнической эксплуатации капитала. Строй, выставляющий индивидуализм своим официальным знаменем, превращает подавляющую массу индивидов в простое средство самовозрастания капитала. Существование рабочего — неизбежное зло для капитала. «Субъективистический» строй капитализма низводит подавляющее большинство «субъектов» до уровня «орудий, обладающих голосом». Монопольная собственность капиталистов на средства производства превращает массу непосред-

ственных производителей в класс людей, живущих отчуждением своей рабочей силы.

Апологеты капитализма выступают обычно под маской защитников индивидуальной «трудовой собственности». Они пытаются эксплуатировать в свою пользу представления, связанные со строем мелкого производства, которое бесновидно размалывается жерновом капитала. Они впадают при этом в самые вопиющие противоречия: воспевая идиллию мелкого производства, они на деле служат тем силам, которые сокрушают основы этого производства, истребляют и порабощают его. Это глубокое противоречие мастерски охарактеризовано Марксом в ряде мест ⁴.

Развитие капитализма несет с собой неуклонный рост эксплуатации и гнета. Прежде самостоятельные мелкие производители прямо и косвенно падают под джагернаутову колесницу капитала, о которой говорил Маркс. Мировая литература насчитывает ряд произведений, в которых этот процесс описан с потрясающей силой.

Разрушая старые отношения, капитализм производит полный переворот во всей совокупности жизненных условий масс. Он превращает всю жизнь масс в постылое служение чуждому и враждебному делу. Все гигантские достижения, осуществляемые капитализмом в ходе его развития в области роста производительных сил, совершаются на костях ряда поколений, ценой превращения в каторгу всей деятельности миллионов людей.

Трудящиеся классы в капиталистическом обществе играют роль навоза, служащего для удобрения почвы, на которой произрастают ядовитые цветы капитала.

С низвержением буржуазии трудящиеся массы впервые в истории человечества становятсядемиургом общества, из объекта общественного развития становится его субъектом. С непревзойденной силой и страстью эта смена охарактеризована Лениным.

Капитализм несет с собой «неслыханно зверское подавление предприимчивости, энергии, смелого почина массы населения, гигантского большинства его, девяносто девяти сотых трудящихся». Лишь переход к социализму открывает впервые в истории человечества широкую дорогу для развития всех неисчерпаемых источников энергии, активности, способностей и талантов, которые скрыты в толщах народных масс.

Пролетарская революция несет с собой «великую смену труда подневольного трудом на себя, трудом, планомерно организованным в гигантском, общегосударственном масштабе». «Впервые после столетий труда на чужих, подневольной работы на эксплуататоров является возможность работы на себя и притом работы, опирающейся на все завоевания новейшей техники и культуры».

Труд как процесс взаимодействия между человеком и природой представляет собой естественную жизнедеятельность человека. Он является первой потребностью человека. Классовая эксплуатация неслыханно извращает и уродует самый характер труда. Капитализм превращает труд в постылое бремя, в каторгу для целых поколений. Капитализм лишает процесс труда того удовлетворения, которое с ним связано.

Отношение к труду, вытекающее из условий капиталистической эксплуатации, буржуазные идеологи любят изображать как естественное свойство «человеческой природы». Человек от природы ленив подпевает буржуазным экономистам Троцкий, обнаруживая этим свое буржуазное нутро. На деле лишь принудительный характер труда в классовом обществе на протяжении столетий воспитывал в массах отношение к труду как к постылому бре-

⁴ См. в особенности недавно опубликованную рукопись в «Архиве Маркса и Энгельса», т. II, стр. 263—265.

мени. В этом извращенном состоянии заложены бесчисленные трагические конфликты, когда творческая инициатива, мысль, стремление трудящегося человека растаптываются бездушной силой капитала. Через несколько недель после Октябрьской победы Ленин писал:

«Каждая фабрика, где выкинут вон капиталист или хотя бы обуздан настоящим рабочим контролем, каждая деревня, где выкурили помещика-эксплоататора и отобрали его землю—являются теперь, и только теперь, поприщем, на котором может проявить себя человек труда, может разогнуть немного спину, может выпрямиться, может почувствовать себя человеком».

Дальнейшее развитие социалистического строительства, в особенности его гигантский размах реконструктивной эпохи, принес колоссальные победы в этом отношении. Эпоха второй пятилетки, ставящая своей задачей ликвидацию пережитков капитализма в экономике и сознании людей, означает дальнейший шаг вперед по пути к превращению труда во всей стране в дело чести, доблести и геройства.

Маркс, говорил, что, переделывая все общество, революционный класс переделывает и самого себя. Ленин уделял совершенно исключительное внимание вопросам переделки человека в процессе социалистической революции. С первых шагов пролетарской диктатуры его мысль работала в направлении теоретического и практического разрешения этой труднейшей и вместе с тем благороднейшей задачи, и вплоть до самых последних своих статей он все снова возвращается к «воспитательным» задачам пролетарской диктатуры, к задачам «культурной революции».

В своем конспекте брошюры о диктатуре пролетариата Ленин среди «новых форм классовой борьбы пролетариата» выделяет особым пунктом задачи «воспитания новой дисциплины»; под этим заголовком перечисляется следующее: 1) диктатура пролетариата и профессиональные союзы, 2) коммунистические субботники, 3) очистка партии и ее роль и 4) премии и сдельная оплата. В этом кратком перечне методов «воспитания новой дисциплины», как в зеркале, отражается столь характерное для Ленина умение сочетать внимательнейшее отношение к «росткам нового» с задачей использования тех способов переделки, которые унаследованы от старого, умение сочетать величайшее революционное дерзание с подлинным реализмом. И все конкретные формы практического осуществления новой дисциплины труда, новых форм общественной связи между людьми, новых методов привлечения людей к труду привлекают к себе самое пристальное внимание Ленина.

В первом субботнике на Московско-казанской ж. д., когда в голодной Москве летом 1919 г. голодные рабочие, пережившие тяжелые четыре года империалистической войны, взяли на себя «великий почин» в деле организации труда, основанном целиком на сознательной дисциплине и добровольной инициативе, Ленин со свойственной ему гениальной прозорливостью увидел тот «росток нового», который заслуживает всемерной поддержки и поощрения.

Ленин подчеркивал, что тот подъем производительности труда, который является залогом победы нового, высшего строя, требует, с одной стороны, «обеспечения материальной основы крупной промышленности: развития производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности». С другой стороны, «условием повышения производительности труда является, во-первых, образовательный и культурный подъем массы населения», а, «во-вторых, условием экономического подъема является и повышение дисциплины трудящихся, умения работать, спорности, интенсивности, труда, лучшей его организации». «Русский человек — плохой работник по сравнению с передовыми нациями, — писал Ленин весной 1918 г. — И это не могло быть иначе при режиме царизма и живучести остатков крепостного права, Учиться работать — эту задачу советская власть должна

поставить перед народом во всем ее объеме». И Ленин ставил задачу: перенять все ценное из завоеваний науки и техники в области организации труда.

Задачу воспитания новой дисциплины труда Ленин рассматривал как одну из задач классовой борьбы при диктатуре пролетариата. Это — одна из тех новых форм классовой борьбы, которые отличают эпоху пролетарской диктатуры. «Разве классовая борьба в эпоху перехода от капитализма к социализму не состоит в том, чтобы охранять интересы рабочего класса от тех горсток, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся традиций (привычек) капитализма и продолжают смотреть на советское государство попрежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже, — содрать с «него» денег побольше». И Ленин неустанно бичевал мелкобуржуазную распушенность, расхлябанность, разгильдяйство, в каких бы формах они ни проявлялись. Рабочий класс не отделен китайской стеной от мелкобуржуазной среды; мелкобуржуазные влияния на пролетариат проявляются в самых разнообразных формах, мелкобуржуазные пережитки в его среде не улетучиваются самотеком, а искореняются лишь путем упорной борьбы, которой руководит авангард класса.

Победы над эксплуататорскими классами обусловили гигантский подъем материального положения трудящихся. Народный доход растет в СССР темпами, невиданными в истории: с 35 млрд. руб. в 1930 г. он вырос до 50 млрд. руб. в 1933 г., причем доля капиталистических элементов в нем доведена менее чем до полпроцента. Исчезла эксплуатация труда рабочих и крестьян. Ликвидация паразитических элементов открыла еще более широкие возможности в деле улучшения материального положения трудящихся. Исчезла безработица. С уничтожением кулацкой эксплуатации подорваны корни пауперизма в деревне.

«Уничтожение эксплуатации, уничтожение безработицы в городе, уничтожение нищеты в деревне — это такие исторические достижения в материальном положении трудящихся, о которых не могут даже мечтать рабочие и крестьяне самых что ни на есть «демократических» буржуазных стран»⁵.

На основе величайших достижений социализма в СССР и подъема материального благосостояния трудящихся масс пройден огромный отрезок пути в деле создания нового отношения к труду. Коренной переворот во взглядах людей на труд, в отношении трудящихся к своему труду успешно осуществляется в никогда ранее невиданных масштабах. Этот переворот охватывает гигантские массы и достигает огромной глубины. С ленинской гениальностью т. Сталин дал теоретическую и практическую разработку путей создания новой дисциплины труда, нового отношения к труду, основанную на ленинском умении сочетать перспективы борьбы за коммунизм с конкретной реальностью каждого этапа.

Уже первый год первой пятилетки, который справедливо назван т. Сталиным «годом великого перелома», был ознаменован первой грандиозной волной социалистического соревнования. Осуществление плана великих работ первой пятилетки породило огромный творческий энтузиазм в широких массах трудящихся. Началась «трудовая переключка миллионов масс рабочего класса во всех концах нашей необъятной страны».

Соцсоревнование — могучий рычаг мобилизации активности широких масс рабочего класса. Оно означает «коренной переворот во взглядах людей на труд», оно обуславливает небывалый перелом в отношении людей к труду. Соцсоревнование, как небо от земли, отличается от той звериной борьбы всех против всех, которой характеризуется капиталистическое соревнование, капиталистическая конкуренция. Его принципом является: активная помощь отстающим, с тем чтобы добиться общего подъема. Богатейшая история

⁵ Сталин, Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б).

социалистического соревнования за последние годы дает исключительные примеры того колоссального воздействия на миллионные массы строителей социализма, которое оказывает соцсоревнование на всех участках соцстроительства.

Рост новых форм труда не только не снимает, а, наоборот, гигантски усиливает значение правильной организации труда на предприятиях и правильной его оплаты. Исторические шесть условий т. Сталина дали конкретную программу борьбы за достижение этой цели. Правильный, организованный набор рабочей силы, уничтожение обезлички и безответственности, ликвидация уравниловки, забота о подготовке кадров, — все эти требования имеют целью создать обстановку для еще больших успехов соцстроительства для еще больших побед дела социалистической перedelки человеческого материала. Особое значение в этом отношении имеет борьба с уравниловкой. Уравниловка является типичной формой проявления мелкобуржуазных извращений представлений о социализме. Потребительская психология, примитивное мелкобуржуазное представление о социализме как о всеобщей доле всех благ поровну — вот корни уравниловки. Знамя уравниловки в условиях соцстроительства служит знаменем классовых врагов пролетариата, пытающихся сорвать борьбу за социализм игрой на несознательности отсталых слоев трудящихся. Таким образом борьба против уравниловки есть одна из важнейших форм классовой борьбы за создание новой дисциплины труда. Борьба, проведенная т. Сталиным против мелкобуржуазной уравниловки, имеет колоссальное значение в деле создания нового отношения к труду.

VII

Создание новой дисциплины труда — одна из форм классовой борьбы пролетариата после завоевания им власти. Значение этой формы, после той борьбы гигантски расширилось в результате поворота основных масс крестьянства в сторону колхозов, в ходе осуществления коллективизации. Переход основных масс крестьянства на рельсы колхозного производства поставил во всем гигантском масштабе задачу организации коллективного труда миллионных масс, ранее не знавших иной формы труда, как распыленное индивидуальное производство. Распыленное мелкое производство базировалось на индивидуальном труде середняка или бедняка крестьянина и ближайших членов его семьи. Задача заключается в том, чтобы эту массу мелких производителей, напоминающую, по образному выражению Маркса, «мешок с картофелинами», перевести на рельсы организованного коллективного труда.

Гигантские успехи, достигнутые партией под руководством т. Сталина в разрешении этой задачи, имеют поистине всемирно-историческое значение. Ярким свидетельством успехов в деле новой организации труда в колхозах служит тот факт, что в 1933 г. Советский союз собрал рекордный урожай, на 1 200 млн. пудов превышающий урожай предыдущего года по зерновым культурам.

Победа колхозного строя на практике десятков миллионов людей показала всю вздорность и лживость без конца повторяемых буржуазными апологетами утверждений, что индивидуальное хозяйство является исключительно мыслимой формой с.-х. производства, что пресловутый «собственный клочок земли» является единственным возможным стимулом земледельческого труда. Капитализм, превращая крестьянина в вассала капитала, оставляет ему иллюзию самостоятельности его индивидуального хозяйства: «клочок земли» является той цепью, при помощи которой буржуазия приковывает крестьянина к колеснице капитала. Индивидуальное хозяйство, обрекая крестьянина на вечную отсталость и сохранение прародительских форм труда, вместе с тем гарантирует буржуазии такую высокую степень «само-

эксплоатации» живой рабочей силы, которая ничем не уступает эксплуатации рабочей силы на капиталистических предприятиях. Эксплоатация крестьянина отличается от эксплуатации рабочего лишь по форме — говорил Маркс. Социалистическая революция впервые в истории человечества открыла перед широкими массами крестьянства путь к переходу на рельсы нового, высшего типа организации общественного труда, а осуществление коллективизации претворило эту возможность в действительность.

VIII

Советский строй силен благодаря тому, что он опирается на массы. Ленин подчеркивал, что никогда еще в истории не было и не могло быть такого строя, который был бы так тесно связан с массами. Это совершенно понятно: все до сих пор существовавшие формы государства были организациями классового господства эксплуататорского меньшинства, между тем как пролетарская диктатура есть государственная власть прежде угнетенного рабочего класса, опирающегося на подавляющее большинство населения, на всю толщу трудящихся классов. Беззаветная поддержка масс, их энергия, творческая инициатива, самоотверженная борьба — основной источник силы пролетарской диктатуры в разрешении стоящих перед ней гигантских задач.

Массы считают дело соцстроительства своим кровным, родным делом. В этом ключ к пониманию наших побед. Это бросается в глаза даже многим из буржуазных наблюдателей, приезжающих в Советский союз из стран капитализма.

Менее наблюдательные представители капиталистического мира нередко не могут понять самых «обыденных» наших явлений, например движение за овладение техникой. Некоторые буржуазные журналисты «снисходительно» посмеиваются над всеобщим «увлечением» техникой, которое они наблюдают в Советском союзе. Эти отсталые люди, дескать, восторженно смотрят на каждый автомобиль или трактор, они приходят в восхищение от каждого станка, не подозревая, что машина не только не делает жизнь более счастливой, но, наоборот, ставит перед людьми труднейшие и роковые проблемы. Так говорят эти весьма недалекие иностранные наблюдатели советской жизни. Ошибка, лежащая в основе подобных рассуждений, ясна: они не понимают коренного различия двух социальных систем, они не видят того кардинального контраста между советской системой хозяйства и капиталистической, который обуславливает совершенно иную социальную функцию машины при советском строе и совершенно иное отношение к ней со стороны масс.

При капитализме машина есть средство производства прибавочной стоимости. Свое исследование роли машин Маркс начинает с цитаты из Дж. Ст. Милля, который говорит: «Сомнительно, чтобы все сделанные до сих пор механические изобретения облегчили ежедневный труд хотя бы одного человеческого существа».

Маркс замечает по поводу этой меланхолической сентенции буржуазного экономиста: «Но это отнюдь и не является целью капиталистического применения машин». И Маркс дает блестящее исследование «капиталистического применения машин» и заложенных в нем глубочайших противоречий. Машина сокращает труд — капиталистическое применение делает ее могущественнейшим средством удлинения рабочего дня. Машина сберегает труд — капиталистическое применение делает ее орудием небывалого расточения труда. Машина облегчает труд — при капитализме она становится орудием каторжного труда. Машина открывает возможность всестороннего удовлетворения потребностей трудящегося — при капитализме она служит орудием для низведения потребностей рабочего до минимального уровня. В могучее средство освобождения человечества и гигантского

расширения его власти над природой машина (т. е. созданная капитализмом техника) превращается лишь после того, как пролетарская революция разбивает капиталистические окопы.

На заре рабочего движения пролетариат еще не умеет отделять роли машин от последствий их капиталистического применения; отсюда—движение «разрушителей машин» (луддитов). Вскоре рабочие научаются отделять эти две вещи: разрушению подлежат не машины сами по себе, а тот эксплуататорский строй, который делает их средством выжимания всех соков из рабочего на потребу капиталу. В современных условиях теория и практика «разрушения машин» распространены не среди рабочего класса, а среди господствующих классов капиталистических стран. Современные «луддиты»—это идеологи и руководители обанкротившейся капиталистической системы, не знающей, как справиться с разбухшими и развитыми капитализмом могущественными производительными силами. И единственная страна, не боящаяся развития производительных сил, высоко держащая знамя технического прогресса,—это страна победившего социализма. Ибо здесь машины являются не средством производства прибавочной стоимости, а производственно-техническим костяком нового, социалистического общества.

Отсюда — коренное изменение в отношении рабочего и машины. Отсюда — мощное движение за овладение техникой, за осуществление лозунга вождя: большевики должны овладеть техникой. Отсюда — изотовское движение, огромный размах рабочего изобретательства, потоки рационализаторских предложений, массовое овладение техминимумом, сдача техэкзаменов и т. п.

Маркс указывал, что важнейшей производительной силой является сам революционный класс. Годы развернутого социалистического наступления оказались периодом кардинальных сдвигов в среде революционного пролетариата, периодом гигантского роста не только вещественных, но и людских производительных сил страны. Ликвидация отсталости, осуществленная за период социалистического строительства, выразилась не только в создании мощнейших предприятий, но и в огромном культурном росте трудящихся масс и в громадных сдвигах в области качества рабочей силы. В своем докладе на XVII съезде т. Сталин привел весьма яркие цифры, свидетельствующие об этих сдвигах. За период между XVI и XVII съездами школы фабрично-заводского ученичества подготовили для промышленности 800 тыс. более или менее квалифицированных рабочих, а сеть вузов, втузов и техникумов дала промышленности более 580 тыс. инженеров и техников. И т. Сталин делает вывод:

«Но из всех достижений промышленности, завоеванных ею за отчетный период, самым важным достижением нужно считать тот факт, что она сумела за это время воспитать и выковать тысячи новых людей и новых руководителей промышленности, целые слои новых инженеров и техников, сотни тысяч молодых квалифицированных рабочих, освоивших новую технику и двинувших вперед нашу социалистическую промышленность. Не может быть сомнения, что без этих людей промышленность не могла бы иметь тех успехов, которые имеет теперь и которыми она в праве гордиться»⁶.

Кадры сельского хозяйства также получили за последний период мощное подкрепление, хотя темпы их роста все еще не целиком удовлетворяют гигантски выросшие потребности сельского хозяйства. Эта отрасль, от века жившая чисто эмпирическими, прадедовскими методами труда, почти не знавшая применения машин, все более перестраивается на началах передо-

⁶ Сталин, Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б), Партиздат, 1934, стр. 25.

вой науки и техники. Происходят коренные изменения в характере применяемой в сельском хозяйстве рабочей силы. В огромных масштабах появляются прежде невиданные в деревне профессии, сотни тысяч людей науки и машины. Цифры, приведенные в докладе т. Сталина, ярко характеризуют этот процесс. Одних инженерно-технических и агрономических сил направлено в деревню за период между XVI и XVII съездами 111 тыс. чел. Около 2 млн. было подготовлено для МТС и колхозов трактористов, комбайнеров, штурвальных, шоферов. Председателей и членов правлений колхозов, бригадиров по полеводству и животноводству, счетоводов было подготовлено и переподготовлено свыше 1 600 тыс. чел. Совершенно очевидно, что эти миллионы людей, приносящих в сельское хозяйство новые знания, новое умение, являясь гигантской силой, изменяющей самый характер с.-х. труда, преобразующей этот труд на основе новой машинной техники, которой все в больших масштабах вооружается сельское хозяйство в виде сотен тысяч тракторов, десятков тысяч уборочных машин, грузовиков и т. д.

Дело социалистической перестройки общества, осуществляемой миллионами, предъявляет небывалые требования к руководству. Никогда в истории человечества не было подобной грандиозной переделки общественных отношений, начиная с самых их основ и кончая всеми многосложными надстройками. Никогда не было и не могло быть сознательного и планомерного построения нового общественного порядка на территории огромной страны. Но никогда в истории не было и такой партии, как партия Ленина и Сталина.

Ленинская партия — передовой отряд пролетариата. Она вбирает в себя все лучшие, наиболее активные и сознательные, самоотверженные и передовые элементы рабочего класса. Она сплачивает эти элементы в борьбе за социализм, вооружает их знанием революционной теории.

Большевистская партия является решающей силой во всем ходе построения социализма. В борьбе за социализм не только нельзя активно участвовать — в ней нельзя также ничего понять, если не понимать той величайшей роли, которую играет в построении социализма руководство во всех его звеньях. В сознательном процессе построения социализма, базирующемся на развязывании и организации колоссальных источников энергии, энтузиазма, активности и способностей миллионных масс, роль авангарда, сила примера, значение руководства поистине не могут быть переоценены. Партия не только своей генеральной линией дает массам столбовую дорогу к социализму, но она своей повседневной организационной работой практически руководит всем ходом борьбы и строительства. Отсюда то огромное значение, которое партия придает организационным задачам, особенно гигантски выросшим в нынешний период осуществления исторических задач второй пятилетки.

Огромная роль организационного руководства с исключительной яркостью и силой обрисована т. Сталиным в его докладе на XVII съезде.

«После того как дана правильная линия, после того как дано правильное решение вопроса, успех дела зависит от организационной работы, от организации борьбы за проведение в жизнь линии партии, от правильного подбора людей, от проверки исполнения решений руководящих органов. Без этого правильная линия партии и правильные решения рискуют потерпеть серьезный ущерб. Более того, после того как дана правильная политическая линия, организационная работа решает все, в том числе и судьбу самой политической линии — ее выполнение или ее провал⁷».

В этих словах чрезвычайно выпукло и ярко обрисована роль организационного руководства в современных условиях.

⁷ Сталин, Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б), Партиздат, 1934 г., стр. 54.

Именно в недостатках организационной работы коренятся наши трудности. И для преодоления этих трудностей, для ликвидации недостатков и прорывов необходимо устранить недостатки организационной работы.

«... Чтобы побороть эти трудности, надо было ликвидировать отставание нашей организационной работы от требований политической линии партии, надо было поднять уровень организационного руководства во всех сферах народного хозяйства до уровня политического руководства, надо было добиться того, что бы наша организационная работа обеспечивала практическое проведение в жизнь политических лозунгов и решений партии»⁸.

Руководство массами в борьбе за социализм — исключительно трудное и сложное дело. Опыт в этом отношении, накопленный в нашей стране, является первым и до сих пор единственным опытом в истории.

Капитализм знает свои методы руководства и организации. Разумеется, при капитализме не может быть и речи относительно организационного руководства всем хозяйственным организмом целой страны; однако отдельные ячейки этого организма, отдельные предприятия определенным образом руководятся. Форма этого руководства — команда капитала. При капитализме анархия общественного разделения труда идет рука об руку с деспотией над трудом в пределах каждого предприятия. Организатор капиталистического предприятия, «капитал промышленности», — это прежде всего мастер эксплуатации во всех ее, подчас разнообразных, формах. Эксплуатация масс, их надувательство, их материальное и духовное порабощение — вот первая и основная функция капиталистического «руководителя». Второй его функцией является всемерное участие в той борьбе всех против всех, которой характеризуется строй капитализма.

Нечего и говорить, что руководство и организация в условиях социалистического строительства по самому своему характеру, по своему существу, как небо от земли, отличаются от того дела, которым заняты агенты капиталистической эксплуатации. Задачи и функции организационного руководства в социалистическом строительстве прямо противоположны тем задачам и функциям, которые ставят перед собой капиталистические капитаны промышленности. Здесь всякое сравнение может иметь единственной целью лишь более резкое выделение контраста и полнейшей противоположности.

Организационное руководство в социалистическом строительстве это прежде всего организация масс, творящих свое родное, кровное дело, за которое они готовы пожертвовать жизнью, если это потребуются. Борьба с трудностями, искоренение недостатков опираются на энергию и инициативу масс. Самокритика развязывает «ярость масс», переводя их потенциальную энергию в кинетическую. Устранение организационных недостатков — усиление конкретности и оперативности руководства, устранение обезлички и элементов безответственности, борьба с канцелярско-бюрократическими методами работы — имеет целью создание наиболее благоприятных условий для реализации неисчерпаемых запасов активности и энергии масс. Укрепление дисциплины, очистка партии и хозяйственных организаций от ненадежных, переродившихся элементов, смещение негодных руководителей и выдвижение новых людей, способных обеспечить конкретное руководство и укрепление дисциплины, — все это означает устранение препятствий на путях осуществления социализма.

⁸ Сталин, Отчетный доклад XVII съезду о работе ЦК ВКП(б). Партиздат, 1934 г., стр. 55.

Себестоимость и качественные показатели во второй пятилетке

I

Намечая источники и условия социалистической индустриализации, В. И. Ленин писал: «Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и пр.»¹. Таким образом уже в начале восстановительного периода Ленин указывал, что ~~важнейшим и основным источником социалистической индустриализации является у нас внутривыпускное накопление. Это важнейшее ленинское положение было впоследствии развито т. Сталиным в обосновании теории построения социализма в одной стране. «Национализированная промышленность, национализированный транспорт и кредит, монополизированная внешняя торговля, регулируемая государством внутренняя торговля, — все это такие новые источники «добавочных капиталов», могущих быть использованными для развития индустрии нашей страны, которых не имело еще ни одно буржуазное государство»². Значительно более быстрые темпы роста производительности труда в наших условиях, резкое сокращение, а затем и полная ликвидация паразитического потребления являются материальной основой высоких темпов роста социалистического накопления, темпов социалистической индустриализации. С переходом от восстановительного к реконструктивному периоду вопрос об источниках внутривыпускного накопления на базе снижения себестоимости промышленности становится центральным решающим хозяйственно-политическим вопросом. Здесь скрепляется целый узел решающих проблем социалистического строительства: рост социалистического накопления, снижение цен как условие укрепления самой промышленности и торговли, как условие укрепления смычки с крестьянством и повышения реальной заработной платы рабочих. «Основная линия, по которой должна пойти наша индустрия, основная линия, которая должна определять все ее дальнейшие шаги, — это есть линия систематического снижения себестоимости промышленной продукции, линия систематического снижения отпускных цен на промышленные товары. Это та столбовая дорога, по которой должна идти наша индустрия, если она хочет развиваться, если она хочет крепнуть, если она хочет вести за собою сельское хозяйство, если она хочет укреплять и расширять фундамент нашей социалистической экономики»³.~~

¹ Ленин, Лучше меньше, да лучше, т. XVIII, ч. 2, 1923 г., изд. 1-е, стр. 138.

² Сталин, Речь в Свердловском университете 9 июня 1925 г. (см. «Вопросы ленинизма», изд. 2-е, стр. 211).

³ И. Сталин, Речь на V Всесоюзной конференции ВЛКСМ 29 марта 1927 г.

Переход от реконструкции старых отраслей промышленности к созданию новых технически передовых отраслей и новых промышленных районов, создание нового, социалистического крупного с.-х. производства и новых железных дорог выдвигают со всей остротой вопрос о создании новых источников накопления. Тяжелая промышленность и прежде всего машиностроение, реконструированное и технически перевооруженное, выдвигается как дополнительный источник накопления наряду с сохранением и дальнейшим ростом внутрипроизводственного накопления во всех отраслях промышленности. «Усиливая и разворачивая старые источники накопления, нужно добиться того, чтобы тяжелая промышленность и прежде всего машиностроение — также давала накопление»⁴. Громадные резервы снижения себестоимости, отсюда и дополнительные источники накопления в машиностроении обусловлены именно тем, что внедрение и освоение новой техники в машиностроении как базы технического перевооружения всех отраслей народного хозяйства было начато уже в первые годы реконструктивного периода. Завершение реконструкции всех отраслей народного хозяйства, механизация трудоемких работ, повсеместное освоение новой техники во второй пятилетке подводят вместе с тем новую прочную базу под снижение себестоимости во всех прочих отраслях народного хозяйства. При значительном темпе снижения себестоимости в тяжелой промышленности и в особенности в отраслях машиностроения во второй пятилетке необходимо добиться серьезного снижения себестоимости и в отраслях легкой, пищевой и лесной промышленности. Помимо снижения себестоимости в промышленности вторая пятилетка выдвигает задачу снижения себестоимости перевозок на реконструируемых видах транспорта (железнодорожный и водный), в особенности новых видов транспорта (автотранспорта и авиации), резкое снижение себестоимости совхозной продукции и громадный рост производительности труда в колхозах, — все эти задачи гигантских качественных сдвигов поставлены в условиях завершения социально-технической реконструкции всех отраслей народного хозяйства, в условиях ликвидации классов. Завершение технической реконструкции и построение бесклассового общества во второй пятилетке могут быть успешно осуществлены на базе запроектированных качественных сдвигов во всех отраслях народного хозяйства. Решающим фактором установленного роста продукции во второй пятилетке является рост производительности труда, важнейшим фактором роста социалистического накопления — снижение себестоимости. «Осуществление задач технической реконструкции промышленности требует успешного освоения новой техники и новых производств, что должно найти свое выражение в значительном росте производительности труда и серьезном снижении себестоимости»⁵.

Освоение новой техники и новых производств плучает свое экономическое выражение в системе качественных показателей — в значительном росте производительности труда и серьезном снижении себестоимости. Снижение себестоимости в промышленности в 1937 г. на 26% в сравнении с уровнем 1932 г., снижение себестоимости всех транспортных перевозок в среднем на 40%, резкое снижение себестоимости строительства в совхозах, снижение издержек обращения в советской торговле и других отраслях народного хозяйства обуславливают экономию за 5 лет (в сравнении с уровнем 1932 г.) в размере свыше 70 млрд. руб. Прирост капитальных вложений во второй пятилетке по сравнению с первой пятилеткой на 83 млрд. руб., рост реальной заработной платы в два раза, снижение розничных цен на 35% не-

⁴ Сталик, Новая обстановка — новые хозяйственные задачи, 3 июня 1931 г.

⁵ Из резолюции XVII съезда ВКП(б) «О втором пятилетнем плане развития в народном хозяйстве СССР».

посредственно связаны с улучшением качественных показателей во второй пятилетке. Снижение себестоимости в среднем по всем отраслям народного хозяйства примерно в 30% должно быть достигнуто при росте фонда заработной платы по всему народному хозяйству на 54%. Рост производительности труда во второй пятилетке является важнейшим фактором снижения себестоимости, а тем самым важнейшей предпосылкой роста реальной заработной платы в два раза.

Важнейшая задача, поставленная т. Сталиным, создания дополнительных источников накопления по линии тяжелой промышленности и в первую очередь в отраслях машиностроения, полностью должна быть реализована во второй пятилетке на базе снижения себестоимости. Снижение себестоимости обуславливает рентабельность всех почти без исключения отраслей народного хозяйства. План второй пятилетки лишний раз подчеркивает неизбежность советской политики снижения цен, лишний раз подчеркивает никчемность правооппортунистических прожектеров вроде Дольниковых, стремившихся толкнуть на путь повышения цен, прикрываясь фигурой листком хозрасчета и рентабельности, а на деле выступавших против хозрасчета, демобилизуя борьбу за качественные показатели. Снижение отпускных цен в первую очередь в отраслях, успешно осваивающих новую технику и добившихся серьезного снижения себестоимости, является во второй пятилетке одним из важнейших рычагов, стимулирующих дальнейшую борьбу за качественные показатели. Заметное увеличение удельного веса внутрипроизводственного накопления в общей массе социалистического накопления, достигнувшего уже громадных размеров к концу первой пятилетки, при уменьшении в госбюджете удельного веса доходов, получаемых в порядке перераспределения, выражает социальную природу нашей финансовой программы, соответствующую периоду «ликвидации капиталистических элементов и классов вообще» и «завершения технической реконструкции всего народного хозяйства».

Прорывы в деле снижения себестоимости в последние два года первой пятилетки шли почти исключительно за счет трудоемких отраслей, где реконструкция началась в годы первой пятилетки, где завершение технической реконструкции и освоение новой техники должны быть реализованы в годы второй пятилетки.

Мы имеем такое положение, что самый период освоения различен для отдельных отраслей. Период освоения новой техники в отраслях трудоемких, как уголь, металлургия, руда, лес, сравнительно более продолжителен, нежели, скажем, в отраслях машиностроения. Самое наличие машиностроения невозможно без соответствующих квалифицированных кадров. Гигантский рост машиностроения за годы первой пятилетки требовал концентрации основного квалифицированного костяка в первую очередь в отраслях машиностроения. Втягивание в производство неквалифицированной рабочей силы, вовлечение в состав пролетариата в первой пятилетке 8,5 млн. человек из села (бедняки, середняки и колхозники) шло в первую очередь по линии трудоемких отраслей (уголь, металлургия, стройиндустрия, лес и др.). Здесь проблема выковки квалифицированных кадров должна быть разрешена одновременно с социально-классовым перевоспитанием в сознательных пролетариев. Кроме того нередки случаи, когда при значительном притоке рабочей силы в эти отрасли проникали классовый враг, кулацкие элементы, стремившиеся превратить новую технику в орудие классово-вой борьбы. Самая система управления была приспособлена к старым, архаическим способам производства, преобладавшим в этих отраслях. Аппаратная косность родила правооппортунистическую антимеханистическую «теорию», которая на практике тормозила и затягивала процесс освоения новой техники.

Все это получило свое отражение на производительности труда и уровне себестоимости в трудоемких отраслях в последние 2—2½ года первой пятилетки. Рост и подтягивание зарплаты в первой пятилетке как один из важнейших факторов громадного роста уровня благосостояния обгоняли в этих отраслях темп роста производительности труда, на которой еще не сказались освоение новой техники.

Это не могло не сказаться на динамике и уровне себестоимости в такой хотя бы отрасли, как каменноугольная промышленность, где зарплата еще сейчас занимает свыше 60% общего размера себестоимости.

Было бы конечно неверным считать соотношение между зарплатой и производительностью труда основным и единственным фактором высокого уровня себестоимости в этих отраслях в первой пятилетке. Непомерное разбухание аппарата, непропорциональный рост непроизводственных расходов явились существенным фактором повышения уровня себестоимости.

«...Благодаря бесхозяйственному ведению дела принципы хозрасчета оказались совершенно подорванными в целом ряде наших предприятий и хозяйственных организаций. Это факт, что в ряде предприятий и хозяйственных организаций давно уже перестали считать, калькулировать, составлять обоснованные балансы доходов и расходов. Это факт, что в ряде предприятий и хозяйственных организаций понятия: «режим экономии», «сокращение непроизводительных расходов», «рационализация производства» — давно уже вышли из моды»⁶.

В нефтяной промышленности, где процесс технического перевооружения был начат еще до первой пятилетки и в машиностроении, раньше освоившем новую технику, мы имели неуклонное систематическое снижение себестоимости. Снижение себестоимости в последние годы первой пятилетки в отраслях машиностроения базировалось как на дальнейшей реконструкции, так и в особенности на освоении новых производств (автотракторная).

Дальнейшее громадное снижение себестоимости в первом году второй пятилетки в машиностроении, превосходящее по темпам почти все предыдущие годы, базируется преимущественно на громадном расширении круга вновь осваиваемых новых производств. За 10 лет, с 1927 г. по 1937 г., себестоимость машиностроения должна снизиться почти на 65%.

Громадные достижения в деле снижения себестоимости по машиностроению являются ярким образчиком эффективности социалистической реконструкции и вместе с тем они вскрывают те колоссальные потенциальные ресурсы, которые таятся еще во всех отраслях народного хозяйства, которые становятся мобильными и действенными в процессе освоения новой техники.

Если в первой пятилетке при громадных достижениях в деле роста производительности труда снижение себестоимости коснулось далеко не всех отраслей народного хозяйства, то план второй пятилетки намечает не только громадный рост производительности труда, но и серьезное снижение себестоимости во всех без исключения отраслях народного хозяйства при дальнейшем громадном снижении себестоимости в машиностроении (дающего дальнейший рост продукции почти в 2,2 раза в значительной мере за счет новых производств). Причем темп снижения себестоимости в так называемых трудоемких отраслях, отстававших в области качественных показателей в первой пятилетке, намечается выше среднего уровня, установленного для всей промышленности.

Резкое сокращение степени трудоемкости, переход ряда отраслей из разряда трудоемких в число высоко технически вооруженных отраслей находят свое непосредственное выражение не только в уровне, но и в структуре себестоимости.

⁶ С т а л и н, Новая обстановка—новые задачи хозяйственного строительства.

Увеличение удельного веса себестоимости, овеществленного (материальные затраты) труда, в первую очередь амортизации и электроэнергии, непосредственно отражающих уровень технического вооружения при некотором снижении удельного веса расходов, связанных с затратой живого труда и резким сокращением удельного веса непроизводственных затрат в себестоимости, является весьма ярким выражением процессов освоения—центральной задачи второй пятилетки.

Достижение более высоких технических показателей работы оборудования приведет во второй пятилетке к увеличению мощности старых и новых предприятий. Повышение коэффициента использования оборудования во второй пятилетке обуславливается также большой загрузкой предприятий, развитие которых прежде лимитировалось частичной нехваткой сырья (например некоторые отрасли легкой промышленности).

Перед промышленностью во втором пятилетии стоит задача освоения не только новых мощностей, но и производство новой продукции более высокого качества, что требует в ряде случаев дополнительных трудовых процессов. Во второй пятилетке необходимо освоить не только новую технику, новые отрасли, но также и новые районы, удельный вес которых заметно возрастает в важнейших отраслях народного хозяйства. Если наибольшее задание по росту производительности труда и снижению себестоимости из всех отраслей приходится на новые отрасли, то наибольшие качественные задания из всех районов относятся к новым районам. План второй пятилетки предусматривает не только улучшение качества продукции, качества использования орудий и средств производства, но также и улучшение использования естественных ресурсов. Выполнение производственной программы по лесу требует углубления в лесные массивы; выполнение программы добычи рыбы связано с заметным увеличением удельного веса глубинного лова и т. д. Таким образом разрешение проблемы освоения во второй пятилетке требует громадных качественных сдвигов на всех без исключения участках народного хозяйства.

II

Качественные задания на вторую пятилетку и удельный вес отраслей народного хозяйства СССР в общей сумме экономии от снижения себестоимости представляются в следующем размере:

Таблица № 1

Отрасли народного хозяйства	Размер экономии в млн. руб. от снижения себестоим. в 1937 г. в сравнении с 1932 г.	Снижение себестоимости в 1937 г. в % к затратам 1932 г.	Удельный вес отдельных отраслей народного хозяйства СССР в общем размере экономии от снижения себестоимости
Вся промышленность	13 003,6	— 26,0	37,7
Строительство (чистое)	8 729,0	— 40,0	25,3
Промкооперация (вся)	1 943,7	— 19,0	5,6
Транспорт (всех видов за исключением гужевого)	7 465,8	— 40,0	21,7
Торговля (государственная и кооперативная)	1 665,6	— 26,0	4,8
Наркомсовхозов	1 650,9	— 63,3	4,8
Всего	34 458,6	— 30,0	100,0

Из общей суммы экономии от снижения себестоимости в 34,6 млрд. руб. свыше 13 млрд. руб. должна дать промышленность, а в том числе тяжелая — 6,6 млрд. руб. Одна треть от общей суммы экономии в тяжелой промышленности должна быть получена машиностроением.

Радикальное улучшение качественных показателей во всех без исключения отраслях народного хозяйства обеспечивает гигантский рост социалистического накопления во второй пятилетке. Это лишний раз опровергает правооппортунистическое и троцкистское торгашеское понимание рентабельности в нашем хозяйстве. В первоначальном периоде организации социалистических предприятий мы имели в отдельных отраслях сравнительно высокий уровень себестоимости, что не может в наших условиях служить основанием к ликвидации или закрытию этих предприятий. Организационное укрепление на социалистической основе отдельных отраслей и предприятий, неуклонная борьба за качественные показатели обеспечивают с завершением организационного периода громадное снижение себестоимости. Создание во второй пятилетке дополнительных источников накопления и превращение наших совхозов в рентабельные предприятия лишний раз вскрывают общенароднохозяйственную природу рентабельности в нашем хозяйстве.

Реализация качественных сдвигов второй пятилетки началась в тяжелой промышленности уже в 1933 г. Тяжелая промышленность в отличие от предыдущих двух лет достигла в 1933 г. известного снижения себестоимости, недовыполнив однако план снижения себестоимости. Экономия от снижения себестоимости в тяжелой промышленности за 1933 г. определяется примерно суммой в 300 млн. руб. При недовыполнении плана снижения себестоимости в 1933 г. ряд отраслей (в первую очередь машиностроение) перевыполнил план 1933 г.

План 1934 г. определяет снижение себестоимости во всех отраслях народного хозяйства на 8,0% (экономия в 5,0 млрд. руб.) и по промышленности — на 4,7% (экономия почти в 1,5 млрд. руб.).

Среднегодовой темп снижения себестоимости во вторую пятилетку по всей промышленности определяется в 5,7%, в том числе по тяжелой — на 7,3% и легкой — на 3,5%.

Наибольший темп снижения себестоимости по промышленности мы имели за период с 1928 до 1931 г., когда он определялся в 5,5—6%. Однако, если каждый процент снижения себестоимости по всей промышленности в указанные годы определял экономию в 130—150 млн. руб., то каждый процент снижения себестоимости в 1934 г. должен дать 245 млн. руб. экономии, а в 1937 г. — свыше 450 млн. руб.

По данным американских цензов, среднегодовое снижение «первичной себестоимости» за лучшие годы (1922—1927) так называемого «процветания» составляло 4,0%. При этом нужно иметь в виду, что в «первичную себестоимость» входят лишь материальные затраты и зарплата, резко же возросшие за эти годы накладные расходы (в особенности расходы торговые) в эту «себестоимость» не включены. Природа снижения «первичной себестоимости» определяется в первую очередь снижением фонда заработной платы рабочих в США.

Намечаемый на вторую пятилетку темп снижения себестоимости в СССР обуславливает одновременно громадный дальнейший рост уровня благосостояния трудящихся (рост реальной зарплаты в два раза), а также рост социалистического накопления.

При снижении себестоимости в промышленности в 1937 г. в сравнении с 1932 г. в среднем на 26% аккумулярованный размер снижения за все пять лет определяется в 14,7%, что определяет сумму экономии за пять лет в 26,5 млрд. руб. (против 13 млрд. руб. снижения в 1937 г.).

Роль важнейших групп отраслей в снижении себестоимости представляется примерно в следующем виде:

Таблица № 2

	% снижения		Размер снижения в среднем за 5 лет в сравнении с уровнем 1932 г. (аккумулятивный итог)	(Экономия в млн. руб.)	
	1937 г. в % к 1932 г.	среднегодовой темп снижения		от снижения в 1937 г. в сравнении с 1932 г.	от снижения за 5 лет (аккумулятивный итог)
Вся промышленн.	— 26,0	5,7	— 14,7	13 004	26 489
В том числе:					
тяжелая	— 32,5	7,3	— 19,8	6 667	15 544
легкая	— 16,0	3,5	— 7,8	2 204	3 334
пищевая	— 25,0	5,5	— 13,5	2 975	5 971

Экономия от снижения себестоимости за все 5 лет в сравнении с уровнем 1932 г. определяется для основных отраслей народного хозяйства суммой в 70 млрд. руб., в том числе промышленность — в 26,5 млрд. руб. и строительство — около 16 млрд. руб.

Амплитуда колебаний темпов снижения себестоимости во второй пятилетке чрезвычайно велика. При среднем снижении в промышленности на 26% по ряду новых отраслей и новых видов продукции и новых районов размер снижения превышает 45—50%. Характерно то, что в отличие от планов предыдущих лет задания по снижению себестоимости в так называемых трудоемких отраслях (каменный уголь, черная металлургия и др.) превышают средний размер снижения.

Снижение себестоимости во второй пятилетке в основном определяется следующими факторами: рост производительности труда, превышающий темп роста заработной платы; снижение материальных затрат и заготовительных расходов и наконец, резкое снижение административно-управленческих расходов. Согласно ориентировочным расчетам из общей суммы экономии от снижения себестоимости во всех отраслях народного хозяйства около 43% должно быть получено за счет роста производительности труда, более 33% — за счет снижения на 16,5% материальных затрат и заготовительных расходов на 20% на единицу продукции и около 24% — от сокращения почти на 40% накладных и административно-управленческих расходов на единицу продукции.

Ориентировочные расчеты вскрывают примерно следующий удельный вес отдельных элементов в экономии от снижения себестоимости.

Таблица № 3

	Вся экономия	Материальные затраты	Производит. труда	Амортизация	Накладные расходы
Вся промышленность	100,0	33,4	43,4	+0,2	23,4
В том числе:	100,0	26,4	53,6	+1,4	22,4
тяжелая	100,0	32,5	44,9	2,0	19,6
легкая	100,0	51,3	28,3	—	20,4
Строительство (чистое)	100,0	11,3	84,8	+11,8	15,7
Железнодорожный транспорт	100,0				

Анализ итогов первой пятилетки, задачи завершения технической реконструкции и освоения новой техники во второй пятилетке определили центральные узловые вопросы, лежащие в основу построения плана качественных показателей на вторую пятилетку. Прежде всего темп роста производительности труда, превосходящий темп роста зарплаты; при этом наибольший рост темпа производительности труда намечается в трудоемких отраслях, перестающих быть таковыми в связи с полной почти механизацией основных процессов. При росте производительности труда в среднем по промышленности на 63% рост производительности по углю — на 91%, по черной металлургии — на 100%, в строительстве — на 75%, в совхозах в 3,5 раза и т. д.

Рост производительности труда (с учетом повышения зарплаты) в ряде важнейших отраслей более чем наполовину определяет размер снижения себестоимости.

Рост производительности труда во второй пятилетке непосредственно связан с качественными сдвигами в составе рабочей силы.

Во второй пятилетке мы должны иметь изменение соотношений в численности квалифицированных и неквалифицированных, основных и подсобных рабочих и ИТР, рабочих и служащих. Задача освоения новой техники требует повышения удельного веса квалифицированных рабочих и насыщения ИТР. Удельный вес квалифицированных рабочих (окончивших ФЗУ) в числе вновь вовлекаемых в производство во второй пятилетке повышается почти в 5 раз (50% против 11 в первой пятилетке). Число ИТР с законченным образованием на 100 рабочих повышается в тяжелой промышленности с 3,9 до 6,9, т. е. на 77%, в легкой — соответственно на 50%.

В структуре фонда зарплаты повышается удельный вес ИТР при резком сокращении удельного веса служащих. Таким образом план по труду построен, исходя из единства задачи освоения новой техники и создания новых организационных форм, соответствующих новому уровню развития производительных сил. Вместе с тем затраты труда во всех без исключения отраслях исходят из необходимости резкого улучшения качества продукции. Мы достигли такого уровня технического развития, когда улучшение качества продукции может и должно сопровождаться сокращением затрат труда на единицу продукции за счет роста производительности труда при дальнейшем росте зарплаты.

III

Итоги первой пятилетки и анализ 1933 г. приковывают особое внимание к вопросу использования материальных ресурсов как фактора снижения себестоимости во второй пятилетке. Не случайно одним из важнейших факторов снижения себестоимости в промышленности является уменьшение на 16,5% на единицу продукции затрат на сырье, материалы и топливо. Намеченное за счет этого фактора снижение себестоимости также базируется на освоении нового оборудования, лучшем использовании старого, громадном росте механизации и т. д.

Намеченное на второе пятилетие снижение себестоимости должно быть достигнуто наряду с резким улучшением качества продукции. Если учесть народнохозяйственную экономию от улучшения качества продукции, то сумма исчисленной экономии от снижения себестоимости промышленности в 1937 г. в 13 млрд. руб. должна быть значительно увеличена, поскольку снижение себестоимости на 26% распространяется на продукцию более высокого качества.

Экономия средств и орудий производства (сырье, топливо, материалы, амортизация) есть функция роста производительности общественного труда.

Это определяется тем «что средства функционируют и потребляются как общие средства производства комбинированного рабочего, так что сама эта экономия оказывается продуктом общественного характера, непосредственно производительного труда...» «...в глазах капиталиста экономия на постоянном капитале представляется условием совершенно чуждым и посторонним рабочему, условием, к которому рабочий не имеет никакого касательства»⁷. В нашей себестоимости конденсируются не только преимущества, лежащие на стороне живого труда, но так же и на стороне расходования материальных средств (овеществленного труда). «Капиталистическое производство, несмотря на все свое скопидомство, несомненно расточительно в обращении с человеческим материалом, с другой стороны, оно благодаря методу распределения своих продуктов при помощи торговли и своему способу конкуренции оказывается также весьма расточительным в расходовании материальных средств»⁸. Мы еще по этой линии имеем громадные неиспользованные ресурсы.

Проблема освоения новой техники имеет непосредственное отношение не только к росту производительности труда рабочих, занятых в данном процессе производства, но и к лучшему использованию материальных ресурсов производительности (обобществленного труда). Лучшее использование сырья, топлива и материалов есть неотъемлемая часть проблемы производительности труда; разрешение этой проблемы лежит на стороне самого рабочего и непосредственно связано с повышением квалификации и лучшей организации труда.

Сумма экономии от улучшения использования материальных ресурсов в 1937 г. в сравнении с 1932 г. в полтора раза превышает стоимость всей промышленной продукции в 1913 г.

При заметных достижениях в годы первой пятилетки в деле использования важнейших видов средств производства (металл, топливо) в ряде отраслей народного хозяйства показатели использования сырья (в особенности сельскохозяйственного) оставались почти неподвижными, а в некоторых случаях даже ухудшались.

Важнейшие показатели размера материальных затрат на единицу продукции уже в конце восстановительного периода были ниже довоенного уровня. Лучшее использование оборудования топлива и важнейших видов сырья в сравнении с довоенной капиталистической промышленностью уже достигнуто в годы восстановительного периода, выявляя преимущества нашего социального строя. Однако технико-производственные показатели использования материальных ресурсов отстали от темпов роста производительности труда. Недовыполнение плана снижения себестоимости в ряде отраслей в последние два года первой пятилетки и в 1933 г. в значительной мере обуславливаются перерасходом сырья, топлива и материалов. В области использования материальных ресурсов мы имеем еще гигантские потенциальные резервы социалистического накопления и роста продукции. Несмотря на заметные достижения в деле использования металла и топлива, мы и в этой области сделали в первой пятилетке лишь первые шаги.

Обычно, говоря об использовании сырья или топлива, ссылаются на нормативы материальных затрат, забывая о громадных материальных потерях, вытекающих из низкого качества сырья, материалов и топлива и некомплектного снабжения и зачастую из безобразного использования материальных ресурсов.

Проблема использования материальных ресурсов (овеществленного труда) выходит далеко за рамки обычных нормативов затрат сырья, топлива,

⁷ Маркс, Капитал, т. III.

⁸ Там же.

материалов на единицу продукции. Говоря об использовании сырья, нужно иметь в виду не только количество сырья, затрачиваемое на единицу производимой готовой продукции, а объем готовой продукции, получаемой при данном количестве сырья.

План качественных показателей на вторую пятилетку со всей силой ударяет по правооппортунистическому противопоставлению задач снижения себестоимости задачам улучшения качества продукции; задачи снижения издержек обращения в советской торговле улучшению обслуживания потребителя. Резкое улучшение качества продукции является одним из важнейших факторов снижения себестоимости во второй пятилетке. В резолюции о второй пятилетке XVII съезд партии предлагает: «Одновременно со снижением себестоимости добиться резкого улучшения качества и ассортимента продукции во всех отраслях народного хозяйства».

Необходимо развернуть самую беспощадную борьбу с вкоребившейся в практику ряда предприятий и хозяйственных организаций правооппортунистической «теорией» невозможности снижения себестоимости одновременно с улучшением качества продукции и ассортимента.

Улучшение использования средств производства во второй пятилетке обуславливается тремя основными факторами: улучшением качества оборудования, сырья, топлива и материалов, сокращением материальных потерь и использованием так называемых «отходов» и наконец переходом на более дешевые виды сырья, топлива, энергии, материалов.

Наряду с улучшением использования материальных ресурсов качественные сдвиги в структуре оборудования и сырья должны обеспечить во второй пятилетке полное высвобождение от иностранной зависимости по линии средств производства.

Вторая пятилетка предусматривает за счет одного лишь улучшения использования материальных затрат в основных отраслях народного хозяйства в 1937 г. в сравнении с 1932 г. экономию в сумме свыше 9,5 млрд. руб., а за все годы пятилетки — около 20 млрд. руб. Значительная доля экономии от улучшения использования материальных ресурсов лежит на стороне повышения качества самих средств производства. Однако эта сумма экономии далеко не исчерпывает всей народнохозяйственной экономии. Взять хотя бы то, что самое уменьшение зольности и влажности угля помимо уменьшения затрат угля (кокса), скажем, на тонну чугуна, помимо улучшения в связи с этим использования доменных печей, помимо уменьшения затрат в производстве является существенным фактором улучшения использования подвижного состава на транспорте.

Наряду со снижением расходных норм кокса в доменном производстве на 15—25% громадное значение для снижения себестоимости имеет рациональное использование отходящих газов в черной металлургии. Дополнительные энергетические ресурсы от использования доменных газов исчисляются для 1937 г. почти в 9 млн. *т* условного топлива. Более полное использование шлаков (шлако-цемент) вместо теперешних 40% является заметным дополнительным сырьевым ресурсом и фактором снижения себестоимости черной металлургии.

Ориентировочные расчеты показывают, что запроектированное на базе использования так называемых отходов комбинирование по трем отраслям (электростанции, коксовой и черной металлургии) обуславливает экономию свыше 20 млн. *т* условного топлива. Одно лишь улучшение использования материальных ресурсов по указанным отраслям должно дать за вторую пятилетку экономии свыше 2 млрд. руб.

Увеличение механического обогащения углей в 1934 г. более чем в 3,5 раза в сравнении с 1932 г. обуславливает снижение зольности по Донтопливу с 11,3% до 8,5% и сернистости — с 2,59 до 1,6%; за счет этого лишь одного

фактора нормы расходования кокса на тонну чугуна должны снизиться на 8,5% из общего запроектированного снижения норм на 15—20%. За счет улучшения качества угля должна быть получена экономия кокса в 1,2 млн. *т.* из общей экономии в 2,5 млн. *т.* За счет снижения норм расходования кокса в черной металлургии снижение норм расходования кокса определяет снижение себестоимости в черной металлургии на 5% (из общего задания в 33%). При условии сохранения старых норм и качества 1932 г. для выполнения намеченной программы черной металлургии потребовались бы дополнительно громадные капитальные вложения для постройки двух крупных коксовых комбинатов.

Снижение зольности карагандинских углей с 17,4 до 12,5% снижает перевозку бесполезного груза на 150 тыс. *т.*, что устраняет излишний грузооборот в 180 млн. *т/м* и экономит более 10 тыс. вагонов.

Важнейшим фактором лучшего использования материальных ресурсов является переход в ряде отраслей на местное сырье и топливо. Удельный вес дальнепривозного топлива в выработке электроэнергии сокращается с 33,8 до 21,1%, удельный вес местного топлива повышается с 55,6 до 62,3%, удельный вес гидроэнергии повышается с 7,3 до 19,5%. Помимо заметного снижения себестоимости электроэнергии примерно на 10% за счет увеличения удельного веса гидроэнергии уменьшение потребления дальнепривозного топлива и рост потребления гидроэнергии обуславливают резкое улучшение использования транспортных средств. Во втором пятилетии необходимо не только добиться снижения топливных норм на единицу продукции на 17%, но также и заметного изменения структуры топливоиспользования.

Помимо экономии в расходовании топлива на электростанциях, выражаемой для 1937 г. в 4,1 млн. *т* условного топлива, одно лишь производство гидроэнергии обуславливает экономию в 2,5 млн. *т* условного топлива. Производство централизованного тепла от ТЭЦ даст экономию в топливе в 2 млн. *т* условного топлива, обуславливая снижение себестоимости электроэнергии на 4% (из общего снижения в 29%). Улучшение использования металла является громадным ресурсом дальнейшего снижения себестоимости в таких отраслях, как автотракторная, станкостроение, шарикоподшипник и др., где мы имели громадное снижение себестоимости за последние годы.

Качественное изменение структуры ассортимента металлургии (качественные стали, электросталь, цветной металл и т. п.) является основной материальной предпосылкой качественных сдвигов в машиностроении.

Машиностроение в свою очередь должно обеспечить не только улучшение использования сырья, материалов и топлива и рост производительности внутри своих отраслей. Качественные сдвиги в машиностроении, обуславливая сокращение затрат труда и металла на производство единицы машиностроительной продукции, являются важнейшей предпосылкой резкого улучшения качественных показателей во всех прочих отраслях народного хозяйства. Снятие с программы устаревших и малоэффективных конструкций и введение в производство тяжелых шлифовальных, карусельных, зуборезных станков, автоматов и полуавтоматов должны повысить к концу второго пятилетия отдачу станков в связи с улучшением конструкций, увеличением скоростей резания, специализацией станков и т. д. минимально в полтора раза. Таким образом намеченные к выпуску в 1937 г. 40 тыс. станков могут заменить работу примерно 60 тыс. станков той квалификации, которой выпускались в конце первой пятилетки.

Существенный фактор роста производительности труда и снижения себестоимости ж.-д. перевозок определяется качественными сдвигами в **отраслях машиностроения, изготавливающих транспортное оборудование.**

Повышение средней грузоподъемности товарного вагона с 29 до 47 т, увеличение удельного веса саморазгружающихся вагонов в пересчете на двухосные с 20,8 до 41 % и т. п. определяют как громадную экономию в рабочей силе, так и значительное сокращение материальных затрат, в частности топлива на единицу продукции. Увеличение соотношения грузоподъемности наливной баржи в тыс. т к ее весу с 8,7 в 1932 г. до 9,3 в 1937 г. означает резкое увеличение грузоподъемности баржи при меньшем количестве барж.

Выпускаемые во втором пятилетии тепловозы будут расходовать в четыре раза менее топлива, чем при аналогичной работе на паровозной тяге; помимо того огромное преимущество тепловозов — в отсутствии потребности в воде, что особо важно для безводных районов, например железные дороги Средней Азии.

Осуществление во втором пятилетии технической реконструкции всего сельского хозяйства предполагает не только количественный рост механизации, но и внедрение более эффективных машин и орудий, определяющих как повышение производительности труда, так и улучшение использования материальных ресурсов. Перевод мощных гусеничных тракторов с карбюраторного мотора на дизельмотор определяет сокращение расхода легкого топлива около 500 тыс. т в 1937 г. Переход к широкозахватной льнотеребилке вместо «комсомолки» — дополнительное уменьшение затрат рабочего времени примерно в 4—5 раз.

Таким образом во второй пятилетке необходимо добиться повышения эффективности использования каждой тонны металла, обрабатываемой в продукции машиностроения. Размер продукции должен увеличиться не только на каждую единицу оборудования, но и на каждую тонну металла, затраченную на производство оборудования в отраслях машиностроения. Важнейшим фактором снижения себестоимости строительства является намечаемое резкое улучшение качества строительных материалов (цемент и др.). Из общей суммы экономии от лучшего использования стройматериалов в строительстве примерно в 3 млрд. руб. значительная доля приходится за счет улучшения качества стройматериалов и качества самого строительства.

Громадным фактором снижения себестоимости во втором пятилетии является использование отходов, вернее говоря, превращение отходов в полноценные продукты. В особенности это относится к новым производствам, где сравнительно высокая себестоимость в первый период связана с плохим использованием побочных продуктов, а в ряде случаев и с потерями. Проблема полного освоения производства, скажем, синтетического каучука, и резкого снижения себестоимости лежит также по пути полного использования всех так называемых отходов, а по существу ценнейших продуктов.

Доведение в конце второй пятилетки до 80% размера продукции, получаемой с новых и заново реконструированных предприятий, наряду с широким развертыванием комбинирования является важнейшей предпосылкой улучшения использования материальных ресурсов. Уже на примере ряда построенных и осваиваемых гигантов-комбинатов (хотя бы мясокомбината) взамен старых распыленных мелких предприятий с низким уровнем техники мы можем судить о тех гигантских резервах внутрипроизводственного накопления, которые имеем с освоением новой техники по линии материальных затрат.

Проблема использования материальных ресурсов во второй пятилетке разрешается на базе социально-технической реконструкции всех отраслей народного хозяйства, она входит составной частью в общую проблему освоения.

Проблема использования средств производства в отраслях легкой и пищевой индустрии имеет особое значение во второй пятилетке. Данные за 1932 г. и в особенности 1933 г. свидетельствуют о том, что перерасход сырья и топлива в отраслях легкой и пищевой индустрии был основной причиной повышения себестоимости в этих отраслях. Известная экономия, полученная в легкой и пищевой промышленности за счет роста производительности труда и снижения управленческих расходов, была с лихвой перекрыта перерасходом сырья и топлива. Причина перерасхода лежала как на стороне плохого использования сырья в производстве, так и на стороне низкого качества сырья. Борьба за улучшение качества сельскохозяйственного сырья наряду с улучшением использования сырья в промышленности (предварительная переработка и т. д.) является существенным фактором снижения себестоимости в отраслях легкой и пищевой промышленности.

Выход пряжи из хлопка, увеличение масличности семян, увеличение сахаристости свеклы, — все это есть в значительной мере проблемы, связанные с социалистической реконструкцией сельского хозяйства, с вопросом организационно-хозяйственного укрепления социалистического сельского хозяйства, со ставкой на поднятие качественных показателей сельскохозяйственного производства. В условиях преобладания индивидуального сельского хозяйства проблема качества сельскохозяйственного производства разрешена быть не могла; не случайно мелкотоварное крестьянское производство на старой архаической производственной технической основе, как хозяйство по своей природе экстенсивное не дало в течение целого ряда лет каких-либо улучшений в отношении качества продукции. Удельный вес сельскохозяйственного сырья в себестоимости важнейших продуктов легкой и пищевой промышленности колеблется от 25 до 70—80%, а в среднем составляет не менее 50% в себестоимости продукции. Если проследить на протяжении последних 10 лет два важнейших показателя: выход пряжи от хлопка и выход сахара из свеклы, то мы имеем здесь исключительную устойчивость с колебаниями в ту и другую сторону на 1—2%, причем эти показатели еще недалеко ушли от довоенного уровня. Это непосредственно связано и вытекало из социально-технической основы сельского хозяйства на протяжении всего восстановительного периода.

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства, обеспечивающая гигантское повышение производительности труда, создаст все необходимые предпосылки для заметного улучшения качества сельскохозяйственной продукции. Это означает заметное сокращение затрат на воспроизводство в народном хозяйстве единицы продукции. Весьма неподвижные нормативы затрат в отраслях легкой и пищевой промышленности за последние годы должны быть заметно снижены как в связи с ростом производительности труда в промышленности, так и в сельском хозяйстве при обязательном улучшении качества готовой продукции в этих отраслях. Выход пряжи из хлопка в конце второй пятилетки должен повыситься до 94—95%, т. е. до уровня, которого мы еще никогда не достигали и которого не знает ни одна капиталистическая страна. Выход сахара из свеклы должен достигнуть 14,5%; потери при переработке должны снизиться с 2,9 до 2,3%. Это последнее означает дополнительное накопление 500 млн. руб.

Резкое изменение структуры ассортимента в сторону повышения высококачественных продуктов в легкой и пищевой промышленности, а также улучшение использования сырья в этих отраслях в основном обуславливается гигантскими качественными сдвигами в сельском хозяйстве. Повышение более чем в пять раз удельного веса египетского хлопка в общем сборе хлопка, повышение удельного веса тонкой шерсти и полугрубой — обуслов-

ливают резкое повышение качества текстильной промышленности и уменьшение материальных затрат на единицу продукции.

Наряду с заметным снижением затрат сырья, топлива и материалов на единицу продукции в себестоимости продукции во второй пятилетке возрастает роль амортизации. Техническое перевооружение труда во всех отраслях народного хозяйства заметно изменяет в себестоимости продукции соотношение между размером затрат живого и овеществленного труда, особенно в той части этого последнего, которая обуславливает повышение технической вооруженности труда. При заметном улучшении использования механизмов, при заметном снижении себестоимости строительства, вступающего в эксплуатацию в годы второй пятилетки, в ряде отраслей размер амортизации повышается на единицу продукции, не говоря уж о повсеместном почти повышении его удельного веса в себестоимости продукции. Это в первую очередь относится к трудоемким отраслям с низкой технической вооруженностью, с незначительным размером амортизации. Внедрение в эти отрасли новейшей машинной техники, механизация во второй пятилетке основных трудоемких работ на 80—90% не могут не привести к некоторому росту амортизации на единицу продукции.

Если на 1 рубль валовой продукции промышленности (в неизменных ценах 1926/27 г.) в 1932 г. приходилось амортизации 3,1 коп., то в 1937 г. она повышается почти до 5,1 коп., на 1 рубль зарплаты рабочих в 1932 г. амортизации приходилось 16,6 коп., а в 1937 г. — около 30 коп.

Повышение затрат по амортизации на единицу продукции как выражение технической вооруженности труда с лихвой компенсируется громадным снижением затрат труда на единицу продукции; иначе говоря, повышение амортизации в ряде отраслей является во второй пятилетке неизменным условием запроектированного снижения себестоимости.

Ориентировочные расчеты эффективности использования материальных ресурсов по важнейшим отраслям показывают следующее: снижение норм расходования кокса обуславливают возможность выплавки около 2,0 млн. *t* (из общего количества в 1937 г. в 16 млн. *t*) и повышение производительности домны на 2,2% (что равноценно работе новой домны на 160 *t* чугуна). Снижение топливных норм на 1 *квтч* электроэнергии обуславливает выработку электроэнергии в 1937 г. в 5 млрд. *квтч* (из 38 млрд.), снижение расходования сырья в цементной промышленности, прирост 3 млн. бочек цемента (из 48,4 млн. бочек); улучшение качества цемента означает сокращение потребности цемента в строительстве почти на 10 млн. бочек.

Ориентировочные расчеты показывают, что при условии сохранения показателей использования автомашин на уровне 1932 г. в 1937 г. потребовалось бы для выполнения намеченного объема грузооборота увеличение количества машин почти в два раза в сравнении с размером запроектированного автопарка на 1937 г. (т. е. вместо 373 тыс. грузовых машин). Помимо всего прочего это отражает, какую гигантскую экономию в капитальных вложениях таят в себе качественные показатели.

По отраслям легкой промышленности лучшее использование сырья обуславливает прирост выработки: 275 млн. *m* тканей в хлопчатобумажной промышленности, 17 млн. *m* в шерстяной, 5,8 млн. пар обуви.

Если улучшение использования материальных ресурсов обуславливает в 1937 г. экономию свыше 9,5 млрд. в основных отраслях народного хозяйства, то вместе с тем оно определяет снижение себестоимости более чем на 10% из общего снижения в 30%.

Сумма экономии от улучшения использования материальных ресурсов в народном хозяйстве почти равна запроектированной экономии от превышения темпов роста производительности труда над темпом роста зарплаты.

При условии сохранения структуры и качества использования материальных ресурсов на уровне 1932 г. для выполнения намеченной производственной программы потребовался бы значительно больший объем капитальных вложений, нежели тот, который намечен на вторую пятилетку.

Улучшение использования материальных ресурсов во второй пятилетке обуславливает в известной мере запроектированный рост народного дохода. Превышение темпов роста чистой продукции над валовой во второй пятилетке объясняется исключительно запроектированной экономией от снижения материальных затрат. Размер экономии от сокращения материальных затрат перекрывает во второй пятилетке повышение удельного веса сырьемких отраслей (легкой и пищевой индустрии) с меньшим удельным весом чистой продукции. При условии сохранения размера материальных затрат на уровне 1932 г. и изменение удельного веса отраслей промышленности, темп роста народного дохода отставал бы от темпа роста валовой продукции.

Улучшение использования материальных ресурсов есть фактор реального увеличения продукции являясь существенным элементом роста производительности труда в народном хозяйстве.

Важнейшим условием выполнения плана снижения себестоимости и издержек обращения во второй пятилетке являются реконструкция и резкое улучшение работы транспорта. Если качественные сдвиги на транспорте в значительной мере зависят от работы промышленности (в частности машиностроения), то не в меньшей мере выполнение производственной программы и улучшение качественных показателей промышленности, строительства, сельского хозяйства и торговли находятся в зависимости от работы транспорта. Убыстрение пробега, своевременная погрузка и выгрузка, улучшение использования подвижного состава являясь условием бесперебойного воспроизводства. Улучшение технико-производственных показателей работы транспорта обуславливает одновременно выполнение количественных и качественных показателей прочих отраслей народного хозяйства, снижение себестоимости перевозок и заметное улучшение использования материальных ресурсов на самом транспорте (подвижной состав, топливо и металл). Это последнее является важнейшей предпосылкой определения линии материальной балансовой связи транспорта с промышленностью (баланс топлива, баланс подвижного состава, металла и т. п.). Снижение средней себестоимости тонно-километра перевозок на 40% определяется не только снижением себестоимости каждого вида транспорта в отдельности, но также заметным повышением в грузообороте удельного веса новых и более дешевых видов транспорта (авто, авио, водный) при сохранении ведущей роли ж.-д. транспорта. Освоение автомобиля определяет снижение себестоимости *т/км* автомобильных перевозок на 54% и авиации — более чем на 70% себестоимости летного часа. Автоперевозки возрастают в 1937 г. в 15 раз; удельный вес автоперевозок в общем грузообороте страны возрастает более чем в семь раз и более дешевых водных перевозок — почти в полтора раза.

Резкое увеличение удельного веса автомобильных перевозок в грузообороте страны не только заметно снижает транспортные расходы на единицу продукции в народном хозяйстве, но является также существенным рычагом убыстрения процесса производства и обращения. Темп роста грузооборота во второй пятилетке почти в два раза превышает темп роста транспортных расходов в основных отраслях народного хозяйства. Ориентировочные расчеты показывают, что транспортные расходы снижаются в 1937 г. (в сравнении с 1932 г.) на единицу продукции почти на 40%. Это означает возможность снижения себестоимости в производстве почти на 6% за счет более эффективного использования транспорта. Одно лишь уве-

личение роли более совершенных видов транспорта обуславливает экономию примерно в 6—7 млрд. руб. Внедрение автомобиля, авиации и т. п. в хозяйственную жизнь страны помимо сравнительной дешевизны перевозок способствует снижению себестоимости производства и издержек обращения, убыстряя процесс производства и обращения.

IV

В использовании средств производства исключительно резко сказывается хищническая, расточительная природа капитализма, в особенности в условиях кризиса. Несмотря на громадное снижение заработной платы, за последнее падение цен на сырье, материалы и топливо, темп снижения себестоимости в ряде отраслей отстает в период кризиса от темпа снижения заработной платы и цен на сырье, что свидетельствует о стабилизации и ухудшении технико-производственных показателей использования материальных ресурсов.

Если проследить за период 1928—1932 гг. темп падения производства в ряде отраслей США и степень уменьшения потребления основных видов сырья и материалов (железа, стали и др.), то в одних отраслях мы имеем некоторое соответствие, а в других темп падения объема производства превышает темп сокращения потребления основных средств производства. Официальные данные о снижении некоторых норм затрат сырья и топлива являются кривым зеркалом гигантского расточительства материальных ресурсов. Снижение за период 1928—1932 гг. норм расходования топлива на выработку 1 квтч электроэнергии по станциям общего пользования США на 12% обуславливается резким снижением нагрузки ряда станций с концентрацией основной массы производства в наиболее крупных станциях. Степень использования сырья, топлива и материалов далеко не ограничивается показателями затраты на единицу готовой продукции; громадный разрыв между объемом производства сырья, полуфабрикатов и топлива, с одной стороны, и готовой продукции, с другой стороны, означает, не что иное, как громадный абсолютный рост затрат овеществленного труда на каждую единицу реализуемой продукции. Унижение материальных ценностей есть скрытая форма громадного роста капиталистических издержек производства, несмотря на их снижение в каждом отдельном капиталистическом предприятии. Если взять лишь технико-производственные показатели затрат на единицу продукции, то и здесь за период «расцвета» сдвиги не столь значительны, не говоря уже о периоде кризиса. Расход кокса на тонну чугуна за период 1914—1929 гг. снизился в США на 9%, расход всей шихты на тонну чугуна за тот же период снизился на 6,0%⁹. Резкое понижение нагрузки предприятий в период кризиса привело не только к росту так называемых непропорциональных накладных расходов, но также и к резкому ухудшению нормативов затрат сырья и топлива. Затраты кокса на тонну чугуна в ряде предприятий в Германии за период 1929—1931 гг. выросли на 10—30%; расход топлива на единицу продукции в крупнейших сталелитейных заводах вырос почти в два раза¹⁰.

Намеченные на вторую пятилетку показатели использования материальных ресурсов вскрывают исключительные преимущества нашей хозяйственной системы. Одинаковый объем сырья, топлива и материалов в наших условиях дает несравненно больше готовой продукции, нежели в условиях капитализма. Это является одним из показателей социалистической организации труда, выражением большей производительности не только жи-

⁹ «The Iron Age», 1933.

¹⁰ «Stahl und Eisen», 1932.

вого, но и овеществленного труда. Расход кокса на тонну чугуна должен быть снижен за период 1932—1937 гг. более чем на 20%, а по новым домам— более чем на 25% при заметном снижении норм расходования по этим последним за годы первой пятилетки. Использование коксовальных газов и доменных газов должно дать дополнительные ресурсы, выражаемые для 1937 г. в размере 15 млн. условного топлива. По размеру затрат кокса на тонну чугуна по новым предприятиям мы уже сейчас достигли норм передовых капиталистических стран.

По нормам расходования топлива на 1 квтч электроэнергии мы уже в 1931 и 1932 гг. достигли норм затрат США. За период с 1926 до 1932 г. топливные нормы на выработку электроэнергии снизились почти на 30%, вторая пятилетка должна дать дальнейшее снижение на 23% (более чем на 30% ниже соответствующих затрат в Англии). Таким образом по важнейшим показателям использования материальных ресурсов мы во второй пятилетке выходим на первое место в мире. Если учесть, что по ряду важнейших отраслей мы достигнем более высокого уровня производительности труда, нежели в капиталистических странах, то можно утверждать, что размеры затрат живого и овеществленного труда (с учетом продолжительности рабочего дня) в наших новых предприятиях к концу второй пятилетки будут ниже, нежели в соответствующих отраслях передовых капиталистических стран, не говоря уж о том, что размер непроизводительных затрат в нашей себестоимости будет в несколько раз ниже непроизводительных затрат капиталистической себестоимости. Громадный рост технической вооруженности труда во второй пятилетке обуславливает заметный рост удельного веса амортизации в себестоимости при резком снижении удельного веса непроизводственных расходов. Чрезвычайно характерно то, что за послевоенный период удельный вес амортизации в издержках производства капиталистических стран заметно возрос, выражая громадную недогрузку оборудования и гигантские размеры морального износа в докризисный период. Все это в период кризиса дополнилось прямым физическим истреблением громадной производственной мощности — удельный вес так называемых постоянных издержек, куда включена амортизация, в Германской промышленности, возрос с 12% в 1928 г. до 30% в 1932 г.; еще до кризиса удельный вес амортизации в ряде важнейших отраслей США и Германии вырос в полтора-два раза. Эти структурные сдвиги в издержках производства отражают непроизводственный прогресс, является оборотной стороной кризиса. Физический износ в период всеобщего кризиса, загнивания зависит не столько от производственного использования основного капитала, сколько от гигантских излишков производственной мощности. При увеличении удельного веса амортизации в издержках производства за последние годы резко снизился удельный вес затрат по ремонту оборудования, который считается излишним непроизводственным расходом, поскольку нет смысла поддерживать существование производственной мощности. Этим самым создается условие приближения периода физического износа к моменту наступления морального износа, к громадному расточительному по своей природе росту амортизационных фондов.

План снижения себестоимости на вторую пятилетку исходит не только из улучшения качества продукции и улучшения обслуживания потребителя, но, что особенно важно, из необходимости резкого улучшения качества текущего и капитального ремонта. Запроектированное снижение по транспорту, по сельскому хозяйству и другим отраслям народного хозяйства может быть выполнено лишь при условии резкого улучшения качества ремонта, обеспечивающего достижение намеченных технико-производственных показателей использования орудий и средств производства.

Одним из важнейших условий выполнения плана снижения себестоимости

ности является запроецированное на второе пятилетие сокращение почти наполовину накладных, управленческих и прочих непроизводственных расходов на единицу продукции. Несмотря на то, что размер непроизводственных расходов на единицу продукции у нас значительно меньше, чем в капиталистических странах и довоенной капиталистической России, все же по этой линии мы еще далеко не исчерпали громадных ресурсов социалистического накопления. Сокращение управленческих и прочих непроизводственных расходов обуславливает более эффективное распределение народного дохода — направление большей части накопления на непосредственные производственные нужды. Вопрос радикального сокращения непроизводственных расходов приобретает особо актуальное значение в свете итогов последних двух лет, когда в ряде отраслей рост накладных расходов был важнейшей причиной невыполнения плана снижения себестоимости. Отставание организационных форм управления от темпов технической реконструкции, канцелярищина и бюрократизм привели, в особенности в 1931 и 1932 гг., к раздуванию штатов, к увеличению удельного веса зарплаты управленческих служащих в общем фонде зарплаты, к росту в отдельных отраслях непроизводственных расходов на единицу продукции. Экономия от снижения управленческих расходов для 1934 г. определяется суммой свыше 1,2 млрд. руб., а для 1937 г. экономия эта равна свыше 6 млрд. руб., т. е. превышает стоимость продукции легкой промышленности в 1932 г. Снижение этих расходов обуславливает снижение общего уровня себестоимости на 6,0%.

При росте зарплаты служащих на 13,3% размер зарплаты служащих на единицу продукции в народном хозяйстве снижается. Если в 1932 г. на 1 рубль валовой продукции промышленности приходилось 3,0 коп. зарплаты служащих, то в 1937 г. она соответственно составит 1,4 коп. Удельный вес зарплаты служащих в общем фонде зарплаты уменьшается с 11,6 до 7,8% при повышении удельного веса зарплаты квалифицированных рабочих и ИТР.

Наряду с организационной хозяйственной перестройкой управления громадные возможности снижения накладных и непроизводственных расходов связаны с концентрацией производства и комбинированием. Реализация преимуществ крупных предприятий возможна лишь в наших условиях, в то время как в условиях капитализма концентрация и укрупнение производства, усиливая конкурентную борьбу, сопровождалась гигантским ростом накладных и непроизводственных затрат. Всякие буржуазные теории насчет объема производства и так называемых «непропорциональных» расходов рухнули, как карточный домик, при первом же ударе кризиса.

Широкое развертывание комбинирования во второй пятилетке определяет не только улучшение использования материальных ресурсов, но и резкое сокращение накладных расходов на единицу продукции. Пределы, которые ставят комбинированию капиталистические производственные отношения, есть лишь одно из выражений пределов возможного роста производительности труда и снижения издержек производства.

Для снижения себестоимости в отраслях легкой и пищевой индустрии громадное значение имеет запроецированное радикальное снижение заготовительных расходов. В стоимости важнейших видов сырья около 20—30% (зачастую и больше) приходится на заготовительные расходы. По данным за период 1930—1932 гг., разрыв между уровнем заготовительных и скаточных сырьевых цен увеличился на 10—25% за счет повышения издержек заготовительного аппарата. Затраты по заготовкам не только не способствовали снижению себестоимости, но большей частью являлись существенным слагаемым повышения себестоимости в отраслях легкой и

пищевой индустрии. Во второй пятилетке издержки сырьевого заготовительного аппарата должны быть снижены на 35—40%. Снижение себестоимости в отраслях текстильной, кожеобувной, мукомольной и других на ходится в значительной мере в зависимости от запроектированного снижения издержек по заготовкам. По одной лишь мукомольной промышленности снижение заготовительных расходов по зерну определяется для 1937 г. экономией в 200 млн. руб.

Во второй пятилетке должен быть не только снижен уровень себестоимости на 30%, но и должна быть заметно изменена структура себестоимости. Не только в уровне, но и в структуре себестоимости второй пятилетки находит свое непосредственное отражение завершение технической реконструкции во всех отраслях народного хозяйства. Гиганский рост технического вооружения труда во всех отраслях народного хозяйства, переход ряда трудоемких отраслей в число технически передовых отраслей народного хозяйства не могут не сказаться на структурных сдвигах в себестоимости продукции. Структура себестоимости добывающих трудоемких отраслей начинает приближаться к структуре себестоимости обрабатывающих отраслей тяжелой промышленности. Структура себестоимости совхозов приближается к структуре себестоимости промышленности. Общее же характерное изменение структуры себестоимости всех отраслей — это резкое сокращение удельного веса непроизводственных затрат при заметном росте удельного веса амортизации и некоторых других видов материальных затрат (в частности электроэнергии). Несколько снижается удельный вес зарплаты в себестоимости при ее громадном абсолютном росте.

При удельном весе управленческих и непроизводственных затрат в себестоимости в 12% экономия от снижения этих расходов составляет 23% всей запроектированной экономии от снижения себестоимости во второй пятилетке.

Изменение структуры себестоимости (в процентах к коммерческой себестоимости) в 1937 г. в сравнении с 1932 г. представляется примерно в следующем виде:

Таблица № 4

	Г о д ы	Коммерческая себестоимость	Итого материальных затрат	Зарплата	Амортизация	Накладные расходы
Вся промышленность	1932	100	50,7	33,6	3,6	12,1
	1937	100	56,1	30,6	4,8	8,5
Строительство	1932	100	52,0	31,0	—	17,0
	1937	100	52,5	32,8	—	11,7
Ж.-д. транспорт	1932	100	12,3	55,3	17,9	14,5
	1937	100	12,5	51,8	21,3	14,4

Таким образом изменение структуры себестоимости во второй пятилетке полностью отражает проектируемые достижения в деле освоения материально-технической базы.

При заметном снижении в среднем материальных затрат на производство единицы продукции во второй пятилетке в ряде основных отраслей народного хозяйства не только относительно, но и абсолютно повышаются размер затрат электроэнергии на единицу продукции и размер амортизации. Здесь находят свое непосредственное отражение запроектированный уровень технического вооружения труда, завершение технической реконструкции во второй пятилетке. Переход ряда отсталых трудоемких отраслей

в число технически передовых отраслей народного хозяйства должен сопровождаться повышением размера амортизации на единицу продукции при резком улучшении использования оборудования, снижении затрат живого труда и материальных затрат. Повышение амортизации и электроэнергии на единицу продукции, не являясь само по себе фактором снижения себестоимости, отражает в себе материальные предпосылки заметного снижения себестоимости продукции во второй пятилетке.

Весьма скудные данные, публикуемые в иностранной печати об издержках производства и себестоимости (selbscost), являются чрезвычайно яркой иллюстрацией всеобщего кризиса и загнивания капитализма.

Еще до наступления экономического кризиса во всех основных капиталистических странах наметились заметные изменения не только уровня, но и структуры себестоимости. Уровень себестоимости за период 1919—1928 гг. был выше довоенного на 40—50 и больше процентов, причем к концу периода «просперити» он все же несколько снизился, заметно превышая уровень 1913 г., за счет чего снижалась за этот период так называемая «первичная себестоимость» в США. Численность рабочих за период 1919—1927 гг. снизилась на 10%, недельная ставка зарплаты за этот период снизилась на 7—10%. Таким образом выплаченный фонд заработной платы резко снизился. Снижение абсолютного уровня заработной платы при повышении интенсивности труда на 50% явилось основным фактором снижения себестоимости за период «просперити». Если сравнить с 1913 г., то падение покупательной способности доллара было значительно большим, нежели повышение фонда зарплаты. Основная причина превышения в докризисный период (1929 г.) довоенных издержек производства кроется в гигантском росте непроизводительных затрат. Удельный вес зарплаты рабочих в себестоимости продукции капиталистических стран резко за этот период снижается, значительно более интенсивно, нежели снижение удельного веса материальных затрат. Почти по всем важнейшим отраслям промышленности США зарплата на единицу продукции снижалась значительно быстрее сокращения (а в ряде случаев и роста) суммы затрат зарплаты и материалов на единицу продукции («первичная себестоимость») при резком снижении фонда выплаченной зарплаты рабочим.

Таблица № 5

Снижение себестоимости и зарплаты в США за период 1922—1927 гг.

Отрасли	Изменение себестоимости единицы продукции	Зарплата на единицу продукции	Фонд зарплаты
Нефтяная	— 27	— 42	+ 12
Цементная	+ 46	— 20	—
Доменное производство	— 20	— 46	— 32
Сталелитейное и прокатное произв.	— 19	— 28	— 5
Мукомолье	— 27	— 20	— 21
Консервная (бойни)	— 32	— 30	— 24
Кожевенное промышленное	— 35	— 25	— 28
Сахарная	—	— 43	— 25
Бумажная	+ 8,0	— 11	—

Ряд имеющихся данных свидетельствует о том, что «экономия» от снижения зарплаты рабочих в значительной своей доле проедалась громадным ростом на единицу продукции таких затрат, как зарплата служащих, конторских, коммерческих комивояжеров, сбытовых, реклама и пр.

О громадном росте непроизводительных затрат можно судить по ряду косвенных данных. Запасы у промышленных компаний важнейших отря-

слей в 1927 г. в сравнении с 1922 г. выросли в полтора—два раза, причем в ряде отраслей рост запасов значительно превысил рост реализации. Все это не могло не обусловить громадного роста так называемых бытовых расходов, роста фонда жалования служащим, превысившего темп роста продукции.

Таблица № 6

1927 г. в % к 1922 г.

Отрасли промышленности	Рост производ- ства США	Рост запасов промышленности
Одежда	125	139
Текстиль	117	144
	168	176
Грузовые автомобили	204	207
Железоделательные и сталелитейные заводы	151	138
Стройматериалы	192	159
Кондитерские изделия	123	138
	119	136
Нефть	222	212

Затраты на одну лишь рекламу в США за один 1927 г., по официальным данным, определились в 3,5 млрд. золотых рублей, что составляет примерно больше трети стоимости всех промышленных изделий.

Если внести «поправки» на официально публикуемую «первичную себестоимость» (зарплата рабочих и материалы) по накладным, бытовым и прочим непроизводственным расходам, то конечно никакого 4-процентного среднегодового снижения себестоимости в США за 1922—1927 гг. не окажется.

Аналогичное явление имело место в Германии и других капиталистических странах. Если удельный вес заработной платы рабочих в общей сумме себестоимости рейнско-вестфальской каменноугольной промышленности снизился с 68% в 1913 г. до 54,7%, то удельный вес жалования служащих соответственно повысился с 5,5 до 7,8%, т. е. почти в полтора раза¹².

Процесс изменения структуры себестоимости в сторону увеличения удельного веса непроизводственных затрат особенно усилился в годы экономического кризиса. При стабильности уровня себестоимости угля в Англии за период 1929—1932 гг. размер производственных затрат (зарплата и материалы) снизился почти на 5 пенсов, а накладные расходы выросли более чем на 5 пенсов. В результате удельный вес заработной платы рабочих в себестоимости резко снизился при повышении удельного веса накладных расходов¹³.

Еще до наступления экономического кризиса и в особенности после наступления кризиса проблема издержек производства привлекла к себе внимание виднейших буржуазных экономистов. Были вытнуты из архива старые, поношенные теории о соотношении объема производства и уровня издержек производства. В проблеме издержек производства пытались найти спасательный круг капитализма—ключ к разрешению основных противоречий капитализма. Весь послевоенный период еще до экономического кризиса характерен резкой недогрузкой предприятий (одно из проявлений всеобщего кризиса и загнивания капитализма), вызвавшей громадный рост непроизводственных и накладных расходов (называемых в буржуазной литературе «непропорциональными» расходами). Необхо-

¹² «Die deutsche Kolonwirtschaft», 1929.

¹³ «Glückauf», 1933.

димось компенсации гиганского роста непроизводительных затрат явилась одним из важнейших рычагов усиления наступления на жизненный уровень рабочего класса. Снижение уровня зарплаты должно было перекрыть рост всяких накладных расходов и обеспечить снижение себестоимости, которая все же при своем самом низком уровне резко превышала довоенный уровень издержек производства. Усматривая в этом основную причину отсутствия «равновесия между производством и потреблением», буржуазные экономисты и социал-фашистские реформисты «обосновывали» теории необходимости расширения производства как средство... смягчить перепроизводство¹⁴. «Если главная часть себестоимости неизменна, — указывает Шмаленбах, — то уменьшение производства не влечет соответствующего уменьшения расходов. Если при таком положении вещей цены падают, то бесцельно компенсировать это падение цен посредством уменьшения производства. Дешевле продолжать производство при средней себестоимости. Правда, производство будет убыточно, но убыток теперь меньше, чем был бы, если бы производство сократилось при сохранении почти тех же издержек».

Модернизированные теории издержек производства облекаются в социал-фашистскую тогу гармонии «труда и капитала». Повышение объема производства, спекуляция на временном повышении зарплаты как средстве повышения спроса, отсюда и спекулятивного повышения цен, с лихвой перекрывающих реформистские поправки по зарплате, — такова законченная «хозяйственная философия» усиления наступления на жизненный уровень рабочего класса. «Закон механизированного производства гласит: чем больше производство, тем меньше издержки на единицу. Даже если к началу производства высокая заработная плата и таким образом усиленный спрос вызывают рост цен, то при последующем массовом производстве этот рост цен более нежели компенсируется»¹⁵. В капиталистических издержках производства находит свое концентрированное выражение гордиев узел растущих антагонистических противоречий между производительными силами и производственными отношениями. Социал-фашистская ученая челядь ищет разрешения вопроса низких издержек производства при расширении рынка сбыта. «Здесь (в США) в настоящее время пришли к признанию основной хозяйственной философии руководящих предпринимателей и действующих в их духе правительства, т. е., что в современном механизированном производстве повышение заработной платы до известной степени не вызывает увеличения издержек на единицу продукции, часто даже наоборот, и что повышение покупательной способности масс посредством повышения заработной платы является лучшим средством против... сокращения сбыта»¹⁶.

Конкретно, эта хозяйственная философия в США за период «просперити» по официальным данным выразилась в «росте» недельной ставки в 0,17% и снижении фонда зарплаты — в 8—10%, а в период кризиса — в гигантском снижении зарплаты, что по существу явилось основным фактором снижения издержек производства в ряде отраслей.

Чрезвычайно характерно, что больше всего занимают буржуазных экономистов в себестоимости зарплата и так называемые «непропорциональные» расходы. Снижение себестоимости за счет лучшего использования материальных ресурсов, за счет лучшего использования оборудования естественно даже не ставится.

Снижение себестоимости, являясь материальной предпосылкой снижения розничных цен на продукцию личного потребления на 35%, обуслов-

¹⁴ Schmalenbach, «Vossische Zeitung».

¹⁵ Massar, Die Volkswirtschaftliche Funktion hohen Lohne.

¹⁶ N. V. Вескерэф, Der moderne Industrietismus, 1930.

ливают возможность повышения реальной заработной платы в два раза. Рост фонда потребления в народном доходе в 2,6 раза при росте народного дохода в 2,2 раза обуславливается в значительной мере тем, что заметная доля народнохозяйственной экономии от снижения себестоимости должна быть перераспределена через цены в пользу потребления.

Таким образом снижение себестоимости является важнейшим условием снижения цен, в свою очередь снижение цен является могучим рычагом борьбы за снижение себестоимости.

Чрезвычайно интересно выявить роль цен в отношении уровня себестоимости в период всеобщего кризиса и загнивания капитализма. Если темп снижения себестоимости в капиталистических странах отставал от темпа снижения зарплаты и падения цен на средства производства, то самый уровень цен на сырье, топливо и материалы сдерживал снижение себестоимости. Чрезвычайно высокий уровень монополизации основных средств производства (чугун, железо, уголь, цемент и др.) обусловил значительно меньшее падение цен на внутреннем, нежели на внешнем рынке. Темп снижения цен на монополизированные товары в ряде важнейших капиталистических стран был в 5—10 раз меньше, нежели падение цен на немонополизированные товары. В ряде случаев имело место стабилизация, а в последний период даже некоторый рост цен на отдельные виды средств производства на внутреннем рынке.

Искусственное сдерживание падения цен обусловило в значительной мере сравнительно высокий уровень себестоимости в обрабатывающей промышленности в сравнении с добывающей, где удельный вес живого труда в издержках выше и где снижение себестоимости в большей мере корреспондировало снижению зарплаты. Неблагоприятное влияние монопольных цен на издержки производства еще в большей мере способствовало усилению противоречий, обостряя кризис.

Резкое снижение себестоимости в отраслях, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье (т. е. производящих предметы личного потребления) наряду со снижением заработной платы обуславливаются громадным снижением цен на сельскохозяйственное сырье. Иначе говоря, снижение издержек производства здесь непосредственно базируется на резком снижении уровня благосостояния рабочего класса и разорении и обнищании мелкого фермера. Если цены на уголь за период 1929—1932 гг. пали на 16% (Германия), цены на чугун (США) — на 17, на машины (Германия) — на 11, цены на кирпич (США) — на 11%, то цены на хлопок за тот же период упали на 66% (США), на сало — на 57% и т. д. Чрезвычайно характерно то, что при падении цен на хлопок более чем в два раза оптовые цены на текстильные изделия снизились в Германии на 30%, а в США менее чем на 40%.

Таблица № 7

Годы	Отношение цен на хлопок к ценам на ткани в США в %	Отношение цен на кожсырье к ценам на обувь в США в %
1913	100	100
1925	108,1	42,3
1928	102,5	59,6
1930	86,3	34,8
1932	71,6	18,1

Розничные же цены, как известно, при настоящем кризисе снизились значительно меньше, нежели оптовые. В результате мы имеем несколько пар «ножниц» между себестоимостью и ценами на средства производства, между ценами на с.-х. сырье по оптовым ценам готовой продукции, между оптовыми ценами на готовые изделия и их себестоимостью и наконец оптово-розничные «ножницы».

Эти «ножницы» обусловлены: 1) непроизводительным проеданием «экономии» от снижения себестоимости за счет заработной платы и цен; 2) монополистическим сдерживанием уровня цен на средства производства промышленного происхождения; 3) стремлением переложить всю тяжесть монополистического загнивания непосредственно на пролетариат и крестьянство. При нынешнем кризисе пролетариат выдерживает двойной пресс эксплоатации, с одной стороны, как «элемент» издержек производства (прямое снижение зарплаты), с другой — как потребитель (несравненно большее снижение заработной платы, нежели снижение розничных цен), а крестьянство помимо громадного сокращения объема производства испытывает все тяготы разрыва между ценами на с.-х. сырье и ценами на готовую продукцию.

Намеченное на вторую пятилетку снижение розничных цен обобщественной торговли означает, что преобладающая доля экономии от улучшения качественных показателей должна быть направлена на повышение материального уровня благосостояния трудящихся города и деревни.

Наряду со снижением себестоимости важнейшей предпосылкой снижения розничных цен является снижение издержек обращения. Экономия от снижения издержек намеченного на вторую пятилетку обращения превышает всю сумму издержек обращения обобщественной торговли в 1932 г. Снижение издержек обращения на 26% предполагает резкое улучшение качества обслуживания потребителя.

Рост автомобилизации перевозок, обуславливая убыстрение оборачиваемости товарооборота и снижения издержек обращения, является вместе с тем важнейшим фактором улучшения обслуживания потребителя. Ассортиментное снабжение товаропроводящей сети — фактор снижения издержек обращения и улучшения обслуживания потребителя. Изменение структуры товарооборота в сторону уменьшения трудоемкости и грузоемкости в торговле, отражая повышение материального уровня благосостояния, — существенный фактор снижения издержек обращения во второй пятилетке и т. д. и т. п.

* * *

Себестоимость продукции сохраняет во втором пятилетии значение важнейшего рычага хозрасчета. Себестоимость сохраняет значение важнейшего ценового рычага управления хозяйством наряду с ростом роли учета и контроля непосредственно через систему производственно-технических показателей. Дальнейшая борьба с уравниловкой, оплата по количеству и качеству труда как принцип распределения во второй пятилетке не уменьшают, а пожалуй, усиливают роль себестоимости как ценового показателя изменения уровня затрат на производство единицы продукции, как важнейшего рычага планирования в этих условиях накопления и денежного обращения. Преобладание социалистических форм хозяйства во всех отраслях требует усиления общественного учета и контроля через обобщающие ценовые показатели. Вместе с тем борьба за снижение себестоимости, за советскую политику цен, за укрепление нашего рубля в условиях развернутой советской торговли является важнейшим рычагом, способствующим выполнению тех грандиозных задач, которые подлежат разрешению во втором пятилетии в области производства, накопления и потребления.

Изменение природы себестоимости во втором пятилетии пойдет по той линии, что она все более непосредственно будет отражать техничко-производственные сдвиги, аккумулируя на каждом участке в отдельности технико-экономические достижения. Процессы внепланового перераспределения, идущие по линии влияния на себестоимость, так называемых конъюнктурных факторов, будут резко уменьшаться и сведены на-нет. Данные по себестоимости промышленности за последние два года первой пятилетки показывают, что наряду с плохой работой отдельных предприятий повышению себестоимости способствовали такие явления, как спекулятивный рост стоимости гужа, а в ряде случаев самовольное повышение цен на средства производства, в ряде отраслей промышленности, главным образом по линии промкооперации, местничество в этой области, явное нарушение принципов хозрасчета.

Плановое овладение механизмом цен на базе развернутой советской торговли, борьба со спекулятивными ценами, система конвенционных цен, регулирование цен колхозной торговли наряду с борьбой за установленный плановый уровень цен в госпромышленности, совхозах, заготовках, государственной торговле и потребкооперации создают предпосылки к усилению планирования себестоимости и превращения ее в более непосредственный синтезирующий показатель технико-производственных достижений — снижение затрат на воспроизводство единицы продукции на каждом участке в отдельности. В этих условиях цены будут лишь способствовать снижению себестоимости, а снижение себестоимости должно стать основной базой осуществления советской политики снижения цен и укрепления покупательной способности нашего рубля.

О вопросах планирования распределения народного дохода в СССР

В настоящей статье мы ставим перед собой задачу осветить основные вопросы методологии и методики планирования распределения народного дохода. В области распределения народного дохода в СССР мы всегда исходим из задачи показать, как созданный в стране народный доход распределяется между основными классами нашего общества, обеспечивая тем самым расширенное социалистическое воспроизводство народного хозяйства, и как в конечном счете он распадается на накопление и потребление, завершая таким образом весь цикл воспроизводства нашего хозяйства.

Исходным моментом для расчетов по распределению народного дохода является определение классового состава населения. Нигде в мире статистика не ставит перед собой задачи — показать классовый состав населения. Мы же — и это отличает наш подход от буржуазного — с самого начала поставили перед собой задачу показать, как распределяется народный доход между основными классами и социальными группами общества. Это значит, что мы прежде всего должны были определить классовую структуру или классовый состав населения нашей страны. Насколько в этом отношении нас не может удовлетворить подход буржуазных экономистов, показывает опыт первой работы о национальном доходе СССР, которая, как известно, была произведена Литошенко. Она была опубликована в 1925 г.; и исчисление народного дохода в ней охватывало период 1922/23 г. и 1923/24 г.

В своей работе Литошенко исчислил наш народный доход так называемым распределительным, «личным» методом. Подлежащее его таблицы — социальный состав населения — таково: «крестьяне», рабочие и служащие; плательщики основного подоходного налога, группа плательщиков прогрессивно-подоходного налога и прочее городское население. Такое деление населения нас ни в какой мере не может удовлетворить. Прежде всего, что значит «крестьяне»? Это понятие, которое погашает и обезличивает по крайней мере три классовых группировки: бедняков, середняков, кулаков. Далее, капиталистические элементы, которые в эту пору составляли весьма заметную величину в работе Литошенко, обезличены, растворены вместе с другими категориями в общей массе так называемых плательщиков основного подоходного налога и прогрессивного налога. Налоги платили не только капиталистические элементы. Их платили, представляя собой в классовом отношении совершенно разнородный конгломерат, и лица свободных профессий, и прочее городское население, ремесленники и кустари, и лица, применявшие наемный труд.

Схема Литошенко ничего оригинального в себе не заключает. Достаточно развернуть работы буржуазных экономистов по народному доходу, чтобы увидеть такую же классификацию населения.

Первая серьезная попытка, которая идет по линии разрешения наших задач и требований, была осуществлена в свое время особой Комиссией Совнаркома по тяжести обложения, специально выделенной для того, чтобы выяснить картину распределения налоговых тягот между различными категориями населения. Комиссия должна была сначала определить классовый состав населения, потом проанализировать распределение народного дохода и наконец сопоставить налоги с доходами и установить, как они распределяются между различными слоями населения и какая часть доходов изымается нашей системой налогов.

Несмотря на ряд недостатков, работа Комиссии Совнаркома по тяжести обложения имела выдающееся значение для разрешения задачи по определению классового состава населения. Впервые в мировой статистической литературе мы получили самый подробный дифференцированный ответ на вопрос о том, из каких классов и социальных групп состоит вообще население страны, в данном случае такой огромной страны, как СССР. В отличие от работ Литошенко в этой работе вместо «крестьян» фигурируют бедняки, середняки, кулаки, хотя кулаки фигурируют здесь под довольно неудачным, нейтральным названием «предприниматели». Группировка, которую мы находим в этой работе, четкая в классовом отношении, является такой группировкой, которая нам нужна как для целей углубленного экономического анализа, так и для целей планирования. В ней мы находим и рабочих, и служащих, и капиталистов, и ремесленников, и кустарей с наемным и без наемного труда, и торговцев разных категорий. Короче говоря, эта таблица представляла зеркало классового состава населения страны. В таком развернутом виде задача классового определения населения страны ни в одной стране статистикой не разрешена.

Работы Комиссии по тяжести обложения оказали большое влияние на все работы в этой области, которые производились в Госплане в связи с разработкой народнохозяйственных планов¹.

Контрольные цифры 1928/29 г. и последующих лет носят на себе печать влияния, которое оказала эта работа на все расчеты Госплана по распределению народного дохода. Современные таблицы классового состава населения конечно отличаются от прежних таблиц в связи с теми сдвигами в экономике СССР, которые произошли за годы первой пятилетки. Так например, подробная классификация Комиссии Совнаркома по тяжести обложения не знала таких категорий, как колхозники, кооперированные ремесленники и кустари, в то время как сейчас в классовый состав населения введен такой элемент, как колхозники; сельское население сейчас делится не на бедняков, середняков и кулаков, как оно делилось раньше, а на с.-х. пролетариат, колхозников, единоличников и остатки капиталистических элементов в сельском хозяйстве.

Для всех расчетов по распределению народного дохода первой и основной работой является определение классового состава населения.

Некоторые элементы классового состава населения поддаются непосредственному, прямому планированию. Например рост рабочих можно заранее запроектировать, так же как и рост служащих. Если мы знаем заранее производственную программу плана, производительность труда по отраслям, то можно подсчитать и более или менее правильно определить количество рабочих, которое потребуется в той или иной отрасли народного хозяйства, и дать картину роста рабочих на проектируемый отрезок времени.

¹ Тех, кто этими вопросами ближе заинтересуется, отсылаю к своей статье, опубликованной в 1929 г. в «Проблемах экономики» № 3, в которой подробно рассматриваются результаты и методика расчетов этой работы Комиссии Совнаркома.

С большими трудностями, но все же поддается разрешению задача проектировки сдвигов колхозного населения. Можно подойти к более или менее вероятной величине прироста колхозного населения, исходя из предполагаемых темпов коллективизации, так как это во многом предрешает те сдвиги, которые должны произойти в соотношении между колхозным, пролетарским населением и прочим населением, в частности капиталистическими элементами. Большой точности в расчетах в отношении капиталистических элементов добиться трудно. Но все же с известной степенью достоверности эти расчеты можно произвести, ибо некоторые опорные позиции для этого расчета у нас в плане имеются.

Для планирования распределения народного дохода материал по классовому составу населения является как бы исходным. Нужно заранее знать картину классовых сдвигов, которые должны произойти в течение планируемого отрезка времени. Но вместе с тем одним из орудий планирования классовых сдвигов населения является в частности проверка этих проектировок при посредстве распределения народного дохода. План распределения дохода населения между различными классами накладывается на сетку проектируемого классового состава населения, и это сопоставление дает возможность взаимного контроля. Допустим, что по плану распределения народного дохода оказалось, что капиталистические элементы будут иметь мало доходов, — ясно, что это потребует внесения известных поправок в расчеты и в первоначальную проектировку классовых сдвигов населения. И обратно: когда мы проектируем распределение народного дохода по классам, мы проверяем, сколько получается в результате доходов на душу, каково соотношение между различными классами в смысле доходов. Обоснованный расчет численного состава населения помогает нам подойти более или менее правильно и надежно ко всякого рода проектировкам, связанным с распределением народного дохода.

Вторая стадия проектировки распределения народного дохода заключается в том, чтобы дать общую картину его распределения по классам. Народный доход распределяется таким образом, что одна и сравнительно большая часть его идет на образование «доходов населения», а другая, сравнительно меньшая, но все растущая доля его идет не непосредственно населению в форме индивидуальных доходов населения, а идет на так называемые «доходы предприятий» социалистического сектора. Поэтому в наших таблицах по распределению народного дохода фигурирует обычно деление: «доходы населения» и «доходы обобщественного сектора». Сумма этих доходов дает нам народный доход. В свою очередь доходы распределяются между следующими категориями населения: рабочие, служащие, ремесленники, кооперированные кустари, с.-х. пролетариат, колхозники, единоличники и капиталистические элементы.

Таким образом сумма индивидуальных доходов населения не поглощает всего народного дохода. Часть народного дохода закрепляется за доходами предприятий социалистического сектора.

Литошенко этот последний элемент вообще выбросил из народного дохода и учитывал только доходы населения. Исключение этого элемента из народного дохода означает у нас, в СССР, преуменьшение доли пролетариата в народном доходе. Это означает такую трактовку зарплаты, которая ставит знак равенства между положением рабочего класса у нас и в капиталистических странах. Доходы предприятий обобщественного сектора — это та новая форма распределения народного дохода, в которой принимает участие пролетариат нашей страны как участник, как строитель социалистического общества. Рабочий класс при капитализме принимает участие в распределении народного дохода только в одной форме — в форме зарплаты. Это есть цена товара — рабочей силы. Это предопределяет его долю, которую

он получает в капиталистических условиях. У нас пролетариат участвует в распределении народного дохода, во-первых, в форме индивидуальной доли, получаемой в виде зарплаты, во-вторых, в форме так называемой «социализированной зарплаты» или, точнее, фондов культурно-бытового обслуживания и, в-третьих, он участвует в распределении народного дохода в форме социалистического накопления, которым он распоряжается. Это результат того, что рабочие у нас перестали быть наемными рабочими и накопление не противостоит им в классовом отношении. Пролетариат распоряжается значительной частью доходов страны для целей социалистического накопления, ибо средства производства национализированы и принадлежат непосредственно пролетарскому государству.

Тов. Сталин, говоря об этом элементе дохода на XVI съезде партии, указал, что эти доходы «...являются доходами рабочего класса и вообще трудящихся масс». Они распределяются целиком и полностью в интересах рабочего класса и всех трудящихся вообще. Это распределение народного дохода не только имеет в виду интересы пролетариата, но и интересы всего общества в целом, включая и трудовое крестьянство.

В американской буржуазной литературе при исчислении народного дохода распределительным методом разгорелся спор, нужно ли причислять к доходам населения нераспределенные доходы акционерных обществ, юридических лиц. Известно, что акционерные общества не весь доход, получаемый в данном году, распределяют в виде дивиденда между акционерами. Они образуют особые фонды, которые дают им возможность вести политику устойчивости дивидендов и тем самым между прочим вводят в заблуждение некоторых экономистов. Например буржуазный американский экономист Копленд пишет о дивиденде, что это один из самых устойчивых видов доходов. Он просмотрел таблицу за ряд лет и увидел, что дивиденды крупных предприятий не особенно резко колеблются. Это есть результат сознательно проводимой акционерным обществом политики. Ряд экономистов в Америке выдвинул теорию о том, что при исчислении распределения народного дохода надо считать только тот доход, который непосредственно идет индивиду, а если этот доход не выдается частному лицу, то это значит, что он не распределен. Таким образом нераспределенные доходы корпоративных организаций они предлагают не включать в распределение народного дохода.

Классовый смысл такой позиции в условиях капитализма совершенно ясен. Исчисляя долю капиталиста и долю пролетариата в народном доходе и исключая из доли капиталиста элемент нераспределенных доходов, статистика преуменьшает долю капиталистов в народном доходе, а долю пролетариата преувеличивает. Эта позиция делает возможным представить положение пролетариата в капиталистических странах в лучшем виде, чем оно является на самом деле, и преуменьшить долю капиталистов без ущерба для их реальных доходов. Дело пропаганды и апологетики капитализма значительно выигрывает от такого удобного метода «увеличения удельного веса доли пролетариата в народном доходе». В Америке расчеты буржуазных экономистов показывают, что доля пролетариата занимает больше половины национального дохода. Действительное соотношение долей и действительное соотношение в распределении народного дохода конечно не таково, тем более, что в долю доходов пролетариата включаются доходы президентов, чиновников и т. д. Такая доля «пролетариата» может конечно расти в народном доходе, хотя положение пролетариата может ухудшаться. Из всего вышесказанного следует, что методика исчисления распределения народного дохода имеет колоссальное значение для результатов, которые получают в результате обработки статистического материала.

Анализируя распределение народного дохода, мы должны учитывать не

только доходы населения, но и доходы предприятий обобщественного сектора или, точнее обобщественных форм хозяйства.

Таблицы по распределению народного дохода, публикуемые в плановых документах Госплана, дают картину не только распределения, но и перераспределения народного дохода. Это весьма важное обстоятельство нужно иметь в виду, так как, содержа в себе элементы повторного счета; таблицы не дают баланса между производством народного дохода и его распределением. В сводной единой таблице дохода даны получатели доходов всех категорий населения: и рабочих и служащих, как в сфере материального производства, так и в непроизводственной сфере. Там фигурируют также военно-служащие, поскольку они также являются участниками в распределении народного дохода страны. Вся сумма доходов населения, которая таким путем исчислена, плюс доходы предприятий обобщественного сектора оказывается больше, чем народный доход, исчисленный производственным методом. В распределении у нас оказывается доходов больше, чем мы их создали. Это потому, что наша таблица распределения народного дохода, как сказано выше, в действительности таит в себе не только распределение народного дохода, но и его перераспределение.

Какова природа этого повторного счета? Во-первых, различные категории населения занимают различное место в процессе производства народного дохода. Не все категории населения, которые получают доход, вместе с тем могут быть отнесены к категории лиц, его создающих. Доход получает все занятое, работающее население независимо от того, работает ли оно в сфере материального производства или в других областях труда. Известная категория населения получает свои доходы от государства, а государство получает свои доходы в определенной части через посредство налогов с доходов населения. Следовательно, суммируя валовые доходы населения, мы неизбежно получаем какой-то повторный счет.

Во-вторых, довольно сложным оказывается вопрос об исчислении доходов предприятий социалистического сектора. Было время, когда в доходы социалистического сектора зачислялась прибыль госпредприятий. Однако прибыль в условиях СССР отнюдь не является той единственной формой, в которой создается фонд социалистического накопления. Прибыль у нас представляет собой довольно условную систему счета. Прибыль есть хозяйственная форма накопления предприятия, но она не говорит о всей величине накопления данного предприятия. У нас не редкость такое явление, когда предприятие является убыточным и вместе с тем оно уплачивает налоги с оборота Наркомфину. А налог с оборота в СССР—это тоже форма движения чистой продукции, тоже форма накопления.

Правильно то, что нельзя при исчислении доходов госсектора ограничиваться только прибылью, но в широком раздвижении рамок доходов госсектора таится опасность. Опасность заключается в том, что мы можем показать не только фонд внутрипромышленного накопления предприятия, но также и те доходы, которые присваивает социалистический сектор пролетарского государства на основаниях перераспределения народного дохода. Встает также вопрос о том, куда отнести займы. Займы тоже есть доход пролетарского государства, и, как мы знаем, немалый доход. Итак, прибыль нельзя ограничиться в исчислении доходов госсектора. Но нельзя также включать в доход госсектора всю доходную часть госбюджета: займы, налог с оборота, налог, который падает на население (скажем, с.-х. налог), подоходный налог и т. д. Хотя эти последние доходы занимают сравнительно скромное место в доходной части нашего бюджета, все же их нельзя отнести к доходам обобщественного сектора, ибо произойдет двойной счет в результате суммирования доходов населения с доходами предприятий

обобщественного сектора, которые будут содержать опять часть уже учтенных доходов населения. Если мы все налоги зачислим туда, то ясно, что мы два раза будем считать эти налоги: один раз в доходах населения, другой раз — в доходах предприятий обобщественного сектора, и тогда мы получим величину распределения народного дохода намного большую реальной величины народного дохода. Но если даже отбросить эту неправильную и крайнюю позицию о том, что все налоги должны зачисляться в доходы социалистического сектора, и если признать, что можно включить в доходы обобщественного сектора доходы предприятий, прибыль, отчисления от прибылей, которые данное предприятие вносит в бюджет, налог с оборота с его разветвлениями в виде бюджетной наценки, то для 1934 г. получается сумма, которая охватывает 33% народного дохода. Такой подсчет не избавляет от опасности, связанной вообще с распределительным методом исчисления народного дохода, опасности повторного счета. Налог с оборота мы не можем до конца рассматривать как форму перераспределения народного дохода. В подавляющей части это есть форма распределения народного дохода, если брать налог с оборота в целом, а не по точке прикрепления его к данному товару или группе их, потому что в отношении данного конкретного товара он может играть роль перераспределения. Так например, налог с оборота, который мы извлекаем в отраслях текстильной промышленности, нельзя считать чистым доходом, созданным исключительно в самой текстильной промышленности. Это есть нереализованная чистая продукция, которая создана также во многих других отраслях и реализуется в данной. Если бы мы налог с оборота выбросили из подсчетов по народному доходу, то мы не досчитали бы миллиардных сумм народного дохода, реально созданного в нашей стране. Но когда мы включаем сюда и сумму налогов с населения, мы включаем конечно элементы перераспределения доходов населения, и в какой-то мере повторный счет здесь неизбежен. Если подойти критически к сводной таблице распределения народного дохода, то можно сказать, что она не дает нам четкой картины распределения и перераспределения народного дохода. Она скорее дает картину валового оборота доходов, чем точный ответ на вопрос о распределении народного дохода по классам. Доли классов, выведенные в такой несколько преувеличенной (из-за наличия повторного счета) сумме дохода, не вполне точны. Но нам важно иметь представление, насколько мы оторвались в отношениях распределения прежде всего от довоенных отношений, насколько соответствуют изменения в соотношении сил между различными классами общества в области распределения народного дохода нашим планам и тем сдвигам, которые в нашей экономике произошли. Движение долей классов в народном доходе, несмотря на известную неточность абсолютного уровня этих долей, в общем и целом правильно отражает действительное положение дела. Мы видим по нашим таблицам и расчетам, что доля пролетариата в нашей стране, которая по некоторым данным не превышала в царской России 20%, уже в восстановительный период поднялась до 27%, а дальше обнаруживает непрерывный и неуклонный рост. Эта тенденция несомненно правильно отражает реальное положение в области распределения народного дохода по классам в СССР. Если по нашим данным мы видим, как из года в год систематически падает доля капиталистических элементов, достигнув в 1933 г. полпроцента во всем народном доходе нашей страны, то в этом несомненно отражены те реальные глубокие процессы, которые происходили в нашей экономике и которые нашли свое выражение и в распределении народного дохода.

Вот почему, несмотря на некоторую условность, присущую этим расчетам, т. Сталин счел возможным на XVI съезде партии, когда он касался вопросов распределения народного дохода, опереться на расчеты и материа-

лы Госплана. В основном картину соотношения классов в распределении народного дохода даже этот несовершенный подсчет все же дает.

Наши расчеты по распределению народного дохода имели и имеют большое практическое значение во всей нашей синтетической плановой работе. Но они еще далеки от того, чтобы нас полностью удовлетворить.

Прежде чем перейти к подробному анализу методики проектировки доходов каждой категории населения, необходимо остановиться на тех новых методологических работах, которые сейчас производятся в Госплане. Они находятся пока еще в лабораторной стадии. Но по нашему убеждению они должны дать нам возможность выйти на более широкую дорогу в области работ по распределению народного дохода и отойти от обычной сводной таблицы или, сохраняя ее, наряду с ней дать развернутую картину распределения и перераспределения народного дохода в нашей стране. Наша задача: построить расчеты в области распределения народного дохода в полном соответствии с марксистской концепцией распределения народного дохода, из которой мы все время должны исходить и исходим.

Что мы должны включить в отношения первичного распределения народного дохода? Сумма первичного народного дохода должна соответствовать величине народного дохода, исчисленного производственным методом. Мы считаем, что первичными формами распределения народного дохода у нас, в СССР, являются следующие: прежде всего зарплата, полученная лицами, занятыми в материальном производстве и в сфере обращения и в известной части также в области учета, планирования и управления народным хозяйством. На практике неизбежна известная условность в размежевании сферы материального и нематериального производства, которое мы должны будем проводить.

Формой первичного распределения народного дохода мы считаем те начисления на зарплату, которые падают на упомянутую выше категорию лиц.

Формой первичного распределения является фонд распределения дохода по трудодням в колхозах. Этот фонд является безусловно фондом первичного распределения народного дохода в нашей стране. Первичной формой распределения остаются и доходы единоличников, а также доходы колхозников, получаемые ими с той части хозяйства, которая находится в их индивидуальной собственности. Эти суммы доходов образуют первичный фонд личных доходов населения. Сумма первичных доходов населения еще не дает суммы народного дохода, ибо часть народного дохода идет непосредственно населению, а пролетарскому государству, идет в качестве первичного фонда доходов, обращаемых на цели социалистического накопления и частично на покрытие общегосударственных расходов. Доход пролетарского государства—это прежде всего собственное первоначальное внутрипромышленное накопление предприятия.

Второй элемент—налоги и другие отчисления, которые уплачиваются государству не населением, а предприятиями, скажем, налог с оборота (но не подоходный налог, падающий на население и уже не являющийся первичной формой распределения). Государственные займы, которые покрывает предприятие,—это также первичная форма распределения в отличие от займов населения.

Принцип здесь таков: налоги и платежи, которые социалистическое предприятие уплачивает пролетарскому государству, представляют первичную форму распределения народного дохода. Здесь одновременно пролетарское государство через систему Наркомфина начинает производить особое перераспределение, так как оно доходы госпредприятия переносит на счета Наркомфина с тем, чтобы перераспределить их согласно народно-хозяйственному плану, но с точки зрения экономической, а не финан-

совой. Независимо от того, остается ли этот доход у предприятия или передается в кассу Наркомфина, все равно обе эти части и в том и в другом случае являются доходами пролетарского государства. Оно ими распоряжается по своему усмотрению как субъект социалистической собственности. Это есть форма первичного дохода, перераспределяемого внутри самого социалистического сектора.

Если мы сумму первичных доходов населения сложим с доходами пролетарского государства, вся величина народного дохода еще не получится. Необходимо еще добавить: доходы кооперативных предприятий и колхозов, которые не идут в индивидуальное распределение на личные нужды населения, — это неделимые фонды в колхозах и аналогичные фонды в кооперативных предприятиях.

Наконец последний элемент — страховые и резервные фонды — это тоже есть первичная форма распределения народного дохода.

Сумма первичного фонда личных доходов населения и первичных фондов обобществленных доходов должна, по нашему мнению, соответствовать народному доходу, исчисленному производственным методом, и давать картину первичного распределения нашего народного дохода.

Перейдем теперь к отношениям перераспределения нашего народного дохода. Какие формы дохода мы тут должны иметь в виду? Прежде всего: 1) зарплату трудящихся, занятых во всех прочих отраслях труда, 2) начисления на их зарплату, 3) так называемое планируемое перераспределение народного дохода. Сюда относятся налоги, уплачиваемые населением, затем займы. Займы есть форма перераспределения народного дохода между накоплением и потреблением, которая регулирует потребление и накопление. Затем паевые и прочие взносы и платежи населения. Это — перераспределение народного дохода не в том смысле, что берут у одного класса и дают другому классу. Здесь перераспределение выступает в роли регулятора накопления и потребления: и займы и паи регулируют соотношения долей накопления и потребления. Известная часть потребления тем самым переключается на накопление через посредство нашей системы займов, паев и других форм мобилизации ресурсов населения, которое подготавливает одновременно базу для расширения потребления в следующем цикле воспроизводства. Все указанные категории дохода являются доходами пролетарского государства, получаемыми им в порядке перераспределения. Далее в таблице перераспределения народного дохода мы показываем, сколько возвращается пролетарским государством обратно населению в форме пенсий и пособий, в форме социально-культурных и медицинских услуг, в форме процентов по вкладам и займам, в форме выплаты выигрышей по займам и т. д. И наконец если взять конечный фонд личных доходов населения, сальдированный в отношении того, что население отдает и что оно получает, то могут быть еще кроме того особые формы перераспределения в отличие от только-что рассмотренных, которые нами непосредственно не планируются, но которые являются также формами перераспределения народного дохода, а именно — покупка и продажа услуг населением: например, идя в театр и оплачивая билет, мы создаем источник доходов определенной категории лиц — артистов, администрации театра и т. п. Это есть такого рода перераспределение доходов между разными категориями населения, которое непосредственно мы не планируем, которое осуществляется в порядке индивидуального решения, но тем не менее это есть форма перераспределения народного дохода между сферой материального производства и другими отраслями труда, причем доходы этих последних категорий населения могут иметь своим источником или налоги или непосредственно оплату услуг населением.

После того как установлено распределение народного дохода и перерас-

пределение его, мы можем уже построить таблицу, показывающую, как эти доходы окончательно распределяются на накопление и потребление. После того как мы из доходов населения вычли налоги, которые идут на финансирование, во-первых, социалистического накопления, во-вторых, категорий труда непродуцированных отраслей и на финансирование всех непродуцированных общегосударственных расходов в нашей стране, — после того как мы добавим к доходам населения то, что оно получает от государства в виде услуг и благ обратно, мы можем уже иметь представление об объеме или уровне потребления населения. А всю остальную часть доходов можем рассматривать как фонд накопления, как часть народного дохода, которая идет на цели накопления за вычетом резервов и страховых фондов.

Вот в общей схематической форме замысел того, что в настоящее время вчерне уже разработано, но статистически еще не оформлено. Мы сейчас только готовим статистическую базу, для того чтобы этот расчет осуществить на практике и выявить тем самым реальные отношения перераспределения, имевшие место в нашем народном хозяйстве на различных этапах развития советского хозяйства; опираясь на новую систему таблиц, мы сможем более углубленно проникнуть в отношения распределения народного дохода.

В результате всей этой работы мы хотим получить баланс между производством народного дохода, его распределением, перераспределением и конечной реализацией народного дохода в форме потребления и накопления. Имея такую развернутую картину движения народного дохода, мы действительно сможем произвести углубленный экономический анализ и проектировать на более высоком уровне этот важнейший раздел народнохозяйственного плана. Располагая развернутой системой расчетов по народному доходу, мы сумеем подойти и к нашему финансовому плану и к его разработке иначе, чем сейчас, когда мы проектируем финансовый план, не имея такого важного инструмента анализа и планирования, как точная картина распределения народного дохода.

Задача построения сбалансированного движения народного дохода есть задача очень сложная и трудная.

С точки зрения марксистской проблема баланса представляется неизмеримо более сложной, чем она выглядит в вульгарной буржуазной трактовке, так как мы различаем общественно-материальное производство и все прочие отрасли труда, мы не отождествляем всякого получателя дохода с создателем этого дохода. С нашей точки зрения баланс между производством и распределением народного дохода требует показа первичного распределения народного дохода и его перераспределения и выявления всех этих отношений в их внутреннем единстве в процессе воспроизводства. На этих путях необходимо добиться балансирования, причем совпадение итогов по народному исчислению производственным и распределительным методом не есть самоцель, а необходимый конечный результат. С точки зрения наших основных марксистских позиций такая постановка совершенно беспорна. Но если мы откроем контрольные цифры 1928—29 г., то неожиданно обнаружим, что там получен баланс между производством и распределением народного дохода при игнорировании всех этих сложных взаимоотношений, о которых шла речь выше. Теоретически баланс не должен был получиться, а статистически и практически, т. е. различие итоговых цифр по производству народного дохода, по распределению его было настолько небольшое, что полученная картина производила впечатление баланса. Лишь много лет спустя нам удалось найти ошибку, которая заключалась в следующем: в таблице распределения народного дохода была тогда скромная статья под названием «Отсыл в деревню». Сюда должны были попадать те суммы денег, которые рабочие-сезонники, занятые в промышленности, отсылали своим

семьям в деревню. При исчислении доходов населения надо было бы только один раз подсчитать этот доход, чтобы избежать двойного счета. Если подсчитывали всю сумму выплачиваемой в стране зарплаты, которая проходит по счету несельскохозяйственного населения, тогда должны были упомянутые суммы отсыла в деревню вычест из доходов с.-х. населения. Или наоборот: если считать этот доход в доходах сельскохозяйственного населения, то его надо было вычест из фонда зарплаты несельскохозяйственного населения.

Однако в таблице 1928/29 г. сумма отсыла была исчислена неправильно. Неправильность заключалась в следующем: рассчитали, что в селах живет 20% заводского пролетариата, и отсюда сделали вывод, что 20% зарплаты остается не в городе, а на селе, и сумма отсыла была примерно исчислена в этом размере. Расчет этот в высшей степени не убедителен, так как, во-первых, понятие «отсыла в деревню» вовсе не совпадает с тем, что получают постоянные рабочие на заводах, расположенных в сельских местностях. Во-вторых, в таблицах по народному доходу было принято деление населения и доходов не на «городское и сельское», а на «сельскохозяйственно» и «несельскохозяйственно», что, как известно, не одно и то же.

Сумма отсыла составляла 2 млрд. руб., таким образом сумма народного дохода, исчисленная по распределительному методу, могла оказаться на 2 млрд. руб. больше суммы, исчисленной по производственному методу. Интересно упомянуть о табличке по народному доходу, приводимой в «Первой пятилетке» (т. II, ч. I, «Социальный разрез плана»); она смонтирована т. Струмилиным и называется «Баланс народного дохода». В приходе этого баланса значится чистая продукция на 24 700 млн. руб., в расходе — доходы населения, доходы обобщественного сектора и статья «В том числе повторный счет». В результате такого монтажа таблицы получается баланс между производством и распределением народного дохода. Естественно напрашивается вопрос: как т. Струмилин установил, сколько имеется повторного счета в распределении народного дохода? Если бы это можно было точно подсчитать, то это было бы целым научным открытием. В действительности же он поступил очень просто. Он взял сумму доходов населения и обобщественного сектора, которая превышала сумму народного дохода, полученного по производству, примерно на 2,5 млрд. рублей, и считая, что разница между этими двумя методами есть или во всяком случае должна рассматриваться в качестве повторного счета, ввел особую статью «В том числе повторный счет» и получил «баланс» между производством народного дохода и его распределением. Вот второй случай «баланса», который мы имеем между производством и распределением народного дохода. Нужно сказать, что все это ничего общего не имеет с марксистской постановкой вопроса о балансе между производством и распределением народного дохода. Это — чисто статистическая, формальная балансовая форма изображения, но не действительный баланс между производством и распределением народного дохода. Это — мнимый баланс, потому что в таблице осталось в смешанном виде распределение и перераспределение народного дохода.

Наиболее серьезной попыткой дать баланс народного дохода является работа, проделанная ЦУНХУ. В материалах по балансу народного хозяйства за 1928—1929—1930 гг. имеется баланс производства и распределения народного дохода. Свообразием этой работы заключается в том, что здесь нет попытки балансировать сумму народного дохода, исчисленного по распределительному методу прямо с производством народного дохода. Здесь проводится разделение всей суммы доходов населения на доходы, полученные в порядке распределения и перераспределения. Первые — это полученные лицами, занятыми в сфере материального производства и обращения, а вторые — во всех прочих сферах труда. При этом, когда авторы взяли сумму

доходов населения, полученную в порядке распределения, то у них (как и следовало ожидать) баланса между производством и распределением народного дохода не получилось, так как нужно было еще исчислить и добавить к общей сумме первичный фонд доходов обобщественного сектора. Они пошли по такому пути: допустили, что имеется некоторая сумма производства народного дохода, скажем условно 500 руб., что если имеется еще одна, меньшая по величине, сумма доходов, полученная по распределению, например 300 рублей, то для того, чтобы исчислить первичный фонд доходов обобщественного сектора, из первой величины следует вычесть вторую. Остаток должен был представлять собой первичный фонд доходов обобщественного сектора.

Производство народного до- хода	Сумма доходов населения, полученная в порядке рас- пределения	Первичный фонд доходов обобщест- вленного сектора
100	800	1000—800—200

Так и записали: доход обобщественного сектора — 200 руб., и получили баланс между производством народного дохода и его распределением. Сумма доходов, которая была получена таким путем по обобщественному сектору, оказалась выше, чем те расчеты, которые в свое время производил Госплан. Но так как расчеты Госплана преуменьшали сумму этой категории доходов, ибо недоучитывали ряд элементов, то в этом факте ничего неожиданного нет. Не входя здесь в оценку результатов и методики расчетов ЦУНХУ, мы ограничимся лишь одним указанием, что такой метод сам по себе все же не может нас удовлетворить, потому что в этом заключительном звене, которое для баланса всегда является решающим, расчет сползает на рельсы формально-статистического балансирования. Конечно этот метод неизмеримо лучше, чем метод т. Струмилина, потому что здесь предварительно проделана большая работа по расчленению доходов населения на основные и производные, и хотя это расчленение требует больших поправок, все же балансировка проделывалась на более правильных путях, чем это имело место до сих пор.

Положение дел на данный момент таково, что мы имеем до сих пор не сбалансированное производство и распределение народного дохода. Те новые схемы, основные идеи которых мы осветили выше, должны будут разрешить эту задачу получения баланса между производством и распределением народного дохода. Решение этой задачи значительно подвинет вперед все наши работы по построению народнохозяйственного баланса: если мы получим баланс между производством и распределением народного дохода, то для получения всей картины производства и потребления, для построения всего баланса народного хозяйства остается показать еще все связи и взаимоотношения, получающиеся в той части годовой продукции, которая составляет величину перенесенной стоимости (то, что при капитализме называлось «с»).

Все они органически связаны с воспроизводством народного хозяйства в целом, в том числе и с расширенным воспроизводством народного дохода. Таким образом трудности балансирования производства и распределения народного дохода состоят по существу в трудностях, заключенных в самой задаче построения баланса народного хозяйства, раскрытия основных внутренних связей, которые существуют в процессе воспроизводства между производством и распределением. Это задача чрезвычайно трудная и сложная, и конечно формально-статистическими методами ее разрешить нельзя. Ее можно разрешить, применяя марксистскую концепцию воспроизводства. Статистически эта задача будет разрешена всегда условно, потому

что целый ряд ее элементов не поддается прямому статистическому учету. Разрешение этой задачи конечно поднимет наши работы по распределению и производству народного дохода на большую высоту, превратив их в совершенный инструмент синтетического планирования, так как по существу только в системе баланса народного хозяйства возможно развернуть полностью отношение производства и распределения народного дохода.

Методика расчетов доходов отдельных категорий населения довольно сложная. Что касается доходов рабочих, то исчисление их — сравнительно простая задача. Расчет опирается здесь на статистику зарплаты. Но доходы пролетариата включают не только зарплату, а также и те доходы, которые рабочий имеет от индивидуального хозяйства. Затем должны быть учтены также и начисления на зарплату, которые включаются в доход пролетариата. При исчислении доходов населения так называемая социализированная зарплата учитывается лишь в той части, в которой она выдается в порядке индивидуального распределения, например в виде пособий по соцстраху и т. п. Но ряд благ рабочий получает в порядке неиндивидуального распределения (строительство рабочих домов отдыха и т. д.). Эти расходы, которые несет государство для повышения материально-культурного уровня рабочих, должны быть добавлены самостоятельной статьей в виде фонда социализированной зарплаты или, точнее, фондов культурно-бытового обслуживания.

Расчет доходов капиталистов обыкновенно базируется на налоговых данных. Это — основной материал, из которого мы исходим при расчетах этой категории доходов. Доходы с.-х. населения исчисляются примерно так, что включают две части: доход от сельского хозяйства и доход от неземледельческих заработков. Доход от сельского хозяйства исчисляется, исходя из чистой продукции сельского хозяйства. Берется чистая продукция сельского хозяйства, исчисленная производственным методом, и из нее вычитается продукция совхозов. Имея валовую продукцию по секторам, мы можем исчислить чистую продукцию колхозников и единоличников. Таким путем мы подходим к величине доходов от сельского хозяйства. А в части неземледельческих доходов мы ведем самостоятельный счет. Сюда входят: заработки в виде зарплаты сезонников, доходы от ремесла, от извоза, целый ряд неземледельческих доходов, которые в совокупности образуют доход колхозников и единоличников. Этот материал раньше базировался на крестьянских бюджетах. А сейчас мы имеем колхозные бюджеты, но это дело новое, материал пока еще недостаточно доброкачественный, и базироваться на нем полностью нельзя.

Что касается специфических моментов, которые намечаются в области производства и распределения народного дохода на вторую пятилетку, они сводятся в основном к следующему: в области производства расчеты по народному доходу показали, что мы будем во второй пятилетке иметь темп воспроизводства народного хозяйства более высокий, чем в первой, несмотря на то, что индустриальные отрасли народного хозяйства будут развиваться несколько более замедленными темпами, чем они развивались в первой пятилетке. Это произойдет в результате того, что продукция сельского хозяйства во второй пятилетке в отличие от первой будет расти чрезвычайно интенсивно. В первой пятилетке, за исключением первых лет, мы не имели интенсивного роста продукции сельского хозяйства, в целом, а по животноводству имели даже снижение продукции.

Что касается распределения народного дохода, то в этой области основные тенденции нарастания удельного веса социалистических форм доходов, снижения доли остальных категорий, почти полной ликвидации всех категорий капиталистических доходов и постепенного исчезновения необобщен-

ственных форм доходов,—эти тенденции, достаточно ярко выявившиеся уже в настоящее время, в течение второй пятилетки будут развиваться особенно интенсивно и в известной своей части полностью будут реализованы. Интересным моментом в области распределения народного дохода является движение долей рабочих и колхозников. Все говорит за то, что не исключена возможность такого движения, что доходы колхозников в своем темпе будут обгонять доходы пролетарского населения, а это означает, что доля колхозников может несколько повыситься. Это явится следствием интенсивного роста зажиточности колхозников и в отношении распределения, выразит момент известного сдвига, сближения уровня дохода города и колхозной деревни.

Мы считаем, что народный доход в конечном счете распадается на следующие формы: на потребление населения, на прирост основных и оборотных фондов и на резервы. т. е. на такую часть народного дохода, назначение которой нельзя заранее предусмотреть и которая в практическом ходе вещей может быть направлена или на цели накопления или же на потребление.

Основная методика наших расчетов по накоплению заключается в том, что исходной базой для всех этих расчетов является план капитальных работ. Из общей суммы капитальных вложений мы должны изъять суммы амортизации, потому что они не являются элементом накопления. Если из общей суммы капиталовложений сбрасывается амортизация, то в итоге получается сумма, которая может быть рассматриваема как показатель прироста основных фондов. Дальше идет специальный расчет по исчислению прироста оборотных фондов, причем это исчисление обыкновенно производится на основании данных финансовых материалов относительно прироста оборотных средств в различных отраслях народного хозяйства и условного исчисления запасов у с.-х. населения. Имея эти величины и народный доход, мы можем остатком, т. е. путем вычета из народного дохода первых величин, получить фонд потребления за вычетом из него резервов, которые мы заранее можем также учесть. Таким образом потребление исчисляется у нас методом остатка. Это конечно не особенно надежный подсчет, потому что надо было бы исчислять напрямую образом фонд потребления, но данных для этого расчета мы пока не имеем.

Одна особенность, которую надо подчеркнуть в наших расчетах, состоит в большом разномое в ценах. Капиталовложения в народнохозяйственных планах обычно исчисляются в ценах соответствующих лет и в неизменных ценах 1932 г. Народный доход исчисляется в неизменных ценах 1926/27 г. Перед нами стоит задача: или считать народный доход в неизменных ценах того же года, по которому исчисляются капиталовложения, или, наоборот, капиталовложения пересчитать в цены 1926.27 г. Вторая задача сложнее и вообще при современном состоянии ценового материала ее разрешение проблематично. Вот почему мы специально для расчета накопления исчисляем народный доход в неизменных ценах 1932 г., поскольку есть возможность все капиталовложения исчислять также в ценах 1932 г. Исчислив народный доход в неизменных ценах 1932 г., мы можем уже произвести всю остальную расчетную операцию, связанную с капиталовложением минус амортизация, минус резервы, которая нам дает окончательную картину этого дела. Когда мы исчисляем накопление, мы кроме того добавляем такой элемент, который в план капитальных работ обычно не попадает — труд колхозников по строительству дорог, по благоустройству территории колхоза, по строительству, которое осуществляется за счет трудовых ресурсов населения, и строительства самих колхозников (постройка жилого дома, постройка клуба и т. д.). Все это не проходит по плану капитальных работ. Мы это добавляем потому,

Что это есть форма накопления, форма превращения дохода в элемент накопления.

Что показывают наши расчеты для первой и второй пятилеток в области накопления и потребления? Первая пятилетка дала нам очень бурный рост доли накопления в народном доходе, причем доля накопления в народном доходе в 1932 г. достигла примерно 24%, т. е. одна четвертая часть всего народного дохода у нас аккумулировалась в форме накопления. В первой пятилетке мы замечали такой процесс: удельный вес накопления из года в год очень бурно рос, а фонд потребления в народном доходе относительно снижался. Это не означает конечно, что общий уровень потребления снижался. Напротив, фонды потребления в стране в целом абсолютно росли. Это означает лишь, что темп роста фонда потребления отставал от темпа роста фонда накопления. Первый фонд накопления — обгонял в своем росте второй. Расчеты на вторую пятилетку дают обратную картину, а именно — если доля накопления в народном доходе в 1932 г. составляла 24%, т. е. примерно одну четверть, то в 1937 г. наши расчеты показывают 19%. Фонд потребления соответственно возрастает и увеличивается в 2,4 раза, в то время как народный доход — в 2,2 раза. Это отражает те важнейшие принципиальные установки, которые заверстаны в плане второй пятилетки в отношении огромного увеличения потребления и подъема общего материального и культурного уровня грядущих масс согласно решению XVII съезда партии.

Механизация социалистического земледелия во второй пятилетке

1. Завершение механизации сельского хозяйства¹

Основными задачами второй пятилетки в области сельского хозяйства являются завершение процесса коллективизации, окончательная ликвидация остатков последнего капиталистического класса — кулачества, перевоспитание колхозников в сознательных и активных строителей бесклассового, социалистического общества и увеличение производства с.-х. продукции вдвое. Решение этих задач стоит в тесной связи с осуществлением технической реконструкции всего сельского хозяйства. XVII съезд партии дал директиву: «Завершить в основном механизацию сельского хозяйства.»

Для этой цели, как видно из табл № 1, количество МТС будет доведено до 6 тыс., они охватят все колхозы, и сравнительно небольшой процент механизации основных с.-х. работ возрастет до размеров, обеспечивающих в основном полную механизацию сельского хозяйства. Вытеснение из земледелия мелкотоварного уклада и полная замена его социалистическими формами крупного хозяйства происходят одновременно с внедрением новой современной машинной техники.

Таблица № 1

Завершение механизации социалистического земледелия

	1932 г.	1937 г.	Единица измерен.	
Количество МТС	2446	6 000	шт	На 1 июня 1934 г.
Охват ими колхозов	50	100	»	3 321 МТС со 142
Механизация молотья	40	85	»	тыс. тракторов мощностью в 2 100
» пахоты	19	80	»	тыс. НР охватывали 65% всех колхозов
» культивации	7	70	»	
» уборки	10	60	»	
» посева	20	55	»	

Рассматривая внедрение капиталистического способа производства, Маркс говорил, что переворот в общественном способе производства есть продукт переворота в средствах производства¹. Это утверждение справедливо также и в отношении колхозов и совхозов. Обобществленные и государственные тракторы, комбайны и другие машины, применяемые в социалистическом сельском хозяйстве, дадут колоссальный рост производительности с.-х. труда.

В итоге первой пятилетки построен технический фундамент крупнейшего в мире социалистического сельского хозяйства и созданы предпосылки

¹ М а р к с, Капитал, т. I, стр. 365.

для мощного развития сельского хозяйства во второй пятилетке. В лице МТС, их тракторного парка, комбайнов, двигателей, автомашин и разнообразных современных с.-х. машин, находящихся в руках пролетариата, создана сила, обеспечившая победу колхозного строя, ликвидацию кулачества как класса, создание мощной системы совхозов как предприятий последовательно социалистического типа, — «сила, способная выкорчевать все и всякие корни капитализма в деревне». Создана собственная промышленная база для массового производства тракторов, автомашин, комбайнов и современных с.-х. тракторных машин, — база, являющаяся по своей концентрации первой в мире, а по своей производственной мощности — второй после США. На этом участке уже осуществлен лозунг т. Сталина догнать и перегнать капиталистические страны в отношении Европы и стоит задача полного освоения и повышения качества выпускаемых машин. В деле механизации сельского хозяйства взяты масштабы и темпы, позволяющие сельскому хозяйству выйти уже в 1934 г. по своему техническому уровню на первое место в мире. Разработано и пущено в массовое производство громадное количество новейших машин собственной конструкции для трактора. Освоен иностранный положительный опыт. Развернуты подготовка технических кадров массовых квалификаций и создание пролетарской технической интеллигенции. Дано высококвалифицированное политическое и организационное руководство в лице политотделов.

Наметились новые тенденции технического развития, характерные для крупного социалистического земледелия. Проведена унификация тракторного парка и с.-х. машин. Сделан крупный шаг по пути концентрации мощности трактора и перехода на гусеничный ход. Коэффициент использования рабочего времени трактора поднят втрое выше, чем в США. Начато широкое внедрение в сельское хозяйство грузового автотранспорта, сделаны первые шаги по снабжению стационарными двигателями и проведены положительные опыты по электрификации сельского хозяйства и созданию собственных конструкций. Отмечая эти исключительные достижения, надо остановить внимание на отстающем участке — до сих пор не удалось преодолеть сокращения поголовья рабочего скота. Под непосредственным руководством ЦК партии развернута жестокая борьба не только против сокращения поголовья, но и для его расширенного воспроизводства в ближайшие годы. Истекшим периодом развития заложены основы системы машин в социалистическом сельском хозяйстве и тем самым условия подъема на новый этап во второй пятилетке. Эти успехи СССР приобретают исключительное политическое значение в условиях деградации сельского хозяйства в капиталистических странах, перехода от машин к ручному труду и от трактора к лошади.

2. Освоение новой техники

Решающим условием завершения механизации сельского хозяйства является освоение новой техники кадрами совхозов, МТС и колхозов. Огромные потери несет страна благодаря недоиспользованию тракторов, комбайнов и всей массы сложных с.-х. машин. Обязательная для среднего трактора норма в 2 400 час. полезной годовой работы выполняется, как правило, на 75%, а в ряде случаев спускается до 50%. Часовые нормы выработки во многих местах не выполняются. Агротехнические требования в отношении сроков и качества обработки также не везде выполняются. Совхозы и колхозы являются передовыми предприятиями, и они могут быть образцовыми предприятиями по освоению новой крупной машинной техники в земледелии. Главной задачей их является освоение техники совхозного и колхозного производства. Последнее позволит резко сократить

просто, повысить использование рабочего времени, поднять часовую выработку, сократить сроки с.-х. работ и дать высокое качество работы, т. е. все то, что необходимо для того, чтобы выполнить задания второго пятилетнего плана, обязывающие повысить производительность труда на 90%, снизить себестоимость работ в четыре раза и добиться высоких темпов прироста с.-х. продукции.

Завершение механизации — двуединая задача: 1) создание новых механизмов и 2) их освоение. Механизировать сельское хозяйство — это значит создать недостающие механизмы и полностью их использовать, освоить. Проблемой механизации таким образом является: 1) усовершенствование типов и конструкций механизмов в целях улучшения их эксплуатационной характеристики (пример: роликоразмельный подшипник Кузнецова) и 2) организация их рациональной эксплуатации и освоения.

Второе пятилетие — эпоха освоения новой техники. Для этого необходимо одновременно использовать и организационно-хозяйственные и экспериментально-технические пути решения проблемы. Экономическое решение, т. е. организация использования машин, и техническое решение, т. е. усовершенствование машин в отношении их эксплуатационных характеристик, взаимно дополняют друг друга. Основными элементами в решении проблемы освоения являются кадры, ремонт и организация использования машин и топлива. Главным среди этих элементов являются кадры. Как бы ни была велика роль машин, главной производительной силой остается человек — колхозник, тракторист, совхозный рабочий. Успех в работе машин обеспечивают живые люди, обладающие определенными качествами, а именно: знанием машины и социалистическим отношением к труду и к общественной собственности. Исходя из этого, необходимо в ближайшие годы развернуть подготовку в стационарных школах миллионных масс трактористов, шоферов, комбайнеров, механиков, ремонтных рабочих и прицепщиков. Полное разрешение проблемы подготовки массовых технических кадров и пролетарской технической интеллигенции требует развертывания учебной сети, обеспечивающей подготовку для сельского хозяйства 2,5 млн. квалифицированных трактористов, комбайнеров, шоферов, слесарей, механиков и 5 млн. квалифицированных водителей прицепных с.-х. машин из колхозников. Эта не имеющая примеров в истории задача требует создания соответствующей учебной сети, стабильных учебников и руководства по эксплуатации машинно-тракторного парка, топливному хозяйству, ремонтному делу, создания наглядных пособий, измерительных приборов и т. д. Для решения этой задачи требуются преподаватели, подготовка которых в свою очередь является грандиозным делом. Как видим из таблицы № 2 (стр. 64), к 1937 г. надо иметь 3,5 млн. работников массовых квалификаций (трактористов, шоферов и т. д.) и 425 тыс. специалистов средней и высшей квалификации. Хотя из этих 3,5 млн. уже имеется на работе 2,8 млн., но не менее двух третей из них подлежат самой серьезной школьной переподготовке. Новое и не менее громадное требование заключается в подготовке средних и высших кадров, общий выпуск которых за пятилетку должен превысить 200 тыс. чел. Помимо этого надо создать резервы кадров преимущественно из женщин и мужчин непризывного возраста. Истекшая зима 1933/34 г. была первым годом учебы, когда, выполняя декрет правительства о трактористе, под боевым руководством политотделов была развернута работа по переподготовке. Итоги ее таковы: из 300 тыс. трактористов, работающих в МТС, переподготовку проходили 150 тыс., из которых квалификационную комиссию прошли и удостоверение тракториста получили 100 тыс. Третья часть тракторов будет в этом году работать значительно лучше, чем в прошлом. Но нельзя забывать, что это только третья часть и это те МТС, в которых начальники политотделов шли в голову учебы и первыми

сдавали экзамены на старшего тракториста и механика, как например начальники Богданзской и Липовецкой МТС гг. Шпилеви Дашкевичи. В целом ряде МТС постановление правительства еще не выполнено. Оно уперлось в недооценку задач подготовки, в передачу этой работы второстепенным работникам, в низкий технический уровень самих преподавателей—теоретически неподготовленных механиков и начальников отрядов. Звание трактористов в этих МТС не поднято еще на должную высоту, получивший звание тракториста еще не является знатным человеком, материально-бытовые условия не улучшены, само постановление правительства, создающее стимулы поощрения в зарплате, премиях и т. д., не известно трактористам и не использовано для мобилизации масс на освоение новой техники. Образцом для многих МТС может служить опыт Бехтеревской МТС, где все расчеты с трактористами были закончены в январе, причем трактористы получили в среднем по 860 руб. и по 22 ц хлеба. Примененное еще с осени постановление СТО дало таким образом положительные результаты, подняв заинтересованность трактористов к работе и прекратив текучесть. Весной 1934 г. резко сократились поломки и простои, 90% своего рабочего времени тракторы проводили в борозде на полезной работе, суточная норма в 7,5 га перевыполнялась до 8,2 га ежедневно. После этого понятно заявление начполитотдела т. Литвинова: «Тракторист у нас теперь — самый почетный на селе человек».

Таблица № 2

Задания пятилетнего плана, связанные с освоением машинной техники

	Единица измерения	1932 г.	1937 г.	За 5 лет
Количество квалифицированных рабочих . . .	тыс. чел.	2 837	3 575	—
Подготовка трактористов в школах	»	—	236	643,5
» комбайнеров »	»	—	35	86,1
Количество специалистов	»	217	425	—
Подготовка специалистов в высших школах . .	»	—	—	53,5
» » в техникумах	»	—	—	152,7
Постройка ремонтных мастерских	шт.	2 320	6 920	4 600
Суточная выработка тракториста	%	100	173	—
» » комбайнера	%	100	544	—

Организация ремонта вместе с ростом машинно-тракторного парка вырастает в одну из важнейших задач. Мощная ремонтная база с.-х. машинной техники, состоящая из 18 тыс. станков с капитальными вложениями в 500 млн. руб., — это целая новая отрасль промышленности в самой деревне. Здесь первоочередными являются вопросы внедрения планово-предупредительного ремонта, достижения нормальных сроков службы машин, правильного соотношения текущего и капитального ремонта, а также усовершенствование механизмов как для производства, так и для упрощения ремонта. Размах ремонтного дела во второй пятилетке требует резкого перехода от кустарничества к заводской организации дела с постоянными кадрами рабочих и специальным оборудованием. Для решения этой задачи нужно, с одной стороны, внедрение планово-предупредительного ремонта в мастерских и ремонтных заводах, а с другой стороны, организация текущего ремонта на участках, т. е. создание подвижных участковых полевых мастерских. Отсутствие этих условий приводит к тому, что сроки ремонта и его качество срывают сроки полевых работ, вызывая огромные потери урожая. Как сообщают из Матреновской и Безенчукской

МТС, организация участковых мастерских, снабженных горном, аппаратом для заливки вкладышей, небольшим станком для расточки подшипников, тисками, инструментами и запчастями, резко снизила массу простоев из-за мелких повреждений и неполадок. В конечном счете и дело ремонта решают люди. Необходимо, как это сделал политотдел Л и п о в е ц к о й МТС, мобилизовать ремонтных рабочих на овладение делом ремонта заинтересовать их личным участием, заботой о материальном положении, системой оплаты труда, изучением технологического процесса. В результате этих мероприятий удалось вызвать соревнование среди рабочих и повысить качество ремонта.

Основным организационным вопросом в использовании машинно-тракторного парка является обеспечение высококвалифицированного технического и планового руководства в соответствии с постановлениями правительства об использовании машинно-тракторного парка.

Приведение производственного процесса в соответствие с новым машинным оборудованием является сложной организационной проблемой. Нужна организация труда в соответствии с принципами машинной техники, нужна новая расстановка людей и машин, отвечающих требованиям рационального социалистического земледелия.

Главное внимание технического руководства должно быть обращено непосредственно на работу тракторных отрядов. Последний должен быть закреплен на весь сезон за данной группой колхозов, равно как тракторы должны быть строго закреплены за отрядами и за определенными трактористами. Техническое руководство должно превратить общий договор между колхозами и МТС в конкретный, оперативный календарный план наилучшего сочетания отрядов с колхозными бригадами, тракторов с конной тягой, наилучшего распределения работ и участков работы и закрепление последних на самих участках; тракторы должны быть расставлены индивидуально по загонам с твердыми суточными и месячными заданиями. Далее, на участках стоянки тракторных бригад должны быть оборудованы заботливо утепленным станом, питанием, отдыхом, походной ремонтной мастерской и т. д. Строжайший режим работы и отдыха, суточный и декадный, должен быть направлен на самое scrupulous выполнение ежедневного технического ухода и осмотра, обеспечивающего очистку, смазку, регулировку механизмов, заправку, соблюдение правил пуска мотора, пуска трактора, перемены скоростей, числа оборотов, изменения режима в подаче топлива и т. д. Наконец своевременная оплата труда в соответствии с дифференцированными нормами выработки и оперативный учет и контроль выполнения работ — вот неисчерпанный круг вопросов, которые в настоящее время еще не разрешены ввиду отсутствия квалифицированного технического руководства. Там, где этого удалось добиться, — результаты не замедлили сказаться. Так, в М а т р е н о в с к о й, И ч к и н с к о й и К а х о в с к о й МТС в результате укрепления бригад квалифицированными бригадами, совместной разработки с колхозами планов, маршрутов и графиков работы, разукрупнения отрядов, постройки на участках домика для трактористов, введения тщательного ежесуточного четырехчасового технического осмотра тракторов, суточное использование трактора резко поднялось по сравнению с прошлым годом, достигнув полного использования в 16 час. полезной работы вместо 11 в 1933 г. Эти мероприятия дали возможность закончить сев зерновых на месяц раньше, чем в прошлом году. Организованность тракторного парка еще не соответствует его мощности и значению, и работа по его организации недооценивается директорами МТС и совхозов. Это можно проверить на выполнении ими решения правительства о паспортизации тракторов. За 10 мес., истекшие с момента опубликования декрета, паспорта заведены на 70 тыс. тракторов из 150 тыс.,

имеющихся в МТС, т. е. 47%. Усовершенствование механизмов в сторону упрощения ухода, регулировки, увеличения производительности должно оказать существенную помощь в эксплуатации машинно-тракторного парка. Разработка методов технического нормирования облегчит установление дифференцированных норм выработки и правильной системы оплаты труда. Такие застарелые болезни, как уравниловка, обезличка машин, еще долго будут требовать к себе пристального внимания. Учет, оперативный контроль и все прочие факторы эксплуатационного дела надо привести в действие для повышения коэффициента использования рабочего времени, качества работы и повышения производительности труда, чтобы обеспечить выполнение задания второй пятилетки по повышению суточной выработки тракториста на 78% и комбайнера — в пять раз выше выработки 1932 г. (см. таблицу № 2).

Организация топливного хозяйства всей сети МТС и совхозов: хранения, транспорта, учета, контроля, использования в условиях гигантского роста потребления жидкого топлива встанут особенно остро. Установление норм расхода и соответствующей системы зарплаты, а наряду с этим создание комплекта арматуры — герметической тары, насосов, воронок, автоматических пробок, заправочной арматуры — должны значительно облегчить трудности топливоснабжения нового крупнейшего потребителя топлива.

Наконец применение машин в соответствии с их характеристиками, полное использование скорости и ширины захвата указывают пути для дальнейшего повышения коэффициента использования тяговых усилий трактора и производительности машинно-тракторного парка.

3. Механизация и агротехника

Требования агротехники заключают в себе особенности технологического процесса в земледельческом производстве и как таковые подлежат безусловному выполнению. Увязка земледельческих механизмов и их работы с требованиями агротехники должна проводиться во что бы то ни стало и безусловно. Между тем на практике вследствие увлечения чисто количественными показателями величина посевной площади, обработанной машинами, часто противопоставляется требованиям кратких агротехнических сроков, севооборотов, паров, борьбы с сорняками, внесения удобрений и качества обработки почвы в отношении глубины, огрехов, заделки, рядового посева, а также борьбы с потерями урожая во время уборки и молотбы. Такое противопоставление механизации агротехнике иногда сопровождается настолько пониженными урожаями, что сводит на-нет работу по увеличению посевной площади. Противопоставление машинной техники агротехнике часто происходит в результате неправильного выбора типа рабочих органов плуга, культиватора, сеялки и т. д. для данного района. Сюда же относится недифференцированный подход в применении нормативов и правил агротехники, как например сплошная мелкая или сплошная глубокая пахота.

Со всей остротой эта проблема единства механизации и агротехники поставлена во второй пятилетке, девизом которой являются качество и урожайность. Тов. Сталин на XVII партсъезде, указывая на переход от линии всемерного расширения посевных площадей к линии качества обработки земли, говорит: «Как известно, вторая линия, — единственно правильная линия в сельском хозяйстве, — была провозглашена в 1932 г., когда реорганизационный период в сельском хозяйстве подходил к концу и вопрос о поднятии урожайности стал одним из основных вопросов подъема сельского хозяйства»³.

³ Сталин, Доклад XVII съезду, Партиздат, стр. 30.

Для разрешения этого вопроса во второй пятилетке перед агротехникой и машинной техникой поставлены задачи: сокращение сроков с.-х. работы в 2—3 раза, резкое улучшение качества обработки почвы и урожая, уничтожение в корне сорняков, широчайшие масштабы чистых паров, зяби, внедрение севооборота с наилучшими предшественниками в виде технических культур, подвергающихся тщательной культивации, и т. д., в результате чего создать социалистическое рациональное земледелие. Решению проблемы урожайности должны способствовать широчайшее развитие химизации сельского хозяйства и создание устойчивых урожаев в зерновых районах юго-востока путем ирригации и лесонасаждения. Этими путями предстоит обеспечить повышение производительности с.-х. труда вдвое. А наряду с проблемой урожайности надо произвести дальнейшее расширение посевной площади главным образом путем мелиорации, освоения новых площадей и т. д.

В области зернового хозяйства надо обеспечить повышение урожайности с 7,5 до 10,0 ц на гектар, расширение чистых паров с 7,5 млн. до 20 млн. га, зяблевой вспашки — с 9 млн. до 40 млн. га, чистосортных посевов — с 21,7 млн. до 80 млн. га, улучшенных предшественников — с 10 млн. до 55 млн. га. Наряду с этим необходимо решить задачу создания зерновой базы в центральных районах путем мелиорации кустарников и заболоченных целинных земель в размере 5 млн. га и задачу создания устойчивой зерновой базы на востоке на 200 млн. пудов товарного хлеба путем решения исторической задачи орошения Заволжья.

В области технических культур надо обеспечить повышение урожайности по хлопку до 12 ц, по свекле — до 20 ц, по льну — до 3,7 ц. Необходимо расширить орошаемую площадь на 1 млн. га и охват химическими удобрениями до 80—100%.

Наряду с проблемой урожайности предстоит разрешить животноводческую проблему как первоочередную проблему, подобно разрешению зерновой проблемы в первой пятилетке, обеспечив повышение объема продукции в два с половиной раза и добившись расширенного воспроизводства стада по всем видам животных, развивая форсированными темпами скороспелое животноводство.

XVII съезд определяет рост продукции по всему сельскому хозяйству за годы пятилетки с 13,1 млрд. до 26,2 млрд. руб., т. е. вдвое⁴. Как видим,

Таблица № 3

Вооруженность социалистического земледелия и агротехнические показатели

	1932 г.	1937 г.	%	Единица измерения
Мощность тракторного парка . . .	2 225	8 200	368,5	тыс. HP
Посевная площадь	134,4	140,0	104,1	млн. га
Валовая продукция	13,1	26,2	203,2	млн. руб. в ценах 1926/27 г.
Чистые пары	7,5	20,0	266,0	млн. га
Зяблевая вспашка	9,0	40,0	440,0	»
Улучшенные предшественники . . .	10,0	55,0	550,0	»

из таблицы № 3, это удвоение продукции получается не за счет расширения посевных площадей, а за счет сочетания, с одной стороны, развертывания различных агротехнических мероприятий и, с другой стороны, роста мощности тракторного парка для выполнения этих мероприятий.

Для выполнения директивы сокращения сроков сева, уборки, взмета

⁴ Резолюция XVII съезда, Партиздат, 1934 г., стр. 14.

зьяби, прополки (культивация) и т. д. необходимо добиться полного использования рабочего времени трактора, т. е. не менее 2 400 час. полезной годовой работы для трактора средней мощности и 3 200 час.—для гусеничного, а также полного использования мощности тракторов, ширины захвата рабочих машин, скорости движения путем тщательного технического ухода, высококачественного ремонта, устранения простоев и холостых пробегов, т. е. путем полного освоения машинно-тракторного парка. Самый тип трактора должен во второй пятилетке изменяться соответственно этому требованию агротехники, переходя от колесного трактора к гусеничному, обеспечивающему сверххранний сев и пониженное буксование в дождливую погоду и на заболоченных землях. Он должен также изменяться в сторону увеличения мощности, так как последняя обеспечивает высокую производительность в короткие сроки, а также повышение скорости движения. Рабочие машины с этой же целью будут изменяться в сторону увеличения ширины захвата, скорости движения, сокращения потерь на сцепках и сменности рабочих органов.

Для борьбы с сорняками надо добиться высокого качества работы трактора, глубины вспашки, тщательности рыхления, переворачивания пласта путем установления качественных заданий каждому трактористу, проверки качества работы и соответствующей оплаты труда. Этим целям служат широкое развитие культивации чистых паров, а также создание специальных пропашных тракторов, которых за пятилетку будет выпущено 35 тыс. Самый тип почвообрабатывающих орудий должен изменяться и строго применяться в соответствии с характером сорняков данного района. В связи с этим должна получить разрешение идея универсальной рамы с широким ассортиментом сменных рабочих органов — лемехов, дисков, рабочих органов культиваторов и сеялок.

Для широкого применения удобрений, намеченных планом второй пятилетки, нужна механизация внесения этих удобрений в почву путем приспособления хлебных сеялок к процессу удобрения и создания туковых сеялок, а также механизация процессов размельчания, смешивания и приготовления удобрений.

Механизация технических культур является также первоочередной задачей не только ввиду большой трудоемкости этих культур, но также для облегчения внедрения севооборота с улучшенными предшественниками.

Помимо разоблаченной партией теории мелкой пахоты и противоположного перегиба в сторону огульного применения глубокой пахоты, огульного отказа от применения дисковых пахотных орудий продолжает существовать опасность отрыва агротехники от машинной техники, которая сказывается в стремлении в основу с.-х. машин закладывать энергетические принципы экономии мощности, топлива и т. д. в ущерб принципам агротехники. С другой стороны, требуется перестройка методов агротехнических работ в связи с требованиями машинного способа производства крупного социалистического хозяйства совхозов и колхозов.

4. Рост механизации социалистического земледелия

Бурный рост машинно-тракторного парка во второй пятилетке обеспечивается промышленной базой, созданной в предыдущие годы. Происходящая внутри промышленности реконструкция заводов в связи с переходом на новые, более совершенные марки тракторов, комбайнов и других с.-х. машин производится на-ходу дальнейшего развития благодаря громадному разгону, взятому в предыдущие годы. Как видно из таблицы № 4, ежегодное поступление тракторов уже в 1933 г. превысило 1 млн. НР, а в 1937 г. приближается к 2,5 млн. НР. Начиная с 1934 г., ежегодно поступает свыше

Таблица № 4

Тракторный парк в сельском хозяйстве (в тыс. НР)

Годы	Наличие на начало года	Поступление за год	Выбытие за год	Наличие на конец года	Поступление к весне	Наличие на весну
1933 . .	2 225	1 057	182	3 100	300	2 525
1934 . .	3 100	1 600	300	4 400	500	3 600
1935 . .	4 400	1 750	575	5 575	575	4 975
1936 . .	5 575	1 900	800	6 675	660	6 225
1937 . .	6 675	2 375	850	8 200	715	7 390

100 тыс. тракторов в натуре колесных и гусеничных. При этом количество гусеничных тракторов резко возрастает.

Возрастает вместе с этим и средняя мощность трактора с 15 до 24 НР. Постепенно нарастая, становится ощутительной величиной ежегодный износ тракторов, приближаясь в 1938 г. к 1 млн. НР. Износ идет в первую очередь за счет маломощных фордзон-путиловцев, а также тракторов иностранных марок. В свете этих громадных цифр ежегодного выбытия с особой силой встает задача освоения новой техники, глубокого изучения машины, бережного ухода за ней, нормального режима работы, достижения безаварийной работы. Основная часть тракторного парка сосредоточивается в МТС, количество которых возрастает до 6 тыс. Средняя мощность одной МТС возрастает до 1 025 НР, или с 31 до 70 тракторов. В совхозах будет сосредоточено 20 % тракторного парка, остальные 5 % — у прочих государственных и кооперативных с.-х. организаций.

Наиболее бурными темпами нарастает автомобильный парк. Если мощность тракторного парка возрастает за пятилетку в 3,7 раза, то мощность автомобильного возрастает более чем в 12 раз. Как видно из таблицы № 5,

Таблица № 5

Поступление машин в соцземледелие

	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	Всего
Тракторы (тыс. НР)	1 057	1 600	1 750	1 900	2 375	8 682
Автомашины (тыс. шт.) . .	17,5	20,9	31,5	43,2	56,8	170,0
Комбайны *	10,6	12,0	16,0	18,23	25,0	86,6
Электроустан. (тыс. квт.) .	21,0	36,0	75,0	95,0	132,0	359,0
С.-х. машины (млн. руб.) .	365,0	470,0	570,0	625,0	670,0	2 700

за пятилетку сельское хозяйство получит 170 тыс. автомашин. Это количество и будет в наличии в 1937 г., так как имевшиеся на конец 1932 г. 13 тыс. автомашин надо считать на покрытие выбытия за пятилетку. К концу последней ежегодное поступление достигает 60 тыс. машин. Основная масса 120 тыс. машин, или 71 %, поступит в МТС, а 50 тыс., или 29 %, — в совхозы. Подавляющее большинство среди машин, поступающих в сельское хозяйство, будут грузовые машины (около 80 %). Среди них преобладают марки ГАЗ—АА и АМО 3—5 (1½-тонные и 2½-тонные).

Парк комбайнов возрастает с 14,1 тыс. до 100 тыс. штук, т. е. в 7,1 раза, из них 63 тыс. комбайнов в МТС, остальные 27 тыс. — в совхозах. За пятилетку поступает свыше 86 тыс. новых комбайнов, среди которых подавляющую массу составляют комбайны собственного производства, а частично и собственной советской конструкции. Высокопроизводительная, самая совершенная из современных уборочных машин, дающая максимальную экономию

в рабочей силе, в сроках уборки и в потерях зерна, широким фронтом идет по колхозным и совхозным полям и убирает в 1937 г. 30 % всего посева зерновых. Внедрение комбайна сократит затраты рабочей силы на гектар зерновых со 136 до 30 человеко-часов, т. е. в 4,5 раза, разрешая историческую задачу «страдной поры» и неравномерности годового графика земледельческих работ. При этом затраты тяговой силы незначительно возрастают — с 17 до 24 силочасов на гектар.

Электроэнергия постепенно внедряется в производственные процессы сельского хозяйства, главным образом в молотью, кормоприготовление, водоснабжение и освещение. Мощность электроустановок возрастает с 90 тыс. до 580 тыс. HP. За пятилетку она возрастает на 359 тыс. *квт*, или на 490 тыс. HP, главным образом путем присоединения к сетям районных и промышленных станций. Мощность мелких самостоятельных с.-х. станций составляет 42 % общей мощности, остальное получается от районных сетей. Количество молотильных пунктов намечено довести до 15 тыс., что означает охват электрификацией около 5 тыс. колхозов и совхозов с площадью обмолота в 7—8 млн. *га*. Ожидаемая от этого экономия жидкого тракторного топлива достигает 100 тыс. *т* в 1937 г. Помимо этого хозяйственного внедрения электроэнергии должны получить развитие опытная электропахота и электродойка коров.

Наряду с внедрением в сельское хозяйство самой передовой техники тракторов, комбайнов, электромоторов необходимо не только полностью использовать рабочий скот путем правильного сочетания с трактором и самого бережного ухода за ним, но и обеспечить его расширенное воспроизводство для полного восстановления стада до уровня начала коллективизации сельского хозяйства. Рабочим скотом в 1937 г. должны быть произведены следующие работы: 80 % всего боронования, 45 % сева, 40% уборки, 30% культивации, 20 % пахоты, 15 % обмолота. Повышенные требования к качеству обработки земли и уборки урожая, а также резко возросшие транспортные и подсобные работы в связи с обслуживанием огромнейшего парка тракторов, комбайнов и других машин настоятельно требуют полного восстановления стада рабочего скота и улучшения его породы.

Разрешение задач завершения механизации сельского хозяйства и восстановления рабочего скота вносит колоссальные сдвиги в структуру энергетики сельского хозяйства. Как видно из таблицы № 6, общая мощность механических двигателей и рабочего скота возрастает с 16,5 до 38,2 млн.

Таблица № 6
Структура энергетики социалистического земледелия

	1932 г.				1937 г.			
	Количество (тыс. шт.)	Мощность (тыс. HP)	Работа (млн. силочасов)	%	Количество (тыс. шт.)	Мощность (тыс. HP)	Работа (млн. силочасов)	%
Тракторы	148,5	2 230	4 000	15	350	8 200	19 700	27
Автомшины грузовые	13,1	460	920	3,5	170	6 000	15 000	20
Стац. двигатели (нефтедвигатели, локомобили и комбайны)	21,5	650	650	2,5	140	4 200	4 200	5,5
Электроустановки	1,0	90	130	0,5	5,0	980	1 100	1,5
Рабочий скот	18 700	13 100	21 000	78,5	27 500	19 200	34 500	46
	—	16 530	26 700	100	—	38 180	74 500	100

НР, т. е. в 2,3 раза, при этом мощность механических двигателей возрастает с 3,4 до 19 млн. НР, т. е. в 5,6 раза. Отдача полезной работы двигателями и рабочим скотом возрастает с 26,7 млрд. до 74,5 млрд. силочасов, т. е. 2,8 раза, при этом работа механических двигателей возрастает с 5,7 млрд. до 40 млрд. силочасов, т. е. в 7 раз. Удельный вес механических двигателей во всей работе поднимается с 21,5 до 54 %. Это и есть процент механизации сельского хозяйства в целом, который по отдельным видам работ изменяется следующим образом: пахота и взмет зяби — 80 %, культивация — 70, сев — 55, уборка — 60, обмолот — 85 %. Само собой разумеется, что приведенное соотношение между механической энергией и рабочим скотом ни в какой мере не является установившимся на длительный срок; несмотря на процесс расширенного воспроизводства рабочего скота, оно будет неуклонно изменяться в сторону повышения удельного веса механических двигателей. Точно также нельзя говорить еще о пределах насыщения сельского хозяйства техникой. Следует отметить, что мощность тракторов, которая будет иметься к концу второго пятилетия, могла бы полностью механизировать основные полевые работы, т. е. 100 % пахоты, культивации, сева и уборки, если бы мы умели ее полностью использовать. В 1937 г. трактор должен иметь полезную отдачу 2 400 час. в год, что далеко еще не является пределом для мощных гусеничных тракторов. Полное освоение тракторного парка в будущем позволит довести их использование до 3 600 час. в году. Что касается автомашины, то, несмотря на бурный прирост, ее удельный вес в транспортных работах еще небольшой. В самый напряженный период, во время уборочной кампании, весь автопарк будет целиком занят обслуживанием комбайнов. Удвоение за пятилетку с.-х. продукции, резкое повышение товарности, а также встречного потока производственных и потребительских грузов в колхозы и совхозы, — все это такой грузооборот, который превысит далеко возможности автопарка. При этом надо отметить, что полезная работа его еще будет находиться сравнительно на невысоком уровне (около 2 500 час.) благодаря недостаточной механизации погрузочно-разгрузочных работ.

Увеличение всей полезной работы в социалистическом земледелии почти в 3 раза, прирост энергии механических двигателей и рабочего скота на 50 млрд. силочасов являются решающими условиями завершения технической реконструкции сельского хозяйства во втором пятилетии. Реализация этих условий зависит от живых людей, от степени овладения рабочими МТС, совхозов и колхозниками новой машинной техники. Приведенный бурный прирост энергетических ресурсов в этих условиях означает аналогичный прирост в производительности труда, в массе с.-х. продукции, в рентабельности с.-х. предприятий и зажиточности колхозников.

Поступление с.-х. рабочих машин за второе пятилетие составит 2,7 млрд. руб. — на 70% больше, чем в первой пятилетке. При этом особенно бурный рост обеспечивается машинами для технических культур (увеличение в 4,5 раза), благодаря чему 60% уборки будет механизировано, из них 45% посева льна будет убрано широкозахватными теребилками, 60% кукурузы — пиккерами, 80% свеклы — тракторными свеклоподъемниками и полукомбайнами, 60% хлопка — тракторными пневматическими и шпindelельными машинами. Уборка конопли будет механизирована на 40%. Рост вооруженности сельского хозяйства машинами и тракторами виден из таблицы № 7.

Наиболее сильный прирост будет иметь место по уборочным машинам как для зерновых, так и для технических культур. Громадный рост тракторных плугов должен отвечать приросту тракторной мощности. Если в среднем на 1 000 га будет приходиться 60 НР тракторной мощности, то в МТС на 1 000 га будет приходиться 41 НР, а в совхозах — 127 НР; по комбайнам соответственно в МТС — 1 комбайн, а в совхозах — 2—3 комбайна. Послед-

Таблица № 7

Машинная вооруженность сельского хозяйства на 1 000 га

	1932 г.	1937 г.
Тракторы (15-сильные)	1,1	4,0
Тракторные плуги (в корпусах)	3,6	15
» сеялки	1,9	3,2
Комбайны	0,13	1,2
Широкозахватные льнотеребилки	—	5,8
Пикеры	0,46	3,6
Тракторные свеклоуборочные	3,9	8,2
» хлопкоуборочные	1,5	11,8

нее указывает на более высокую техническую вооруженность совхозов, к которым естественно предъявляются требования быть образцом технической реконструкции сельского хозяйства.

5. Повышение производительности машин

Освоение новой техники является решающим условием завершения механизации сельского хозяйства. Этим положением ни в какой степени не исключается необходимость дальнейшего усовершенствования существующих машин и создания новых типов машин. «Сельскохозяйственное машиностроение должно освоить все виды машин и прицепного тракторного инвентаря, необходимые для осуществления дальнейшей механизации сельского хозяйства и в особенности механизации трудоемких процессов технических и пропашных культур»⁵.

Революционный характер машинного базиса социалистического земледелия, связанный с непрерывным развитием науки и практики, является источником постоянных изменений, усовершенствований, переворотов в самой машине. Этот могучий рычаг науки и техники всемерно надо использовать для решения задач, поставленных второй пятилеткой. В социалистическом обществе изобретение новых машин и усовершенствования не скованы цепями интересов капитала. Границы для внедрения новых машин и усовершенствований в социалистическом обществе неизмеримо обширны. В капиталистическом обществе все изобретения являются результатом классовой борьбы пролетариата с буржуазией. Когда под давлением борьбы рабочего класса капиталист вынужден пойти на сокращение рабочего дня, он бросается в область изобретений и усовершенствований, чтобы путем технической реконструкции обеспечить прежний или еще более высокий уровень производства прибавочной стоимости. В машине он находит могущественное средство увеличения производительности труда и эксплуатации рабочего. В условиях капитализма машина противостоит рабочим, и по целому ряду причин изобретение машин происходит без их участия и даже при противодействии с их стороны. В капиталистическом обществе исключена возможность массового рабочего изобретательства.

Изобретение, являясь утилизацией коллективного опыта, впервые получает свободное развитие лишь в нашей стране строящегося социализма.

Задачи, стоящие перед изобретательской и научно-исследовательской мыслью во второй пятилетке, вытекают из недостатков существующих машин и определяются как дальнейшим прогрессом в развитии естественных наук, так и запросами и особенностями крупного социалистического земле-

⁵ Резолюция XVII съезда, Партиздат, стр. 10.

деля. С каждым днем мы научаемся правильнее понимать законы природы и соответственно этому совершенствуем свои способы активного вмешательства в ее естественный ход. Социалистические отношения дают неограниченный простор изобретательской мысли. Понятно, что существующие машины еще очень далеки от совершенства. Несмотря на то, что внедрение рабочих с.-х. машин произвело в тяжелом земледельческом труде глубокий переворот, который получил свое исчерпывающее развитие распространением трактора, однако труд тракториста, комбайнера, молотильщика наряду с большой подготовкой требует еще и больших физических усилий. Это — с одной стороны, а с другой — капиталистический прогресс в земледелии, основанный на ограблении почвы, на разрушении источников плодородия, оставил нам как наследство разрыв между машинной техникой и агротехникой. Далее, в соответствии с политическими и культурными задачами второй пятилетки машина в сельском хозяйстве должна обеспечить изменение характера с.-х. труда, превращение его в разновидность индустриального труда. Эти вопросы должна решить техническая реконструкция сельского хозяйства во второй пятилетке.

Сельское хозяйство СССР во втором пятилетии завершает переход к системе машин. Переход от механизации отдельных процессов к созданию мощной системы машин требует создания недостающих машин по отдельным культурам и районам и подтягивания целых отстающих отраслей, как например технических культур. Обеспечение непрерывности с.-х. производственного процесса требует усиления роли и освоения автотранспорта, механизации погрузочно-разгрузочных работ и постройки широчайшей дорожной сети.

Общетехническими принципами, которые должны получить свое дальнейшее разрешение в развитии как трактора, так и рабочих машин, во второй пятилетке являются повышение мощности трактора, скорости и ширины захвата для рабочих машин, стандартизация, специализация, автоматизация, экономия топлива и полная увязка с агротехникой.

Стандартизация резко повысит производительность машин, так как устранил потери от недоиспользования их мощности. Эти потери достигают на посеве 40%, на уборке комбайнами — 35, на культивации — 30, на пахоте — 20%.

Автоматизация механизмов, имеющая большое значение для предупреждения аварий, перегрева, поломок, а также и внедрения измерительных и предохранительных устройств также резко повышает производительность и максимальное использование мощностей машин.

Для выполнения плана завершения механизации сельского хозяйства необходимо помимо этого разрешение ряда энергетических проблем.

В области топлива гигантский рост потребности в жидком горючем создает трудности в отношении тракторного топлива. Борьба за экономию топлива должна быть дополнена переходом части тракторного парка на тяжелое и твердое топливо. Химия указывает пути для изыскания дополнительных новых источников жидкого моторного топлива. Нельзя оставлять без особого внимания и пути усовершенствования системы питания и сжигания в карбюраторном двигателе.

В связи с нуждами тракторного парка и возрастающей потребностью сельского хозяйства в стационарных двигателях встает задача общего улучшения структуры с.-х. топливного баланса путем использования твердого и местного топлива, отбросов с.-х. производства (солома и др.), а также гидроэнергии и ветроэнергии.

В отношении конструкции трактора предстоит усовершенствование карбюраторного двигателя по пути повышения прочности, выносливости

(нельзя забывать, что 80% простоев происходят из-за неисправности двигателя), упрощения системы питания, зажигания, облегчения ухода, регулировки и ремонта. Надо работать над вопросами возможности дальнейшего развития повышения мощности трактора. Коллективный характер труда вызывает переворот в вещественных элементах процесса труда. Возрастает масштаб средства производства (ширина захвата, скорость), изменяются условия применения, возникают новые требования агротехники в отношении сроков, глубины и т. д. Главные моменты изменения мощности и типа трактора, обуславливающие более высокую его производительность во втором пятилетии, видны из таблицы № 8.

Таблица № 8

	1932 г	1937 г	Единица измерения
Средняя мощность трактора (на крюке)	15	24	HP
Количество гусеничных тракторов	5	100	тыс. шт.
» пропашных »	1	35	»
» дизельных »	—	3	»

Усовершенствование ведущей части трактора по пути усиления вездеходности, учета особенностей с.-х. производства (передвижение по обрабатываемому предмету) и преодоления зависимости от атмосферных условий справедливо привлекает к себе большое внимание широкой научно-технической мысли. Упрощение передаточного механизма также требует внимательного рассмотрения.

Имеющееся запоздание в обеспечении сельского хозяйства стационарными двигателями для ремонтных мастерских, молотьбы, усадеб совхозов (кормоприготовление, водоснабжение), орошения колхозных огородов, электрификации, требует преодоления создавшихся трудностей. Для этого необходимо широкое внедрение стационарных дизель-моторов, локомотивов на соломе и других двигателей на местном топливе, а также автоматизация гидроустановок и решение вопроса аккумуляции ветроэнергии.

Победа крупного социалистического сельского хозяйства выдвигает его в ряды значительных потребителей электрической энергии. В связи с этим встают вопросы присоединения к сетям районных электростанций и электрических железных дорог, вопросы оборудования с.-х. сетей, мелких станций, использования местных энергоресурсов. Возникает необходимость создания специального оборудования для дойки, стрижки, а также обеспечения общим электротехническим оборудованием для молотьбы, кормоприготовления, водоснабжения, освещения. Подготовка новых этапов в развитии машинной техники требует также дальнейших опытных работ по созданию электропахотного оборудования.

Расширенное воспроизводство рабочего скота, его громадная роль в с.-х. производстве ставят вопросы правильного сочетания с трактором и обеспечения усовершенствованным инвентарем, в особенности для культивации боронования, сева и уборки. Необходимость дальнейшей работы над конным инвентарем вытекает из участия рабочего скота в 1937 г. как главного силового ресурса по ряду с.-х. работ. Это подтверждается также объемом производства конного инвентаря за вторую пятилетку, составляющим 400 млн. руб.

В области механизации зернового хозяйства наряду с освоением больших достижений первой пятилетки стоит задача рационализации и расширения ассортимента лемешных и специальных плугов, задача создания наряду

с нормальным плуга до 20 см, облегченного до 18 см, а для глубокой пахоты — до 70 см, более совершенных секционных орудий для повышения качества обработки путем дифференциации тракторных орудий в соответствии с различными агротехническими требованиями. Надо предупредить также отставание реконструкции почвообрабатывающих орудий по сравнению с посевными и уборочными машинами. Та же задача стоит и в отношении разработки конструкций глубоких культиваторов для борьбы с сорняками в различных условиях, навесного и прицепного культиваторов, самоочищающейся бороны и т. д.

Специализация с.-х. машин, конструктивное приспособление и изменение типов с.-х. машин в соответствии с требованием агротехники в различных районах и культурах необходимы для обеспечения теснейшей связи агротехники и машинной техники. Необходимо создание стандартного советского комбайна и приспособление его к другим культурам.

План второй пятилетки ставит на разрешение ряд сложных проблем по орошению Заволжья, в частности создание комплекта необходимого оборудования для оросительной сети и ее ремонта.

Наконец не терпит отлагательства изучение вопросов, связанных с созданием зерновой базы в потребляющей полосе. Сюда относятся вопросы обеспечения комплекта машин для раскорчевки, мелиорации, специально почвообрабатывающего инвентаря для центральных районов, БССР, ДВК и Колхиды.

Механизация технических культур в плане второй пятилетки является одной из важнейших задач. Первые шаги пятилетки сказали уже новое слово советской техники в этом отношении и преодолели то, что являлось камнем преткновения для капиталистической техники, создав широкозахватную льнотеребилку, хлопчатоуборочные машины и т. д. Наряду с освоением этих машин и их усовершенствованием необходимо создание новых типов машин для технических культур.

Массовое производство пропашного трактора ставит задачу освоения «фордзона-путиловца» и приспособления к нему системы машин и орудий по отдельным техническим культурам.

По хлопку необходимы усовершенствование культиваторов в направлении полного захвата междурядий, создание пневматических и веретенных уборочных машин для всех сортов сбора, приспособление механизмов для массового внесения в почву химических удобрений, приспособление оборудования к условиям поливного хозяйства.

По льну необходимы освоение и дальнейшее совершенствование широкозахватной теребилки и механизация молотбы, подсушивания, подборки и первичной обработки, а также улучшения качества предпосевной обработки. Для конопля требуется создание уборочной, расстилочной машины и подборщика.

Необходимы, далее, по свекле специализация культиваторов для всех стадий обработки и усовершенствование уборочных машин: свеклоподъемника, свеклокомбайна и свеклокопателя-копнителя.

Для решения проблемы животноводства в совхозах и крупных товарных фермах надо обеспечить механизацию некоторых процессов. Недооценка значения механизации животноводства, имеющаяся в органах Наркомсовхозов и Наркомзема, может вызвать определенные затруднения и тормозить развитие животноводства. Крупные животноводческие совхозы и крупные колхозные фермы нецелесообразно базировать на физической рабочей силе. Выполняя решения июньского пленума ЦК ВКП(б) о животноводстве, мы добьемся громадного роста скота. Если механизация не будет применена, то мы будем испытывать затруднения с рабочей силой. В связи с этим встают задачи обеспечения механизмами:

кормоприготовления и водоснабжения, создания оборудования для механической дойки и стрижки части совхозного стада, обеспечения оборудованием для вывоза навоза и подвоза кормов, создания недостающих механизмов для полной механизации кормодобычи, лугового хозяйства и культивации пастбищ и лугов.

Для механизации садово-огородного хозяйства и субтропических культур необходимо также создание специальных машин и орудий для посадки, ухода, уборки и первичной переработки. Для картофеля особо важно создание тракторного окучника, уборочной, посадочной машин, а также машины для сортировки и подсушки.

Как видим, задачи механизации всех видов с.-х. производства огромны и являются нелегкими. Однако их успешное разрешение зависит только от нас, от людей, от социалистических работников, и в этом — залог их успешного разрешения.

6. Классовая борьба на фронте механизации

Борьба за завершение механизации сельского хозяйства во второй пятилетке будет проходить в обстановке обостренной классовой борьбы. Предстоящий новый этап борьбы требует усиления революционной бдительности и повышения идеологической вооруженности марксо-ленинской теорией. Сопrotивление врага будет иметь место в новых, утонченных формах классовой борьбы и в новых формах оппортунистических извращений политики партии. Достигнутые успехи порождают опасность проявления самотечных настроений в вопросах освоения техники, проявления ползучего эмпиризма, с одной стороны, и левацкого прожектерства, заскоков и головокружения от успехов — с другой. Успешной борьбе за пролетарскую классовую позицию в вопросах механизации сельского хозяйства должно помочь глубокое изучение опыта работы политотделов по освоению новой техники и технической политики партии в вопросах механизации сельского хозяйства. Окончательная ликвидация капиталистических элементов встречает кулацкое вредительство в деревне. Необходимо гарантировать себя также от возможных случаев вредительства в области экспериментальных и конструкторских работ.

Правооппортунистическая опасность на данном этапе сказывается в боязни мощных и сложных современных машин. Выступления против «ЧТЗ» и нового мощного типа «СТЗ» обосновываются мнимой непригодностью этих тракторов для обслуживания помимо пахоты всего комплекса полевых работ. Боязнь комбайнов, пиккеров и других машин тормозит освоение этих машин в машиностроении, в МТС и совхозах. Этим же объясняется и отсутствие работы по вопросу о повышении скорости машин. Отрыв механизации от агротехники, своими корнями уходящий в капиталистический прогресс ограбления почвы и находящийся благоприятную среду в функциональном построении наших хозяйственных и научных органов, требует к себе особой бдительности. Наконец сюда же относится борьба с функционалкой. Примером может служить пропашной трактор, о котором т. Каганович на XVII съезде сказал: «Вы помните, что много говорили о пропашном тракторе, много вертели это дело в аппаратах пока, наконец, в порядке проверки исполнения вопрос не был поставлен в ЦК. Выяснилось, что дело заволокнутили». Пропашной трактор стал жертвой функционалки. Два головных института по механизации сельского хозяйства ВИСХОМ и ВИМ обслуживают нужды—первый главным образом Главсельмаша и его трестов, а второй—нужды нескольких секторов Наркомзема. Оба института часто занимаются тем, что дублируют работу друг друга в отрыве от социалистической экономики колхозов и МТС и от требований агротехники.

Борьба за выполнение плана завершения механизации сельского хозяйства требует организационной перестройки, указанной в решениях XVII съезда партии, в первую очередь в оперативных органах и в системе научно-исследовательских и конструкторских организаций. Установление живой связи с практикой, с низовыми звеньями требует изучения опыта лучших совхозов и МТС, организации образцов использования машинной техники в совхозах и МТС, создания там испытательных лабораторий, установления связи с заводскими лабораториями и перенесения центра тяжести конструкторской работы в заводские лаборатории, а работ по освоению — в совхозные лаборатории. Изучение проблем механизации сельского хозяйства в центральных институтах должно концентрироваться на разработке технических и экономических тенденций практики, на создании новых механизмов, обобщении опыта, разработке теорий отдельных механизмов и теоретическом освещении новых путей и в машинной технике социалистического сельского хозяйства в тесной увязке с работой высшей школы, с ее кадрами и лабораториями, в неразрывной связи со смежными институтами для обмена опытом и совместного разрешения комплексных проблем.

Левацкая опасность сказывается в гигантомании и перескакивании через необходимые этапы. Примерами могут служить проекты стофутного комбайна, увлечение комбайнами там, где надо дать раньше более простые уборочные машины, как например в уборке свеклы, хлопка, картофеля и т. д. Здесь же надо упомянуть об увлечении энергетическими проблемами в вопросах создания новых машин. Примером могут служить конструкции моторизованных самоходных рабочих машин, экономящих топливо, но крайне осложняющих все рабочие машины силовыми, передаточными и ведущими механизмами.

Исключительно огромная роль техники в построении социалистического сельского хозяйства требует глубокого изучения всей сложности взаимосвязи социальных и технических факторов, как например влияния новых социальных форм на конструкции машин и др. Дальнейшая концентрация в руках МТС средств колхозного производства (достигающая в 1937 г. 53%) ставит вопрос о перспективах техники артельной стадии развития социалистического земледелия.

Безусловно ошибочно и вредно говорить о том, что трактор, комбайн и другие машины являются капиталистической техникой, и поэтому якобы нечего делать упор на них. Современные советские тракторы, комбайны и различные сложные с.-х. машины являются в своем большинстве улучшенными копиями лучших иностранных марок, поэтому в этих машинах учтены последние достижения естественных наук и последние открытия в области техники. Однако всякая машина, в том числе и сельскохозяйственная, в условиях перехода от капитализма к социализму имеет известную двойственную природу.

Двойственный характер современной советской с.-х. машины заключается в том, что она наряду с чертами крупного обобщественного производства носит на себе и следы мелкого, индивидуального, фермерского, кулацкого хозяйства. Наша задача заключается в том, чтобы всемерно развивать первые черты и устранять последние. Чтобы предупредить возможную путаницу и извращения политики партии в механизации с.-х., необходимо непосредственно связать научно-исследовательскую мысль с социалистической экономикой крупного колхозного и совхозного производства.

План переделки крестьянства, гениально реализован ленинской партией во главе с т. Сталиным в коллективизации деревни. Экономическая основа вражды города и деревни уничтожена победой однотипного социалистического уклада, и этим неизмеримо укреплен союз рабочего класса с кре-

стьянством. «От города и его промышленности деревня получает теперь помощь — тракторами, с.-х. машинами, автомобилями, людьми, средствами. Да и сама деревня имеет теперь свою промышленность в виде МТС, ремонтных мастерских, всякого рода промпредприятий колхозов, небольших электростанций и т. п. Культурная пропасть между городом и деревней заполняется»⁶.

Вторая пятилетка должна принести полную победу социалистическому земледелию. Оно должно стать и станет (см. таблицу № 9) как по уровню механизации, так и по объему с.-х. продукции первым в мире. Земледелие

Таблица № 9
СССР и США по техническому уровню земледелия

	США в 1936 г	СССР в 1937 г	
Мощность тракторного парка (в тыс. HP) . . .	11 000	8 200	74,6
Работа " " (в млн. ач) . . .	66	294	445,5
Парк комбайнов (тыс. шт.)	61	100	163,8
Работа " (млн. ач)	14,1	29,5	201,4
Парк грузовых автомашин (тыс. шт.)	9 000	128	14,2
Работа грузовых автомашин (млн. т/км)	16 100	9 500	59,0

СССР превращается во втором пятилетии в самое передовое в техническом отношении не только в Европе, но и во всем мире, ибо далеко оставляет позади себя и земледелие США по ряду основных показателей. Завершение коллективизации, охват МТС всех колхозов, завершение механизации сельского хозяйства, освоение новейшей техники многомиллионными кадрами и перевоспитание колхозников в сознательных и активных строителей знаменуют этап завершения построения социалистического общества.

⁶ См. также Доклад XVII партсъезду. Партиздат, стр. 40.

О вопросах обращения в СССР

В качестве наиболее важной задачи внутренней политики СССР в современных условиях т. Сталин выдвинул «развертывание товарооборота между городом и деревней и усиление всех видов транспорта, особенно железно-дорожного».

В итоге выполнения первой пятилетки и плана первого года второй пятилетки мы имеем рост продукции промышленности, сельского хозяйства, рост потребностей и спроса на предметы потребления со стороны трудящихся масс города и деревни. Но «чтобы экономическая жизнь страны могла забить ключом, а промышленность и сельское хозяйство имели стимул к дальнейшему росту своей продукции, надо иметь еще одно условие, а именно--развернутый товароборот между городом и деревней, между районами и областями страны, между различными отраслями народного хозяйства» (Сталин). Надо иметь развернутую советскую торговлю, торговлю без капиталистов — малых и больших, торговлю без спекулянтов — малых и больших.

Эта советская торговля есть «особого рода торговля, которой не знала до сих пор история и которую практикуем только мы, большевики, в условиях советского развития»¹.

Вся предшествующая история развития обмена, дрящяся тысячелетия, действительно не знала этой формы советской торговли, обусловленной победой в СССР социалистического способа производства. Критикуя взгляды Сокольников, т. Сталин говорил 23 декабря 1925 г.:

«Дело вовсе не в том, что торговля и денежная система являются методами «капиталистической экономики». Дело в том, что социалистические элементы нашего хозяйства, борясь с элементами капиталистическими, овладевают (подчеркнуто мной — А. П.) этими методами и оружием буржуазии для преодоления капиталистических элементов, что они с успехом используют их для построения социалистического фундамента нашей экономики. Дело в том, стало быть, что благодаря диалектике нашего развития, функции этих инструментов буржуазии меняются принципиально, коренным образом, меняются в пользу социализма, в ущерб капитализму»².

Способ производства обуславливает соответствующий способ распределения, обмена и потребления. Развитие товарооборота обуславливается развитием материального производства.

Производство фабрично-заводской (цензовой) промышленности, сократившаяся в результате империалистической и гражданской войн с 10 251 млн. руб. в 1913 г., до 1 410 млн. руб. в 1920 г.³, в 1926 г. превысила довоенный уровень (10 704 млн. руб.). В 1928 г. она выросла до 151,6% (15 700 млн. руб.), а в 1932 г. выросла больше чем втрое (35 300 млн. руб.) по сравнению с 1913 г.

¹ Сталин; Доклад на январском (1933 г.) пленуме ЦК и ЦКК.

² Сб. «Об оппозиции», изд. 1928 г., стр. 215.

³ В ценах 1925,26 г.

В соответствии с развитием промышленности и сельского хозяйства шло развитие товарооборота в СССР.

В 1922/23 г. при росте продукции промышленности до 4 005 млн. руб. и росте продукции сельского хозяйства с 562,7 млн. до 573,3 млн. (по одной зерновой продукции) розничный товарооборот составлял 3 560 млн. руб. При этом частный товарооборот составлял 2 680 млн. руб., а госторговля и кооперация — 880 млн. руб.

В 1923/24 г. оборот госторговли и кооперации вырос до 2 283 млн. руб., частная розница — до 3 115 млн. руб. Удельный вес частного капитала в оптовом обороте равнялся в этом году 18,1%.

Решая задачу о в л а д е н и я торговлей и денежной системой и использования этих методов «капиталистической экономики» против капитализма и на пользу социализма, в 1926/27 г. партия добилась снижения удельного веса частной торговли в опте до 4,8%, в рознице — до 25,4% при общем росте розничного товарооборота до 13 717 млн. руб.

1926/27 год является последним годом абсолютного роста частной розничной торговли (5 063 млн. руб.). В следующем 1927/28 г. частный розничный товарооборот падает не только относительно, но и абсолютно (3 648 млн. руб.), в 1928/29 г. — 2 679 млн. руб., а в 1932 г. частный товарооборот в связи с победой социалистического способа производства как в городе, так и в деревне занимает ничтожную долю в общем обороте. С этого времени начинается период развертывания советской торговли без капиталистов — малых и больших, торговли без спекулянтов — малых и больших.

В соответствии с ростом промышленности и социалистического сельского хозяйства товарооборот вырастет с 31,9 млрд. в 1932 г. до 80 млрд. руб. в 1937 г. (в ценах 1932 г.).

* * *

«В переходный период, — говорил Ленин, — государственный продукт — продукт социалистической фабрики, обмениваемый на крестьянское продовольствие, не есть товар в политико-экономическом смысле, во всяком случае не только товар, перестает быть товаром...»⁴. Это значит, что советские товары, будучи в своей основной и преобладающей массе в настоящее время продуктом социалистических предприятий и в городе и в деревне, перестают быть товарами в политико-экономическом смысле. Это — продукты социалистических предприятий, идущие на общественное потребление через советский рынок, через систему советской торговли. Советская торговля есть поэтому торговля не товарами в политико-экономическом смысле, а торговля продуктами социалистических предприятий, идущими на общественное потребление через рынок.

Из этого же надо исходить и для понимания сущности наших денег. Деньги прежде всего имеют своей задачей выразить меру общественного труда или, другими словами, действительные издержки производства товаров социалистическими предприятиями, как одноименные величины, качественно одинаковые и количественно сравнимые. Следовательно здесь деньги функционируют как всеобщая мера общественного труда (или всеобщая мера действительных издержек общественного производства).

Выполняя первую функцию меры общественного труда, деньги в процессе обращения товаров — продуктов социалистических предприятий, идущих на общественное потребление через рынок, — выполняют функцию средства обращения, средства платежа и средства социалистического накопления.

⁴ Ленин, Собр. соч., т. XXVI, изд. 2-е, стр. 370.

В товарообороте же между страной пролетарской диктатуры и буржуазными странами советское золото выступает и в функции мировых денег в качестве всеобщего платежного и всеобщего покупательного средства.

С п о с о б п р о и з в о д с т в а накладывает особенный отпечаток на сущность и функции денег во все эпохи товарного обращения. В эпоху обмена между древнеродовыми общинами деньги в своей функции средства обращения служат именно средством экономических связей между общинами и непосредственно выступают здесь также в качестве межобщинных денег. Функция денег в качестве сокровища общины, а не частных производителей, здесь мало развита (деньги — скот по преимуществу). Совсем не развита или мало развита функция денег в качестве платежного средства, поскольку обмен между разными, особенно кочевыми, общинами предполагает обмен наличными благами.

В азиатскую эпоху функции денег носили на себе отпечаток государственного рабства. Здесь особенно развита функция денег в качестве сокровища (сокровища царя Креза и др.). В античную эпоху частнорабовладельческого производства при наличии денег можно было купить рабов, т. е. не только вещи или скот, но и живых людей.

Сравнивая сущность и функции денег в условиях капитализма и рабства, Маркс говорит:

«Купля и продажа рабов по своей форме представляла тоже куплю и продажу товаров. Но без существования рабства деньги не могут совершать этой функции. При существовании рабства деньги могут быть затрачены на покупку рабов. И, напротив, если в руках покупателей есть деньги, этого недостаточно для того, чтобы сделать рабство возможным»⁶.

Маркс указывает, что достаточно известного развития товарного обращения даже на базе старых способов производства, чтобы могли образоваться различные функции денег — товарный эквивалент, средство обращения, платежное средство, сокровище и мировые деньги. Однако относительное значение или преобладание той или другой из этих функций указывает на очень различные ступени развития общественно-производственного процесса. Относительное значение или преобладание той или иной функции соответствует различным ступеням развития общественного производства, т. е. прежде всего различным способам производства.

Деньги в СССР выполняют ряд таких функций, которых не знает вся предшествующая история. Общее в функциях отмечено раньше рядом с особенным (деньги — мера общественного труда или действительных издержек социалистического производства, а не мера стоимости товаров и т. д.). Но г л а в н о е, о с о б е н н о е заключается еще не в этом.

При рабских отношениях деньги могут быть затрачены на покупку рабов. В буржуазных условиях деньги свободно превращаются в капитал, покупается и продается рабочая сила, земля, фабрики, заводы, железные дороги и т. д.

В условиях пролетарской диктатуры рабочая сила перестает быть товаром, поскольку рабочий класс является одновременно и владельцем своей рабочей силы и владельцем средств производства. Земля изымается из обращения (национализируется). Крупные фабрики, заводы, шахты, рудники, железные дороги также изымаются из обращения (тоже национализируются). Кроме того национализируется кредитно-банковская система и вводится монополия внешней торговли. В области внутренней торговли и денежного обращения систематически проводятся контроль и учет, подчиняющие торговлю и денежное обращение п л а н и р о в а н и ю и регулированию

⁶ М а р к с, Капитал, т. II, изд. 3-е, стр. 7.

со стороны государства пролетарской диктатуры, осуществляющего построение социалистического общества.

В целях планового перераспределения производительных сил через цены в определенные моменты на однородные товары устанавливаются разные цены; эти цены планируются ниже или выше действительных издержек социалистического производства в зависимости от тех задач, которые стоят перед государством пролетарской диктатуры. Следовательно мы не имеем в СССР анархического действия закона спроса и предложения. Партия осуществляет линию на снижение себестоимости, отпускных и розничных цен.

Деньги в СССР функционируют в качестве орудия социалистического строительства. Посредством денег осуществляется плановое распределение средств производства, предметов потребления, мобилизуются миллионы строителей Магнитостроя, Днепростроя, совхозов, колхозов и т. п.; посредством денег осуществляются хозрасчет, контроль рублем хода выполнения планов социалистического воспроизводства, борьба с мелкобуржуазным отношением к трудовой дисциплине. Это особенно в функциях денег характерно лишь для эпохи пролетарской диктатуры, принципиально изменяющей сущность торговли и денег.

* *
*

На XVII партсъезде т. Сталин подверг критике пренебрежительное отношение к советской торговле и подчеркнул решающую роль торговли в продвижении товара от места производства к потребителю. Он с особой силой отметил, что товары производятся в последнем счете не для производства, а для потребления, что следовательно целью нашего социалистического производства является удовлетворение все растущих потребностей строителей социалистического общества.

К 1934 г. мы имеем в СССР:

а) рост продукции промышленности, в том числе продукции по ширпотребу;

б) рост продукции сельского хозяйства;

в) рост потребностей и спроса на продукты и изделия со стороны трудящихся масс города и деревни.

Что еще требуется для того, чтобы сомкнуть эти условия и обеспечить всей массе потребителей получение необходимых товаров и продуктов?» (С т а л и н).

Недостаточно наличия этих условий, чтобы «экономическая жизнь страны забила ключом».

Ибо если товар не доходит до потребителя, «экономическая жизнь не только не может забить ключом, а, наоборот, будет расстроена и дезорганизована до основания».

В капиталистическом обществе товар часто не доходит до потребителя вследствие периодически повторяющихся разрывов между размерами производства и размерами платежеспособного спроса трудящихся масс, разрывов являющихся результатом противоречия между общественным характером капиталистического производства и частной формой присвоения.

В СССР общественному характеру производства соответствует и общественная форма присвоения. Поэтому в СССР отсутствуют капиталистические кризисы перепроизводства товаров. Однако у нас бывали случаи, когда «товаров и продуктов было немало, но они не только не доходили до потребителя, а продолжали гулять в бюрократических закоулках так называемой товаропроводящей сети — в стороне от потребителя. Понятно, что при

этих условиях промышленность и сельское хозяйство теряли всякий стимул к расширению производства, товаропроводящая сеть затоваривалась, а рабочие и крестьяне оставались без товаров и продуктов. В результате — расстройство экономической жизни страны, несмотря на наличие товаров и продуктов» (С т а л и н).

Следовательно, для того чтобы экономическая жизнь «забила ключом, необходимо развернуть товарооборот, покрыть всю страну богатой сетью торговых баз, магазинов, лавок. Необходимо, чтобы по каналам этой товаропроводящей сети безостановочно циркулировали товары от места производства к потребителю».

В основе этого советского товарооборота лежит исторически сложившееся и планомерно изменяемое общественное разделение труда (между городом и деревней, между различными районами и областями страны, между различными отраслями народного хозяйства). В условиях общественного разделения труда отдельные предприятия производят либо средства потребления: ткани, готовую одежду, обувь, мыло, книги, хлеб, мясо, яйца, жиры, масло, рыбу и др. или же средства производства (металлургия, машиностроение, энергетика, химия и т. д.).

Рабочий пищевой промышленности нуждается в тканях, в обуви и т. д.; колхозник, производящий зерновые продукты, нуждается в обуви, одежде и т. д.; рабочий, производящий машины, нуждается в предметах питания, одежде, обуви и т. д. Поэтому товары в СССР должны безостановочно циркулировать от мест производства к местам потребления, безотносительно к тому, как данный товар удовлетворяет потребности: непосредственно как средство существования, т. е. как предмет индивидуального потребления или как средство производства. Товар лишь в том случае может удовлетворить потребность, когда он производится в надлежащем количестве и является носителем соответствующего качества того или иного вида потребительной стоимости. Продукт-брак не является предметом потребления, следовательно является вычетом из общественного труда, непроизводительной тратой этого труда. Поэтому правительство СССР приравнивало выпуск брака к уголовным преступлениям. Непосредственно в процессе производства ведется борьба за сокращение времени производства отдельных продуктов, повышение производительности труда, снижение себестоимости, ускорение оборотов социалистического производства. Товар как результат производства любого предприятия должен перейти в сферу производительного или индивидуального потребления.

В настоящий период товар как результат производства должен пройти в сферу потребления через сферу товарооборота. Отсюда вытекает необходимость развития всех форм товарооборота, соответствующих нынешней ступени развития социалистического способа производства — госторговли, кооперативной торговли, торговли местной промышленности, колхозов, единоличных крестьян. Обособление товарооборота от сферы производства, с одной стороны, и сферы потребления — с другой, подчеркивает всю важность организации действительно идеально налаженной советской торговли, задачей которой является продвижение товаров от мест производства к месту потребления.

Особенно важна скорость оборота, начинающегося с момента перехода товара с места производства в сферу обращения и кончающегося моментом перехода товара в сферу потребления. Товары, бродящие по каналам товаропроводящей сети лишнее время, свидетельствуют о непроизводительной трате общественного труда, которая имеет самые отрицательные последствия для всего хода процесса воспроизводства («ведет к расстройству экономической жизни страны, несмотря на наличие товаров и продуктов»). Важна также борьба за максимально низкие издерж-

ки обращения при необходимом сохранении и даже повышении качества продукции в области обращения (сортировка, упаковка, хранение и т. д.). Отсюда вытекает также важность развития транспорта, который является важнейшим рычагом движения товаров от мест производства к местам производительного или индивидуального потребления.

XVII съезд партии со всей силой подчеркнул, что «задача повышения материального уровня жизни рабочих и крестьян требует всемерного развёртывания товарооборота на основе увеличения производства промышленных товаров широкого потребления и улучшения снабжения города сельскохозяйственными продуктами».

XVII съезд установил рост товарооборота в $2\frac{1}{2}$ раза по сравнению с последним годом первой пятилетки при увеличении производства предметов широкого потребления, производимых легкой и пищевой промышленностью, в 2,5 раза. Рост розничной государственной кооперативной сети намечен на 37% с одновременным проведением ее технической реконструкции. Снижение среднего уровня розничных цен намечено на 35% по сравнению с 1933 г., что увеличивает размеры индивидуального потребления в 2—3 раза.

В будущем полное и всестороннее развёртывание советской торговли в СССР будет связано с переходом к единой цене, отменой нормирования, распределения продуктов посредством карточек и закрытых форм отпуска товаров. Партия неуклонно проводит политику снижения себестоимости, и цена как денежное выражение меры общественного труда или действительных издержек социалистического производства будет планироваться в сторону все большего приближения к ней. Однако такое сближение является для ряда продуктов делом будущего, ибо изъятие средств для одних и усиление размеров накопления для других отраслей социалистического хозяйства будет еще в ближайшие годы важной задачей планового перераспределения производительных сил посредством цены. Тем не менее мы имеем все нарастающие предпосылки для введения единой цены на решающие продукты не только промышленности, но и социалистического сельского хозяйства. Рост количества продуктов, подлежащих распределению, позволит перейти от нормирования по карточкам и закрытого распределения к развернутой советской торговле на базе социалистического способа производства. Это не будет возвратом к торговле первого периода нэпа. Партия решительно изгоняет нэпманский дух из всех областей советского обращения. Она также решительно подчеркивает антибольшевистский характер левой фразы о переходе к продуктообмену и об отмирании денег уже на данной стадии социалистического строительства. Развёртывание товарооборота во второй пятилетке — важнейшее звено в цепи построения бесклассового, социалистического общества. Следует однако остановиться на более отдаленных перспективах развития обращения в СССР.

Трудно говорить о конкретных формах развития в СССР коммунистического способа производства. Намечать конкретный план производства и распределения для коммунистического общества тоже нецелесообразно, ибо члены этого общества «во всяком случае будут не глупее нас с вами»⁶. С прогрессом производства коммунистического общества меняется и способ распределения: от закона производства и распределения при социализме — от каждого по способностям и каждому по работе — совершается переход к закону коммунистического способа производства — от каждого по способностям и каждому по потребностям. Поэтому, «собственно говоря, можно только:

1) попытаться открыть способ распределения, с которым можно начать, и

⁶ «Архив Маркса и Энгельса». т. VI, стр. 276.

2) постараться отыскать общее направление, в котором будет двигаться дальше развитие»⁷.

В этих пределах основоположники марксизма нарисовали яркую картину движения коммунистического воспроизводства, включая в него и момент потребления. Реальное движение воспроизводства в СССР позволяет в настоящий момент дополнить эту картину лишь некоторыми более конкретными штрихами.

При социализме «способ распределения существенным образом зависит от количества вещей, подлежащих распределению и... это количество конечно меняется вместе с прогрессом производства и общественной организации, а следовательно и способ распределения может меняться. Количество вещей, подлежащих распределению, оказало существенное влияние на переход к нормированию и централизованному распределению на основе классово-производственного принципа в последний этап нэпа и начальный период социализма. Количество вещей, подлежащих распределению, обуславливает также переход к развернутой советской торговле во вторую пятилетку. Количество вещей, подлежащих распределению, окажет также влияние на переход к прямому социалистическому распределению. Однако решающая роль принадлежит здесь характеру способа производства, развитию производительных сил. При капитализме бывают периоды (кризисы перепроизводства), когда количество вещей превышает платежеспособное потребление, в результате чего потребление не расширяется, а, наоборот, сужается вместе с уменьшением размеров производства (уменьшение выработки, приостановка предприятий и т. д.), а следовательно уменьшением размеров платежеспособного потребления (уменьшение заработной платы, массовое увольнение рабочих и т. д.). Лишь на основе развития производительных сил социалистического способа производства все увеличивающееся количество вещей, подлежащих распределению, обуславливает все увеличивающийся размер потребления, систематический рост материально-бытового положения трудящихся.

На смену и в результате идеально налаженной советской торговли придет прямой социалистический продуктообмен.

Тов. Сталин говорил на XVII съезде о том, что советская торговля является простейшим делом по сравнению с более сложным и трудным делом прямого продуктообмена. Поэтому «продуктообмен может притти лишь на смену и в результате идеально налаженной советской торговли, чего у нас нет и в помине и что не скоро будет у нас»⁸.

При каких прочих условиях и в каких формах возможен переход от советской торговли к прямому продуктообмену как социалистическому распределению «в общегосударственном масштабе»? Для выявления перспектив развития обращения имеют важное значение наметившиеся формы перехода к обязательным натуральным поставкам с.-х. продуктов по твердой цене (соединение продналога с заготовками в денежной форме) и тенденции уменьшения этих обязательств за счет роста «платы» за пользование средствами производства (МТС) государства пролетарской диктатуры. Движение социалистического воспроизводства в СССР вплотную приводит к обмену «деятельностей и способностей, который совершается в самом производстве, относится прямо к нему и составляет его сущность»⁹.

Следующий этап обращения в СССР будет протекать в условиях полного преобразования мелкокрестьянского производства в крупное колхозное и

⁷ Э н г е л ь с, Письмо к Шмидту 5 августа 1890 г.

⁸ С т а л и н, Доклад XVII партсъезду.

⁹ М а р к с, К критике политической экономии, изд. 1922 г., стр. 22.

организации всего населения в единую сеть потребительских коммун, о которых говорит программа партии. Ни в этот период, ни в последующий уничтожение денег не может еще стать практической задачей. «Деньги останутся у нас еще долго, вплоть до завершения первой стадии коммунизма, — социалистической стадии развития».

Для чего нужны деньги в период социализма?

Для того чтобы «развернуть во-всю советскую торговлю и подготовить тем самым условия для прямого продуктообмена» (С т а л и н).

Совершенно очевидно, что при прямом продуктообмене речь идет об обмене продуктов, являющихся результатом производства социалистических предприятий, производящих на основе планомерно осуществляемого общественного разделения труда (различные отрасли народного хозяйства, производящие различные продукты, включая и сельское хозяйство, являющееся отраслью социалистического народного хозяйства). Следовательно продуктообмен будет лишь ступенью для перехода к коммунистическому распределению продуктов.

Вопрос о существовании денег вплоть до завершения первой стадии коммунизма вызывает исключительный интерес в самых разнообразных кругах научных и практических работников, учащихся, рабочих и колхозников.

Что будут представлять собой деньги в период полного социалистического общества?

Маркс отмечал, что учение о рабочем времени как непосредственной единице денежной меры, а следовательно учение «о рабочих деньгах» впервые систематически было развито Джоном Греем.

«Если, однако, Грей принимает рабочее время, заключенное в товарах, за непосредственно общественное, то он принимает его за общественное рабочее время или за рабочее время непосредственно ассоциированных лиц. Тогда действительно один специфический товар, например золото или серебро, не мог бы выступить относительно других товаров, как воплощение всеобщего труда, меновая ценность не становилась бы ценою, но вместе с тем потребительная ценность не становилась бы меновой ценностью, продукт не становился бы товаром и, таким образом, было бы уничтожено самое основание буржуазного общества»¹⁰.

В «Критике Готской программы» Маркс говорит: «Внутри товарищеского общества, основанного на общественном владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов. Столь же мало выступает здесь труд, затраченный на производство продуктов, как стоимость продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальный труд существует как составная часть совокупного труда уже не каким-то окольным путем, но непосредственно»¹¹.

Вульгарный социализм перенял от буржуазных экономистов манеру рассматривать распределение как нечто независимое от способа производства. Поэтому он изображал дело так, что социализм вращается преимущественно вокруг вопросов распределения. В действительности же «всякое распределение средств потребления есть всегда лишь следствие распределения самих условий производства. Последнее же распределение составляет характерную черту самого способа производства»¹².

При социализме (низшая фаза коммунистического способа производства) господствует тот же принцип, который регулирует товарообмен, поскольку

¹⁰ М а р к с , Критике политической экономии, изд. 1922 г., стр. 92—93.

¹¹ М а р к с , Критика Готской программы, изд. 1932 г., стр. 25.

¹² Т а м же , стр. 29.

ку товарообмен есть обмен равноценностей. Содержание и форма здесь изменились в силу того, что при изменившихся обстоятельствах никто не может ничего дать, кроме своего труда, а с другой стороны, в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления. Но что касается самого распределения таковых между отдельными производителями, то здесь господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда — в другой»¹³.

Маркс конкретно подходит к анализу условий жизни социалистического общества, которое только что выходит из капиталистического общества и поэтому во всех отношениях носит отпечаток старого общества, из недр которого оно вышло. Здесь средства производства уже вышли из частной собственности и принадлежат всему обществу. Каждый член общества выполняет известную долю общественно необходимой работы и по удовольствию об этом получает из общественных складов предметов потребления соответствующее количество продуктов. За вычетом этого количества труда, которое идет в общественный фонд, каждый работник социалистического общества получает от общества столько же, сколько он ему дал. Но это не есть «справедливое распределение», ибо «равное право каждого на равный продукт труда» применяется к различным людям, которые на деле не одинаковы, не равны друг другу (один сильнее, другой — слабее, один женат, другой нет, у одного больше детей, у другого меньше и т. д.). Поскольку члены социалистического общества только что вышли из недр старого общества, в их сознании имеется еще такой отпечаток, который заставляет с черствостью Шейлока высчитывать «не переработать бы лишних получаса против другого, не получить бы меньше платы, чем другой».

Поэтому, «до тех пор пока наступит» высшая фаза коммунизма, социалисты требуют с т р о ж а й ш е г о контроля со стороны общества и с о с т о р о н ы г о с у д а р с т в а над мерой труда и мерой потребления»¹⁴.

Этот контроль должен начаться с момента экспроприации капиталистов, с момента установления пролетарской диктатуры. Именно государство рабочих осуществляет контроль за капиталистами, осуществляет лозунг «кто не работает, тот не ест», «за равное количество труда — равное количество продукта».

Однако это еще не коммунизм и это еще не устраняет буржуазного права, которое неравным людям за фактически неравное количество труда дает равное количество продукта. От каждого по способностям — но один сильнее, другой слабее, один квалифицирован, другой менее квалифицирован, один искуснее, другой менее способен и т. д. Каждому по работе, ибо иначе люди не будут развивать высокой производительности труда. Буржуазное право по отношению к р а с п р е д е л е н и ю п р о д у к т о в п о т р е б л е н и я и распределению труда между членами общества делает неизбежным существование государства, так как право ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права.

«От каждого по способностям, каждому по работе». Таков закон социалистического способа производства и распределения.

Этот закон действует в последовательно социалистических предприятиях переходной эпохи. Этот закон действует в социалистических предприятиях (колхозах) в эпоху пролетарской диктатуры, которая принуждает к соблюдению этого закона и таким путем содействует ускоренному развитию производительных сил социалистического труда.

¹³ М а р к с, Критика Готской программы, изд. 1932 г., стр. 26.

¹⁴ Л е н и н, Собр. соч., т. XXI, изд. 2-е, стр. 437.

Троцкий в 1920 г. выдвинул в перефразированном виде мелкобуржуазный тезис Прудона-Лассалья о равенстве:

«В области потребления, т. е. условий личного существования трудящихся, необходимо вести линию уравнительности. В области производства принцип ударности еще надолго останется для нас решающим».

Ленин решительно выступил против этой теоретической путаницы.

«Это совершенно неверно, — говорил он, — ударность есть предпочтение, а предпочтение без потребления — ничто. Если меня так будут предпочитать, что я буду получать восьмушку хлеба, так благодарю покорно за такое предпочтение. Предпочтение в ударности есть предпочтение и в потреблении. Без этого ударность — мечтание, облачко, а мы, все-таки, материалисты»¹⁵.

Переход к жесткому порядку распределения продуктов по закону «от каждого по способностям, каждому по работе» (трудодни) обеспечил быстрый рост производительности колхозного труда, показавший мелким производителям действительное преимущество социалистического способа производства.

Государство пролетарской диктатуры в социалистическом обществе будет осуществлять распределение по этому закону.

Оно будет выдавать «удостоверения» каждому члену общества, выполнившему известную, в «удостоверении» указанную, долю общественно необходимой работы. Эти «удостоверения» будут выражать общественный труд и совершать обращение. Следовательно они будут еще советскими деньгами. Государство пролетарской диктатуры на «общественных складах» будет по таким удостоверениям выдавать соответствующее количество продуктов.

Социалистическое распределение вырастает из реального движения советской торговли в переходный период и период социализма. Аппарат социалистического распределения в форме «потребительских коммун», объединяющих всех членов общества, вырастет в недрах переходной экономики путем соответствующего преобразования органов советской торговли (включая все виды кооперации, государственную и колхозную торговлю). В основе всего этого преобразования будет лежать полное обобществление средств производства, переход к высшей фазе коммунистического способа производства.

В приведенных ранее выдержках из «К критике политической экономии» и «Критике Готской программы» Маркс говорит, что переход к социалистическому способу производства приводит к уничтожению товарно-денежного обращения, т. е. к уничтожению самого основания буржуазного общества.

Но далее Маркс конкретно освещает характер «обмена деятельностей и способностей» в социалистическом обществе, подчеркивая, что здесь «господствует тот же принцип, который регулирует товарообмен, поскольку товарообмен есть обмен равноценностей».

Этот принцип осуществляется в условиях социализма.

Социалистический способ производства изменяет содержание и форму товарообмена. Изменяет следовательно и сущность денег, их общественную роль, но еще не уничтожает денег.

Ленин и Сталин, развивая учение Маркса и Энгельса, разработали теорию торговли и денежного обращения в п е р е х о д н ы й п е р и о д, когда сущность торговли и денег тоже принципиально меняется по сравнению с капитализмом.

Сталин, выдвинув на XVII съезде положение о необходимости существования денег вплоть до завершения социалистической фазы развития, дал

¹⁵ Л е н и н, Собр. соч., т. XXVI, изд. 2-е, стр. 70.

основу для правильного понимания происходящих в СССР процессов и для детальной разработки проблемы денег социалистического общества.

Здесь будет как раз то, о чем говорил Маркс. Средства производства будут находиться в общественном владении, никто не сможет ничего дать, кроме своего труда, и в собственность отдельных лиц не может перейти ничего, кроме индивидуальных предметов потребления.

Каждый работает в производстве соответственно способностям и, получая «удостоверения» — деньги, свидетельствующие о количестве и качестве его труда, отданного обществу, по этим деньгам получает — покупает с общественных складов-магазинов соответствующее количество предметов индивидуального потребления.

Деньги, сохраняя свое старое название, по существу будут в условиях бесклассового, социалистического общества являться орудием контроля над количеством и качеством затраченного труда, обеспечивающим соответствующий размер потребления. И в этой роли они неизбежно будут необходимы вплоть до перехода на основе развития производительных сил от социализма к коммунизму, где общество осуществит лозунг «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

К экономическому положению современной Японии

1. Несколько общих замечаний

До середины 90-х годов прошлого столетия Тихий океан заслуживал свое название: им весьма мало интересовались за исключением разве Англии, которая подозрительно следила за стремлениями царской России пробраться к Тихому океану. Торговые сношения со странами Тихого океана были незначительными. Капитал к ним не шел. Положение сразу изменилось, когда Япония захватила Корею и начала войну против Китая. Поскольку войны проводят водораздел между двумя историческими эпохами, эту войну и еще в большей мере русско-японскую войну следует считать началом эпохи империалистических войн.

Цепь событий, приведших от японско-китайской войны середины 90-х годов к мировой войне, следующая: Япония получила по Шимонозекскому договору от 1895 г. Ляодунский полуостров. Против этого выступили Россия, Германия и Франция, и Япония вынуждена была отказаться от него; впоследствии он был захвачен Россией. Одновременно начался раздел Китая, в котором принимали участие старая Россия, Германия, Франция и Англия. В связи с этим стоит и аннексия Филиппин США, которые тоже стали активно вмешиваться в восточно-китайские дела. Япония и Англия заключили союз против старой России, затем последовала война Японии против России, поражение последней, усиление агрессии Австро-Венгрии на Балканах, сближение между Францией и Англией, так как на Россию нельзя было больше полагаться, установление нового «равновесия» сил, направленного против Германии, и попытка последней взорвать его, чтобы вызвать новый передел мира. За все эти годы развитие Японии шло быстрым темпом. За время войны она, пользуясь военными событиями, захватила Фукиен, Шандунь, Восточную Монголию и Южную Манчжурию. Однако после окончания мировой войны США и Англия заставили Японию на вашингтонской конференции отказаться от ряда слишком далеко идущих захватнических планов. Япония все же продолжала готовиться, чтобы выполнить свои планы.

После мировой войны промышленное развитие Японии шло быстрым темпом. По подсчетам Вагенфюра и Конъюнктурного института Германии, индекс промышленной продукции составил (1928 г. = 100) (см. табл. № 1 на стр. 91).

Промышленное производство европейских индустриальных стран поднялось за 1920—1929 гг. на 52%, а в США—только на 36%, в то время как Япония увеличила свою продукцию на 90%. Эта резкая неравномерность развития капиталистических стран, которая еще усилилась в годы кризиса, и привела к тому, что не наиболее сильная в экономическом отношении страна, но наиболее быстро развивающаяся и подняла вопрос о новом переделе мира и своим нападением на Китай и захватом Манчжурии начала новую эпоху мировых войн.

Таблица № 1

Г о д ы	Весь мир (без СССР)	Промыш- ленные страны Ев- ропы	В т. ч Германия	США	Япония
1913	73	87	95	62	34
1920	61 (1921)	67	49	78	55
1924	82	80	68	85	75
1929	106	101	100	106	110
1931	77,9	85	73,6	71	102
1933	74,7	—	68,9	69,3	137

Что на самом деле представляет собой современная Япония? Ее беспрепятственные победы в трех войнах с Китаем и в войне со старой Россией, сказочная дешевизна ее товаров, проникающих сквозь все таможенные стены и всякие другие ограждения на все рынки мира, ее пренебрежительное отношение ко всему остальному капиталистическому миру, сказавшееся в игнорировании решений Лиги наций о Манчжурии и в брошенном вызове США и Англии объявлением своего протектората над Китаем, — все это создало ей славу великой и могущественной державы: «Знать от а сильна, коль лает на слона». И Япония великолепно пользуется этим настроением других капиталистических стран, продолжая свою захватническую политику, укрепляя свои позиции в Китае и подчиняя своему влиянию другие области Азии.

Однако судить о современной Японии нельзя по одним этим фактам и еще меньше по одному только темпу ее промышленного развития. «При изучении темпов прироста продукции нельзя ограничиваться рассмотрением одной лишь общей суммы процентов прироста, — надо еще знать, что скрывается за каждым процентом прироста и какова общая сумма годового прироста» (С т а л и н). Желая выявить действительное состояние экономики современной Японии, мы попытаемся раскрыть скобки и вместо процентных изменений проанализируем абсолютные числа, характеризующие производство, распределение, торговлю и финансы современной Японии.

2. Аграрная проблема Японии

Япония — островная страна, по своей величине превышающая Италию — (Япония — 382 тыс. кв. км, Италия — 310 тыс. кв. км) и приближающаяся к Германии (470 тыс. кв. км), а по населению даже превышающая последнюю (66,3 млн. против 65,7 млн.). В то же время население Японии сравнительно быстро растет. Если население Германии в теперешних границах увеличилось с 1910 по 1932 г. на 7 млн., то население Японии выросло за это время на 17 млн. Сравнительно высокая плотность населения (162 жителя на 1 кв. км против 139,7 в Германии, 195 в Великобритании, 270 в Бельгии и 239 в Голландии) и быстрый его прирост служат для японских империалистов внешним предлогом для экспансии. Японская территория, мол, не может прокормить такое население.

В Японии сельское хозяйство до сих пор сохранило преобладающее значение. Во «Frankfurter Zeitung» от 28 апреля появилась интересная характеристика современной Японии, присланная газете из Токио. Мы еще вернемся к этой работе. Здесь укажем только на то, что, по данным, которые там сообщаются, в 1920 г. в Японии было занято в сельском хозяйстве 14,7 млн. чел. (в Германии в 1925 г. — 9,8 млн.), а в промышленности — 5,8 млн. чел. (в Германии 13,2 млн.).

Всего самодельного населения было в Японии 27,1 млн. чел. против 32 млн. в Германии. Если эти цифры верны, то из них вытекает огромное преобладание в Японии сельского хозяйства, в котором заняты были 54,3%, всего самодельного населения. С тех пор процесс индустриализации значительно продвинулся вперед. Однако, по официальной статистике, число семей, занятых в сельском хозяйстве, составило в 1920 г. 49,3 %, а в 1930 г.—44,1% числа семей всей страны. Так как в сельском хозяйстве обычно большее число членов семей живет вместе и принимает активное участие в производстве, чем в других отраслях народного хозяйства, то надо полагать, что еще в 1930 г. около 49% всех самодельных было занято в сельском хозяйстве.

Более того, сельскохозяйственный капитал продолжал играть доминирующую роль в стране. По данным Японско-манчжурского ежегодника на 1934 г., весь капитал страны распределялся следующим образом ¹:

Таблица № 2

	В млрд. иен	В %
Сельское хозяйство	34,7	47,1
Торговля	13,0	17,6
Промышленность	10,0	13,6
Разные отрасли	16,0	21,7
Всего	73,7	100,0

Таблица показывает типичный состав капитала аграрной страны. Более того, в Японии еще сохранились значительные остатки феодализма, что сказывается между прочим в огромном удельном весе ренты во всей экономике страны. Все состояние частных лиц и фирм оценивалось в 1930 г. в 92,08 млрд. иен, в том числе земля — в 36,55 млрд., насаждения (леса, тутовые деревья и т. д.) — в 4,04 млрд., т. е. все вместе составляет почти 44% всего частного имущества. Если к этому прибавить еще, что постройки, значительная часть которых составляет сельскохозяйственные постройки, оценивались в 20,7 млрд., то на землю вместе с постройками приходилось по крайней мере около 50 млрд., т. е. свыше половины всего народного имущества. Для сравнения укажем на то, что в Германии в 1913 г. земля с постройками оценивалась в 70 млрд. при общем народном состоянии в 310 млрд., так что земля составляла всего 23% имущества.

Промышленное оборудование Японии оценивалось в 1930 г. всего в 1,6 млрд. иен в частных руках и в 145 млн. — в правительственных, всего в 1,8 млрд., или 1,9% всего имущества. В США промышленное оборудование составляло в 1912 г. 3,2% всего народного состояния, в 1922 г. — даже около 5% всего народного состояния. Отсюда ясно, что Япония еще только аграрно-промышленная страна с огромным удельным весом класса землевладельцев.

И, несмотря на эту роль сельского хозяйства в общей экономике страны и на быстрый рост населения, которому нечем кормиться, будто бы вследствие абсолютного недостатка в земле, сельское хозяйство не развивается. Площадь посевов не расширяется. Так, пашня составила тысячу *те* (одно *те* равняется 0,992 га):

¹ Стр. 359. В тексте для разных областей указана сумма в 24 млрд., что явно неверно. Мы ее исправили в 16 млрд.

Таблица № 3

1912 г.	5 820
1921 »	6 162
1927 »	6 078
1930 »	5 916

После 1921 г. пашня сокращается.

Примерно только 15,4 (в 1921 г. — 15,7%) всей территории обрабатывается, 8,7% составляют пастбища, а 52% — леса, в то время как в 1921 г. леса составляли всего 47,6% всей территории. Таким образом страна с быстро растущим населением уменьшает свою пашню и расширяет пастбища и лесную площадь. Вместо того чтобы производить съестные припасы и занимать растущее число рабочих рук, сельское хозяйство экстенсифицируется; увеличивается стадо свиней и разводится леса. Свиньи поедают людей и парки, вытесняют поля и огороды...

Дело в том, что рента достигла в Японии колоссальной высоты и стала непреодолимым препятствием для развития сельского хозяйства. Цена земли поглощает в Японии 80% всего вложенного в сельское хозяйство капитала (27,7 млрд. иен из всего капитала в 34,7 млрд.), в то время как в США на долю затрат на землю приходится 61% расходов на землю, постройки, живой и мертвый инвентарь, не считая оборотного капитала. Если разделить эти 27,7 млрд. иен на 5,9 млн. га пашни, то получится, что в среднем один гектар пашни обходится в 4,8 тыс. иен, а если к пашне прибавить еще пастбища, то один гектар пашни и пастбища в среднем обойдется в 3 тыс. иен. Присчитав всю лесную площадь, мы все еще получаем, что один гектар обходится в тысячу иен, в то время как в США средняя цена одного акра фермерской земли составляла в 1930 г. 35,4 долл., или 175 иен на гектар. Таким образом цена земли в Японии примерно в шесть раз превышает цену земли в США и в 2—3 раза дороже, чем в Германии. Цена рисовых полей достигала в 1929 г. колоссальной суммы — 3—5 тыс. иен за гектар.

Другой подсчет покажет нам, каким тяжелым бременем падает рента на сельское хозяйство страны. Вся продукция сельского хозяйства оценивалась в 1929 г. в 3253 млн. иен. Так как обрабатывалось всего несколько больше 6 млн. га, то в среднем на каждый гектар приходилось 535 иен.

Арендная плата превышала нормально 50%. Если даже исходить из 50%, мы имеем примерно 260 иен с гектара. Так как в аренду сдавалось 2,8 млн га, то доход землевладельцев составил 730 млн. иен в год. Примерно ту же сумму указывают и японские источники как годовую арендную плату.

Кто получает эту арендную плату? Японская статистика не дает распределения земли по группам хозяйств и по форме землепользования. Мы по этому лишены возможности установить, кто сдает землю. Можно однако сделать примерный подсчет на основе статистики числа хозяйств, сопоставляя число семей, занятых в сельском хозяйстве, с числом собственников в данной группе (см. табл. № 4 на стр. 94).

Это сопоставление числа семей, занятых в сельском хозяйстве, с числом собственников данной группы показывает, что 757 тыс. собственников сдают свою землю. Японские источники указывают число 950 тыс., так что около 200 тыс. скрывается в различных группах. Надо полагать, что около 150 тыс. сдают свою землю из группы от полугектара до одного гектара и около 50 тыс. из группы — от 3 до 5 га. Низшие группы сами не в состоянии обрабатывать свою землю, и весьма значительная их часть сдает свои участки, а сама работает по найму. Но вся сданная ею площадь не превышает 250 тыс. га (по нашему примерному подсчету, 140 тыс. га в первой группе и 110 тыс. га во второй группе), в то время как всего сдавались 2,8 млн га, так что арендная плата доставалась, как мы видим, хозяйствам с тремя и больше гектаров.

Таблица № 4

	Число семей, занятых в сель- ском хозяйстве (в тыс.)	Число собст- венников (в тыс.)	Разница
До 5 <i>тан</i> ($\frac{1}{2}$ га)	1 938,2	2 568,9	— 570,7
От 5 » 1 <i>те</i> (га)	1 899,8	1 246,2	+ 563,6
» 1 » 3 га	1 538,1	899,6	+ 638,5
» 3 » 5 »	130,2	223,0	— 92,8
» 5 и выше	69,2	162,8	— 93,6
Всего	5 575,5	5 040,5	+ 535

Среди этих высших групп имеется 4 тыс. хозяйств с 50 и больше гектаров, что для японских условий составляет крупное землевладение. Они все сдают свою землю в аренду. Главными арендаторами являются группы от полугектара до 3 га. Они-то преимущественно эксплуатируются в качестве арендаторов, в то время как низшие группы являются пролетарскими и полупролетарскими, поставляющими рабочую силу.

Вместе с этим замечается процесс дробления участков, так как мелкие участки приносят более высокую ренту, а кроме того бедность середняцких групп не дает им возможности арендовать и обрабатывать большие участки. Число хозяйств (в тысячах) было:

Таблица № 5

Площадь	1931 г	1921 г
До $\frac{1}{2}$ га	1 941	1 916
От $\frac{1}{2}$ » до 1	1 933	1 822
» 1 » » 2	1 236	1 143
» 2 » » 3	320	334
» 3 » » 5	130	151
Свыше 5 га	73	89
Всего	5 634	5 456

Число хозяйств с участками до 2 га, парцеллярных и мелких хозяйств, увеличилось, а число хозяйств с большей площадью уменьшилось. Идет следовательно процесс дробления земли, дальнейшего обнищания сельского населения и деградация сельского хозяйства. За это время число «собственников», не приарендовывающих участков, уменьшилось на 87 тыс. Многие мелкие собственники успели разориться, другие, наоборот, усилились и несколько увеличили площадь своей земли. Растет также число парцеллярных «собственников», сдающих свои участки в аренду. Оно составило в 1913 г. 353 тыс., в 1920 г. — 462 тыс., а в 1929 г. — 571 тыс. С другой стороны, увеличилось число собственников с площадью от 1 до 3 га, приарендовывающих еще участки, переходящие в японских условиях в ряды кулаков. В 1913 г. приарендовывали в этой группе участки 526 тыс., а в 1929 г. — 638,5 тыс. Если часть этого числа и выделяется как кулацкое хозяйство, то огромное большинство из них попадает под влия-

ние крупных землевладельцев и становится их крепостными. Общее положение сельского хозяйства в Японии крайне тяжелое. Согласно заявлению одного депутата на 65-й сессии парламента общая сумма превышения расходов над доходами в сельском хозяйстве в 1933 г. составила около 800 млн. иен. По официальным исчислениям, сельское хозяйство в Японии представляется в следующем виде. Чистый доход сельских хозяйств в иенах:

Таблица № 6

	1929 г.			1932 г.		
	Доход	Расход	Остаток	Доход	Расход	Остаток
Собственника	1 366	1 271	+ 95	322	478	— 156
Смешан собствен.	1 110	996	+ 114	405	490	— 5
Арендатора	874	876	— 2	259	337	— 77
В среднем	1 150	1 074	+ 76	—	—	—

Отвлекаемся сначала от действия кризиса и рассматриваем докризисное положение в 1929 г. Остаток для семьи собственника в среднем составляет 95 иен на 4—5 чел., или 19—24 иен на душу в год! Несколько лучше положение собственников-арендаторов, так как речь идет о хозяйствах с большей площадью земли, но и они имеют на душу 23—28 иен в год, меньше того, что нужно на самое скромное существование, но быть может достаточно для того, чтобы хоронить умирающих с голоду. Арендаторы уже в 1929 г. не сводили концов с концами, и это при цене риса в 30 иен за коку (1,8 гектолитра)².

Мы выше указали, что стоимость сельскохозяйственной продукции в 1929 г. составляла 3 253 млн. иен., в 1931 г. она упала до 1 890 млн., в то время как в США стоимость сельскохозяйственной продукции оценивалась в 6 911 млн. долл., или в 13,8 млрд. иен., а в Германии — в 9 889 млн. марок, или в 4,9 млрд. иен. На один гектар обрабатываемой площади доход составлял 320 иен, или примерно 5,5% вложенного в землю капитала. Надо однако иметь в виду, что речь идет о валовом доходе и что этот валовой доход получался немногими. 1,34 млн. семей имели площадь меньше полугектара, и их доход был в среднем не больше 150 иен; 1,93 млн. семей имели от полугектара до одного гектара, скажем, в среднем $\frac{3}{4}$ га и следовательно валовой доход в 240 иен; тоже ничтожная сумма, если считать, что им приходилось содержать примерно 5 членов семьи.

Чем объясняется такая низкая производительность хозяйств? Прежде всего крайней раздробленностью участков, примитивнейшей формой обработки их, почти без удобрения и без машин, затем чрезвычайно тяжелым бременем аренды, о чем мы уже говорили, а также налогов. Мы можем сослаться на свидетельство Майеда, редактора «Токио Ахаги», который в рекламном выпуске «Журнал оф комерс от 15 февраля 1933 г., посвященном Японии, указывает на то, что государственные налоги поглощают 31—36% дохода сельского хозяйства. По данным специального обследования, приведенным в «Джапан Таймс» от 12 ноября 1933 г.; налоги сельского хозяйства и других предпринимателей составляли по отношению к доходу в процентах (см. табл. № 7 на стр. 96).

Эта таблица весьма характерна. Она показывает, как делят между собой арендную плату государство и землевладельцы. Та неслыханная эксплуатация крестьян, которая имеет место в

² В 1933 г. официально установленная средняя цена составляла 23,3 иены за коку.

Таблица № 7

Доход в иенах	Землевла- делец	Арендатор	Торговец	Промыш- ленник
300	—	34,9	12,5	11,5
500	51,1	31,4	13,7	19,7
1 000	54,2	25,9	13,9	13,6
1 200	49,2	25,6	14,1	18,4
2 000	64,2	28,0	16,4	17,8
3 000	63,0	—	19,5	18,2
5 000	58,8	—	17,9	21,4

Японии, является одним из основных источников дохода не только землевладельцев, но и государства. Остальные слои населения платят гороздо меньший процент своего дохода. Характерно далее, что, начиная с 2 тыс. иен дохода, процент обложения падает. Главная тяжесть налогового бремени падает на средних помещиков и других землевладельцев, в то время как самые крупные из них умеют в значительной мере освободиться от налогов. Наконец стоит отметить еще то обстоятельство, что высшим размером дохода арендатора является 2 тыс. иен. Хотя при той общей бедности, которая господствует в деревне в Японии, 2 тыс. иен уже составляют значительную сумму, все же это говорит о том, что в среде арендаторов особенно крупных предпринимателей нет.

Для сравнения укажем, что в США в 1928 г. из чистого дохода сельского хозяйства в 5 700 млн. долларов платили 482 млн. налогов, или несколько больше 8%, а в 1931 г. из доходов в 2 600 млн. — 450 млн., или 18%. «Могущество» японского империализма целиком зиждется на разорении крестьянства.

Кроме того сельскому хозяйству приходится платить крайне высокие проценты по своей задолженности. Одно обследование в июле 1932 г. показывает следующий размер процентов, платимых в сельском хозяйстве:

Таблица № 8

Меньше 10	42,0%	всех хозяйств
от 10 до 15	50,8%	» »
и свыше 15	6,2%	» »

Если даже исходить только из 10% и из указанной тем же источником («Джапан Таймс» от 8 апреля 1934 г.) задолженности в 5,5 млрд., то вся сумма процентов составит 550 млн. иен. Прибавим ее к сумме арендной платы в 750 млн., и мы получим, что аренда и проценты по задолженности поглощают 1 300 млн. иен при общем валовом доходе в 1 890 млн. Отсюда совершенно ясно, почему крестьянин не сводит концов с концами и не в состоянии платить налоги.

Рис — главный продукт сельского хозяйства Японии. Положение с этим продуктом достаточно иллюстрирует убыточность всего сельского хозяйства, которая создалась в Японии. Вот несколько примеров, опять-таки взятых из официальных источников (приводятся они в брошюре японского «Экономического исследовательского бюро»), убыточности производства риса (см. табл. № 9 на стр. 97).

Эти убытки исчислены на основе производственных расходов, с одной стороны, и официально установленных цен, с другой.

Так как цены на рис катастрофически падали, росло революционное движение крестьянства, то правительство пыталось спасти положение установлением твердых цен в размере в среднем 23,3 иены на коку. Падение цен на рис за последние годы иллюстрируется следующими данными (см. табл. № 10 на стр. 97).

Таблица № 9

Префектура	Аомори, убыток с одного тана земли	12,94	иены
»	Фукуй » » » »	10,86	»
»	Нагано » » » »	1,12	»
»	Циба » » » »	9,04	»
»	Канадзава » » » »	13,88	»
»	Таттори » » » »	6,97	»
»	Ямагуци » » » »	8,65	»
»	Хиого » » » »	6,28	»

Таблица № 10

Цена за коку (1,8 гектолитра) ³			
1928 г.	30,0	1931 г.	18,4
1929 »	29,1	1932 »	21,2
1930 »	25,1		

Установленная твердая цена следовательно несколько выше средней рыночной цены. Однако, как мы видели, она в большинстве районов не покрывает производственных расходов. Все же правительство, объявившее о скупке риса по этой цене, получило гораздо больше предложений, чем оно само рассчитывало. Оно предполагало скупить всего 6 млн. кок, а вынуждено было купить 10,5 млн. И, несмотря на это, в стране осталось около 8 млн. кок не используемых. Цены в переводе на твердую валюту продолжали падать. За 100 кг риса платили в Японии в марках ⁴:

Таблица № 11

1932 г.	32,4
1933 »	22,6
1934 » (март)	20,7

Мы видим, что мероприятия правительства не имели влияния на положение рынка. О значении этих мер по установлению твердых цен на рис для японского крестьянства сообщает уже цитированная нами брошюра «Экономического исследовательского бюро» № 4: «Средние и мелкие крестьяне префектуры Ибараги не получили никаких выгод от введения закона о контроле над рисом. Ввиду большой потребности в наличных деньгах к концу года мелкие крестьянские хозяйства, не дожидаясь введения официальных цен на рис, вынуждены были весь рис продать по существующим ценам на рынке. Поэтому к моменту введения правительственных цен наличными запасами располагали только помещики и рисоторговцы, которые и воспользовались выгодами этого закона». Из префектуры Ниигата сообщают, что цены на рис выказывают тенденцию к снижению, так как нужда в деньгах заставляет крестьян сбывать рис во что бы то ни стало.

В префектуре Хоккайдо крестьяне отказались от предоставленного им кредита под рис, так как они им не могли покрыть потребности в наличных деньгах и продавали даже рис, необходимый для личного потребления.

Относительно ряда префектур (Ямагата, Миадзаки, Токио, Яманаси) сообщают, что там мероприятие правительства действительно приостановило падение цен. Однако в некоторых из этих префектур стали замечать подъем цен на землю и увеличение арендной платы. Таким образом там, где мероприятия правительства оказали влияние на рыночные условия, этим воспользовались землевладельцы, а не крестьяне.

Ко всему этому надо прибавить, что правительство покупает не меньше 100 мешков сразу, так что мелкие крестьяне вынуждены продавать торговцам по гораздо более низким ценам. Таким образом это мероприятие пошло на пользу только помещикам и рисоторговцам.

³ «Japan Mauchauko fear book», 1934, стр. 363.

⁴ «Wirtschaft und Statistik», 1934.

В результате прогрессирующего обнищания крестьянства сельскохозяйственная продукция развивается мало. Хотя население с 1910 по 1932 г. увеличилось с 49,6 до 68 млн., или на 36%, все же весьма мало вырос сбор основных хлебов. Он составил в миллионах квинталов⁵.

Таблица № 12

	1909—1917 гг.	1924—1928 гг.	1932 г.
Рис	90,9	106,6	109,2
Пшеница	6,4	7,8	8,5
Ячмень	20,8	18,2	16,9
Овес	0,7	1,6	1,1
Кукуруза	0,9	0,8	0,5
Все 5 хлебов вместе . .	119,7	135,0	136,2

За этот период в 20 с лишним лет сбор увеличился всего на 16,5 млн. квинталов или на 14%. Следовательно гораздо медленнее, чем выросло население. Надо сказать, что Япония имеет сравнительно высокую урожайность риса, за 1924—1928 гг. — 34 квинтала на гектар или почти в три раза выше, чем в Индии. Однако урожайность в Японии сильно уступает урожайности в Италии или в особенности в Испании. Средний урожай за те же годы в Италии составлял 45,7 квинтала, а в Испании — даже 62,7. Повышение урожайности не представляет особенной трудности, если бы в Японии применялось удобрение. Но бедность скотом (в 1930 г. в такой большой стране числилось всего 1½ млн. голов крупного рогатого скота и несколько меньше 1½ млн. лошадей; мелкий скот совсем уж ничтожный: свиней было всего 740 тыс., а овец — 24 тыс.) и почти полное отсутствие применения искусственных удобрений не дают возможности значительно поднять урожайность. То, чего добилась Япония в этом отношении, является результатом огромных затрат труда, вкладываемого в землю, а также орошения. Во всяком случае в этом отношении больших успехов за последние 20 лет не замечается, так как перед войной средний урожай составлял 30,7 квинтала на гектар.

Сельское хозяйство не в состоянии прокормить крестьянское население, как мы уже говорили. Оно вынуждено искать побочных заработков в лесоводстве, рыболовстве, шелководстве и в промышленности. Остановимся несколько подробнее на шелководстве, которое играет огромную роль в хозяйстве крестьян и имеет большое значение для всей страны. Кризис произвел в этой области совершенно опустошительное действие. До 1931 г. производство шелка еще продолжало увеличиваться, но выручка резко упала. Производство шелка составило:

Таблица № 13

Годы	Сы р ц а		О т о р о с о в		Всего (в тыс иен)
	1 000 кг	1 000 иен	1 000 кг	1 000 иен	
1925	31,1	956,1	13,2	30,3	986,4
1929	42,3	857,5	15,4	23,8	881,4
1931	43,8	427,7	13,7	13,8	441,5
1932	43,0	469,5	13,5	17,9	487,3

⁵ Данные по Римскому международному с.-х. институту.

Несмотря на то, что производство шелка в весовом отношении увеличилось, стоимость произведенного шелка упала с 1925 по 1932 г. в два раза, ибо цена его резко снизилась. В Йокагаме платили за 100 кин (600 гр.) ⁶.

Таблица № 14

1925 г.	2 009 иен
1929 »	1 314 »
1932 »	701 »
1933 »	759 »

Цены в долларах и в марках показывают еще большее падение. Так, в США платили за японский шелк ⁷.

Таблица № 15

Г о д ы	Доллары за 1 фунт	Марки за 1 кг
1913	3,7	34,24
1926	6,21	57,50
1929	5,09	47,13
1932	1,64	15,19
1933	1,63	11,94
1934 (май)	1,28	7,04

Таким образом цена 1933 г. составляла одну треть цены 1913 г. Такого сильного падения цен не испытал ни один из других видов текстильного сырья. Так, цена на хлопок, шерсть и лен на главных рынках выразилась в переводе на марки за 100 кг:

Таблица № 16

Г о д ы	Хлопок (Нью-Йорк)	Шерсть (Лондон)	Лен (рижский) (Лондон)
1913	118,76	236,45	66,72
1929	177,13	396,34	151,69
1932	59,63	148,62	65,63
1933	62,41	178,84	70,12
1934 (май)	62,78	185,22	70,43

В то время как цена шелка упала на две трети, цена хлопка снизилась всего на 46%, шерсти — на 24%, а цена льна стояла в 1933 г. даже несколько выше цены 1913 г. Более того, цены на хлопок, шерсть и лен в 1933 г. показывают тенденцию к повышению, между тем как цены на шелк продолжали падать. Объясняется это тем, что с натуральным шелком в первую очередь конкурирует искусственный шелк. Япония сильно развила производство искусственного шелка, заняв в этой области второе после США место в мире. Несмотря на то, что она является главным мировым производителем шелка и что шелководство играет такую огромную роль в ее хозяйстве, она форсированием производства искусственного шелка снизила не только цены на искусственный шелк, но и цены на натуральный и подорвала один из важнейших источников существования крестьянства. Почему Япония так усиленно развивает производство искусственного шелка, ясно всякому, кто знает связь этого производства с военной

⁶ «Japan Mauchouko Yearbook», 1934 г., 376.

⁷ «Statistisches Jahrbuch f. d. Deutsche Reich» и «Wirtschaft und Statistik».

промышленностью. Если военные расходы, повышая бремя налогов, разоряют крестьянство, то военная промышленность, создавая отрасль хозяйства, конкурирующую с подсобным производством крестьянских семей, подрывает одну из важнейших основ крестьянского хозяйства.

Надо впрочем сказать, что и парцеллярный характер крестьянского хозяйства немало виноват в том, что шелководство оказалось менее способным выдерживать натиск кризиса, чем средние хозяйства, производящие хлопок или лен, или еще менее, чем более крупное производство, поставляющее шерсть. В основном однако именно конкуренция искусственного шелка содействовала резкому падению цен на натуральный шелк.

В нашем распоряжении нет данных, характеризующих влияние кризиса на производство шелка в последние годы. Наши данные ограничиваются в общем только 1931 и отчасти 1932 г. В 1931 г. площадь под тутовыми деревьями сократилась по сравнению с 1930 г. с 708,3 тыс. га до 677 тыс. га, продукция коконов весной 1931 г. упала до 190,5 млн. кг (на 12,88 млн.), а летом и осенью того же года — даже на 22,33 млн. (до 160,5 млн. кг). Число семей, занятых разведением шелковичных червей, уменьшилось весной на 88,6 тыс. (до 1966,4 тыс.), а летом и осенью — на 70 тыс. (до 1940 тыс.). В частности уменьшилось главным образом число семей, имеющих небольшое число котлов, примерно до 10. Число хозяйств, имеющих большее число котлов, уменьшилось в меньшей степени, а число тех хозяйств, которые имеют свыше 100 котлов, даже увеличилось, как видно из следующих данных о распределении числа занятых семейств по количеству котлов в данной семье⁸.

Таблица № 17

Г о д ы	До 10	От 10 до 50	От 50 до 100	Свыше 100	Всего семей	Всего котлов (в тыс.)
1925	181 841	1 903	1 041	846	185 631	535,3
1929	65 431	1 997	985	994	69 407	437,7
1932	57 070	1 674	846	873	60 463	365,5
1932 в % к 1925 .	31 3	88	81	103	32,5	68,3

Таким образом число семейств, имеющих до 10 котлов, уменьшилось больше, чем в три раза. Процесс разорения мелких производителей и концентрация крупного производства идут необыкновенно быстрым темпом. Все же до сих пор предприятия в их огромном большинстве мелкие. Еще в 1932 г. 94,4% всех этих предприятий имели меньше 10 котлов, 2,8% — от 10 до 50, 1,4% — от 50 до 100 и 1,4% — свыше 100 котлов. Но на долю самых мелких предприятий приходилось всего 19,6% всех этих котлов, на долю средних — 12,1, более крупных — 15,5 и самых крупных — 52,8%. Распределение числа занятых в этих предприятиях было в 1932 г. следующим: (см. табл. № 18 на стр. 101).

Таким образом крупный капитал полностью овладел этой отраслью производства и подчинил себе двухмиллионное крестьянское население, занятое разведением червей, получением грены и коконов. Если крестьяне, производящие рис и т. д., находятся под властью торгового капитала и помещиков, то над шелководами господствует непосредственно финансовый капитал, захвативший в свои руки мотальные предприятия и диктующий шелководам свои условия.

⁸ «Japan Maichouko Yearbook», 1934, стр. 372.

Таблица № 18

Предприятия с числом котлов	Число занятых	
	в тыс.	в %
До 10	72,8	17,0
от 10 до 50	49,2	11,5
» 50 » 100	65,5	15,3
» 100 » 300	132,2	30,8
» 300 » 500	58,7	13,7
» 500 » 1 000	50,4	11,7
Всего	428,8	100,0

2. Промышленность Японии

Мы уже упоминали, что промышленность продолжает играть сравнительно скромную роль в экономике Японии. В 1920 г. было занято в промышленности и в ремесле всего 5,8 млн. чел., в том числе в промышленности всего 4,8 млн., а в фабричной промышленности с 5 и больше занятыми всего 1,8 млн., кроме того в горной промышленности работало около полумиллиона. Капитал, вложенный в промышленность, составляет в настоящее время примерно 10 млрд. иен против 13 млрд. в торговле и 34,7 млрд. в сельском хозяйстве. Общее число занятых в фабричной промышленности составило в 1928 г. 1,9 млн. и упало в 1930 г. до 1,68 млн. Число занятых в горной промышленности, по последним данным, составляет всего 258 тыс. Валовая продукция всей страны распределялась в 1929 г. следующим образом (в млрд. иен):

Таблица № 19	
Промышленность	7,7
Сельское хозяйство	3,2
Рыболовство	0,6
Горное дело	0,4
Лесное дело	0,2
Всего	12,1

Надо однако сказать, что валовая стоимость промышленности включает и стоимость сырья в размере $\frac{3}{5}$ валовой стоимости промышленности. Если вычесть из валовой стоимости затраты на сырье, то производство промышленности немногим превысит производство сельского хозяйства, включая рыболовство и лесоводство.

Важнее однако то обстоятельство, что промышленность до сих пор тесно связана с сельским хозяйством. Весьма значительная часть рабочего населения еще не порвала связи с деревней, в особенности женщины, работницы текстильной промышленности. Примерно одна четверть всех занятых на фабриках рабочих ежегодно возвращается обратно в деревню, а их места занимают вновь прибывающими. Промышленность служит как бы подсобным заработком для «лишних» членов крестьянских семей, а сельское хозяйство поддерживает рабочих промышленности, в особенности во время болезни или безработицы.

В результате—крайне низкий уровень жизни крестьян, с одной стороны, и мизерная зарплата промышленных рабочих — с другой. С другой стороны, помещики урезают даже зарплату крестьян, считаясь с тем, что они могут получать некоторый добавочный заработок в своих отхожих промы-

слах. В целом получается страшнейшее расхищение рабочей силы, которое еще не чувствуется на рынке труда благодаря огромному перепроизводству рабочей силы, заключающемуся в скрытом виде в деревне.

Далее, капитал промышленности, это — в весьма значительной мере земельная рента, ушедшая в город. Уже названная нами выше корреспонденция «Frankfurter Zeitung» из Токио сообщает на этот счет следующее: «В основном сохранилась феодальная структура сельского хозяйства, объединяющая большие источники рент в одних руках. Ввиду оккупации всей удобной земли затруднено вложение капиталов в сельское хозяйство путем скупки новых земель. Вследствие этого возможности крупных прибылей в промышленности привлекают средства крупных землевладельцев, в то время как богатый буржуазный слой еще не успел народиться. Так, японская промышленность, в особенности в провинции, приняла своеобразный феодальный характер». Автор этой корреспонденции сравнивает крупные промышленные концерны Японии со знаменитыми торговыми домами на заре капитализма, с Фугерами, а также с современными германскими верхнесилезскими магнатами, являющимися крупными землевладельцами и одновременно крупными промышленниками. «В особенности, — продолжает он, — во время мировой войны, когда промышленное развитие шло скачкообразно, оно привлекало к себе капиталы крупных землевладельцев, которые шли в банки или непосредственно в промышленность. Для землевладельцев, которые получают арендную плату в натуре, высокие цены на рис и шелк явились источником больших прибылей, которые были ими использованы для спекуляции. Впрочем крахи в 1919, 1926 — 1927 и в 1930—1931 гг. принесли и им значительные потери».

Связь феодальных помещиков с банками и с промышленностью явилась тем мостом, который в относительно ранний период развития капитализма привел к крайне тесной унии банковского капитала с промышленностью, господству финансового капитала, несмотря на сравнительно слабое развитие индустрии, в особенности тяжелой промышленности.

Общая картина японской промышленности видна из следующих данных. Из всего числа фабричных предприятий с пятью и больше рабочих и служащих в 64,4 тыс. около 11 тыс. не имели двигателей. В этих фабричных предприятиях было занято в 1928 г. 1,94 млн., а в 1933 г. — 1,66 млн. Во время кризиса следовательно число занятых уменьшилось на 28 тыс. Преобладает текстильная промышленность и весьма слабо развиты основные отрасли

Таблица № 20

	Предприятия (в тыс.)	Заняты	Стоимость продукции (в млн. иен)	Стои- мость сырья	Стоимость сырья в % к стоим. продук.
Всего	74,4	1 663	5 178	3 055	58
В % к и т о г у					
Текстильн. промыш.	32,5	54,1	37,2	43	69
Металл. обраб. »	6,4	5,1	8,3	12	84
Машиностроит. »	9,1	9,5	9,6	6	35
Силикатная и строительная »	4,9	3,4	2,8	1	25
Химическая »	5,3	7,4	15,8	13	48
Деревообделоч. »	8,0	3,4	2,8	3	70
Полиграфическ. »	4,6	3,1	3,4	3	52
Пищевкусовая »	19,8	8,1	16,2	14	52
Остальные от- расли »	9,4	5,9	3,9	5	—

современной индустрии и металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности. Роль отдельных отраслей фабричной промышленности видна из следующих данных, относящихся к 1931 г. (см. табл. № 20 на стр. 102).

Больше половины всех занятых приходится на текстильную промышленность, металлообрабатывающая и машиностроительная занимает только 14,6%. Для сравнения можно указать, что на текстильную и пищевую промышленность в США приходилось в 1925 г. 25% всей стоимости валовой продукции, в Англии — 44, в Германии — 42, во Франции — 36, а в Японии — 57%; на одну текстильную промышленность, включая изготовление платяе, приходилось в США — 14,6%, в Англии — 23,3%, в Германии — 20%, а в Японии — 43%. Преобладающее значение текстильной промышленности в экономике Японии достаточно выявлено. С другой стороны, железоделательная и машиностроительная промышленность составляла в США 24,8%, в Англии — 31,2, в Германии — 24, во Франции — 21,1, а в Японии — 18% всей стоимости валовой продукции.

Такое преобладание текстильной промышленности и слабое развитие тяжелой промышленности определили также то, что в промышленности сохранилось огромное количество мелких предприятий. 85,2% всех фабричных предприятий Японии имеют меньше 30 занятых, 10,6% — от 33 до 99, 3,5% — от 100 до 500 и только 0,7% всех предприятий имеют свыше 500 занятых. Несмотря на такое огромное преобладание мелких предприятий, капитал в Японии однако крайне концентрирован. На 2 тыс. предприятий со 100 и больше рабочими сосредоточено 60% всех рабочих.

По японской статистике трудно установить, какую роль играют в промышленности акционерные предприятия. Несомненно, что в целом ряде отраслей эта роль весьма значительна, в особенности в химической, машиностроительной промышленности, в производстве цемента, сахарной промышленности. Текстильная промышленность примерно наполовину охватывается акционерными обществами, а наполовину организована в виде частных предприятий. Статистика акционерных обществ настолько запутана, что каждый источник, хотя все они официального характера, дает различные данные. Ежегодник министерства финансов Японии указывает следующее развитие акционерных обществ, обществ с ограниченной ответственностью и других обществ⁹:

Таблица № 21

Годы	Всего	В том числе:	
		в промышленности	в торговле
	Число акционерных обществ		
1921	32 403	13 453	15 620
1927	38 516	14 745	19 586
1930	51 910	18 581	27 691
	Акционерный капитал (в млн. иен)		
1921	9 312	4 262	4 089
1927	12 634	5 748	5 412
1930	13 947	6 231	6 009
	Резервный капитал		
1921	2 210	677	1 305
1927	2 783	924	1 656
1930	2 891	923	1 781

Характерно в этой таблице уже то обстоятельство, что промышленность работает сравнительно небольшим резервным капиталом, меньшим, чем торговые предприятия. Общая сумма капитала промышленных обществ меньше

⁹ «Financial und Economic Annual of Japan», 1932, стр. 108—109.

торговых¹⁰. Мы дальше увидим, что промышленные предприятия крайне задолжались. Теперь еще остановимся на распределении акционерных обществ по отдельным отраслям промышленности. Следующие данные взяты нами из французского журнала «Ревю экономик интернациональ» за июнь 1933 г., в котором однако дается распределение только 17 632 акционерных компаний с капиталом в 4,7 млрд. Кроме того указывается еще 376 акционерных компаний в горной промышленности с капиталом в 924 млн. Распределение этих компаний по отдельным отраслям промышленности было следующим:

		Таблица № 22	
		Число обществ	Капитал (в млн. иен)
Текстильная промышленность	2 910	1 236
Металлообработ.	»	906	361
Машиностроительн.	»	1 975	723
Строительная и керамическая	»	485	314
Химическая	»	1 843	899
Деревообделочная	»	1 546	94
Полиграфическая	»	779	51
Пищевкусовая	»	4 352	765
Разные отрасли	»	3 036	296
		17 632	4 739
Железоделательная	»	85	418
Угольная	»	88	343
Нефтяная	»	16	148
Другие отрасли	»	187	14
		18 008	5 663

Мы видим, что в среднем акционерное общество имеет сравнительно небольшой капитал. Однако несколько крупных компаний (всего 560) сосредоточило в своих руках 63% всего капитала. Связь этих обществ с банками и огромное влияние, которое приобрели в Японии монополии, являются непосредственным следствием общей финансовой слабости промышленных предприятий. С другой стороны, сам банковский капитал крайне сконцентрирован, и предоставляемый им кредит в основном является капитальным кредитом.

Относительно 141 общества имеются более подробные сведения на конец 1928 г. Их капитал составлял 7 232 млн. иен, и 64% этого капитала было вложено в здания, машины и т. д., т. е. составляли основной капитал. Долги этих обществ доходили до 2 895 млн., что составило 41% всего капитала. Часть этих чужих средств была вложена в основной капитал предприятий. В дальнейшем доля капитальных кредитов среди банковских ссуд возросла. Она составила в процентах:

Таблица № 23			
Г о д ы	%	Г о д ы	%
1914	43	1930	91
1921	79	1931	92
1928	88	1932	90
1929	89	1933	90 (июнь)

Среди этих кредитов 53% составляют долгосрочные займы. При этом половина акционерного капитала промышленности составляет займы, полученные под залог акции. Можно следовательно сказать, что промышленное

¹⁰ Для сравнения укажем на то, что в Германии в 1931/32 г. из всего акционерного капитала в 19,3 млрд. марок на долю промышленности приходилось 13,9, на долю торговли и банков — всего 2,15 млрд.

предприятие работает на три четверти с чужим капиталом. Отсюда ясна зависимость промышленности от банков, как и шаткость финансового положения промышленности.

Японские банки предоставляют промышленности преимущественно основной капитал. В июне 1933 г. 90% всех банковских кредитов были капитальными. Такое положение дел заставляет банки принимать непосредственное участие в торгово-промышленных предприятиях, чтобы обеспечить свои кредиты. Банки держат в своих портфелях огромную часть акционерного капитала. К концу 1928 г. банки держали в своих портфелях 2 884 млн. акций или половину акционерного капитала страны. Кроме того у них находились еще 1943 млн. иен промышленных облигаций, или 74% всех облигаций. Если к этому прибавить, что у них были заложены 2 084 млн. акций и облигаций, то окажется, что банки владеют примерно 5 млрд. иен акционерного капитала из всего капитала в 10 млрд., которые приходится на промышленность страны банки нигде в мире не приобрели. Но это говорит в первую очередь о крайне слабой финансовой базе самой промышленности и о высшей степени непрочном положении банков, полностью связанных с промышленностью.

Число банков составило в 1929 г. — 1 007, а в 1931 г. — 797. Заметим, что в 1913 г. число банков было 2 157, а в 1921 г. — 1 587. Капитал банков в 1913 г. составил всего 508 млн. иен, а в 1931 г. 2 526 млн. Концентрация банковского капитала идет быстрым темпом. Если считать также резервный капитал, то весь капитал банков составил к концу 1931 г. 2 671 млн., а вклады в банках доходили до 11,4 млрд. Банки работают, следовательно, в свою очередь чужим капиталом, и во время кризиса они пошли на обесценение иены, чтобы спасти свои капиталы, вложенные в промышленность, за счет сберегателей. Снизив курс иены на 60%, промышленность и банки, связанные с ней, освободились от своей задолженности и соответственно подняли цену реального капитала, вложенного в заводы и фабрики. Финансовый капитал следовательно живет во время теперешнего кризиса за счет сбережений всей остальной страны, в значительной мере опять-таки за счет крестьян, а также конечно рабочих, которых обирают не только предприниматель, но и торговец, землевладелец и т. д., являющиеся «сберегателями». Все эти сбережения, предоставленные банкам, потеряли теперь больше половины своей стоимости. Кажущееся промышленное оживление в последние годы есть результат обесценения иены, поедания прежних накоплений и в значительной мере также поедания основного капитала, которого потом долго не на чем будет восстановить. В прошлом капиталистические страны ухищрялись производить такую операцию над своими накоплениями во время тяжелых войн, а Япония успела это сделать, не дождавшись еще серьезной войны, к которой она готовится, в годы кризиса и войны против Китая. Спасением для нее явилось общее падение товарных цен, которое несколько задержало процесс разрушения основного капитала. Все же он несомненно идет, так как понижение курса иены на 60% значительно обогнало размер падения общего уровня цен, а главное, другие государства возобновляют свой капитал по гораздо более низким ценам, чем это делает Япония, и она очень скоро окажется с сравнительно дорогостоящим основным капиталом. Только ограбление колоний и специально Манчжурии, откуда она извлекает сырье по крайне низким ценам, дает ей возможность в течение нескольких лет проводить свою политику инфляции. Без этого она уже давно находилась бы в крайне затруднительном финансовом и экономическом положении.

Общие основы, на которых зиждется японская промышленность, не очень тверды. Известно, что Япония имеет слабую сырьевую базу. Относительно

все же горная ее промышленность довольно развита. При общей стоимости промышленной продукции в 5,2 млрд. иен в 1931 г. горное производство стоило 285 млн. или примерно 5,5%. В США на 41,35 млрд. долларов стоимости промышленной продукции приходилось 2,44 млрд. горной продукции или примерно 5,9%. Разница небольшая. Однако в основных отраслях хозяйства Япония почти целиком зависит от заграницы. Она хотя и развивает свою угольную промышленность, но нуждается в коксующемся угле, почти совсем не имеет внутри страны нефти и т. д. В целом снабжение Японии собственным сырьем составило в 1929 г. в % к потребности («Ревю экономик интернациональ», июнь 1933 г., стр. 474):

Таблица № 24

	в %		в %
Железная руда	19,5	Нефть	38,6
Чугун	71,6	Фосфаты	2,5
Сталь	83,1	Строит. лес	52,0
Медь	93,0	Хлопок	0,9
Свинец	5,3	Шерсть	0
Цинк	39,2	Конопля	84,5
Олово	16,5	Льняное масло	40,2
Уголь	99,6	Хлеб	53,8

Указанное здесь обеспечение нефти в 38% предполагает также добычу нефти из колоний. По данным «Weltwirtschaft Archiv» за март 1924 г., стр. 398, добыча нефти внутри Японии составляла в 1932 г. 241 тыс. тонн (по некоторым другим данным, даже всего 218 тыс. тонн), между тем как Япония потребляла в этом году 3—3,2 млн. т. Следовательно собственное производство составляло только 8% потребления. При этом добыча внутри страны резко падает. Она составила в 1929 г. 270 тыс. т и снизилась до 1932 г. на 30, а по другим исчислениям на 54 тыс. т. Считаться со значительным увеличением внутреннего производства, по мнению этого журнала, не приходится. Япония, как известно, старается повсюду приобретать новые источники добычи нефти. Но до сих пор эта сторона хозяйства Японии остается самой уязвимой на случай войны.

Остановимся еще на снабжении промышленности железной рудой. Добыча железной руды составила в 1930 г. 246 тыс. т, но упала в последние годы до 192 тыс. (в 1933 г.). Добыча марганцевой руды составила в 1930 г. 9,9 тыс. т, а за первые 9 мес. 1933 г. — 12 тыс. т. Ввоз руды выразился в 1929 г. в 1,9 млн. т, а в 1932 г. — в 1,48 млн. т. Ввоз марганцевой руды увеличился за это время с 95,5 тыс. т до 115 тыс. т. Дело в том, что железную руду можно заменить ломом, но марганцевая руда является необходимой принадлежностью современной железодобывающей промышленности, которая в последние годы сильно выросла в Японии. Среднее месячное производство железа и стали составило (в тыс. тонн):

Таблица № 25

Г о д ы	Чугун	Сталь
1929	103	191
1932	98	197
1933	133	254

Конечно это еще очень далеко до производства США, Германии или Англии, которые производили в среднем в месяц в 1933 г.: США—1 937 тыс. т, Германия—634 тыс. т и Англия—593 тыс. т. Но все же это значительный шаг вперед. Беда только в том, что кроме военной промышленности да судостроения некому продавать железо. Железнодорожное строительство весьма незначительно (общая протяжимость железных дорог увеличилась за годы 1927/28 по 1932/33 всего на 2 тыс. км), домостроитель-

ство требует мало железа, а сельское хозяйство почти совсем не применяет машин. Промышленность еще сравнительно слабо развита и применяла в 1930 г. всего 8,55 млн. лош. сил. по сравнению с 43 млн. в США, 18,6 млн. в Германии в 1925 г. и 23,3 млн. в 1933 г.

Развивая свою железодельную промышленность, Япония в основном имеет в виду свои военные потребности. В противоположность значительному развитию железодельной промышленности машиностроительная промышленность Японии весьма слабо развивалась. Ее продукция исчислялась (в млн. иен):

Таблица № 26

1927 г.	583
1929 »	682
1931 »	443

Эти данные включают также производство транспортных средств. Сумма в 682 млн. иен (высший уровень продукции в 1929 г.) сама по себе незначительная. В США например производство машин и транспортных средств составило (в млн. долларов):

Таблица № 27

	Машины	Транспортные средства	Вместе
1927 г.	5 349	4 694	10 043
1929 »	7 043	6 047	13 090
1931 »	3 365	2 899	6 264

Кризис привел в США к более сильному сокращению продукции, нежели в Японии. Но даже в 1931 г. производство США превышало производство машин в Японии в 28 раз. Укажем еще на то, что стоимость нашего машиностроения составила в ценах 1926/27 г. в 1932 г. 5 253 млн. руб., т. е. значительно больше, чем стоимость машин в Японии.

Главная часть машиностроения Японии приходится на кораблестроение и вагоностроение (169 млн. иен), затем на производство электрических машин и аппаратов (89 млн. иен). Значительная часть потребляемых в Японии машин, приходит из-за границы. Торговля машинами выразилась (в млн. иен):

Таблица № 28

	Ввоз	Вывоз	Превышение ввоза
1929 г.	180	39	141
1931 »	76	30	46
1932 »	91	35	56

В годы кризиса произошло резкое сокращение ввоза машин, что в связи с сокращением продукции свидетельствует о резком сокращении процесса обновления производственного аппарата. Ввозятся преимущественно двигатели (в 1929 г. на 18 млн. иен, а в 1932 г. на 12,5 млн.), текстильные машины (23,7 млн. иен и 11 млн.), металл и деревообделочные машины (5,6 и 5,8 млн. иен) и приборы точной механики (16,3 и 8,8 млн. иен), а также электротехнические машины (6,8 и 1,6 млн. иен). Ввоз последних резко упал, а производство снизилось с 67 млн. в 1928 г. до 36,6 млн. в 1929 г. и до 21,9 млн. в 1931 г. Значительно более устойчивым оказывается ввоз приборов точной механики, что, как известно, связано с военными действиями.

Сравнительно хорошо развивается японская химическая промышленность, производство которой оценивалось (в млн. иен.):

Таблица № 29

1927 г.	846
1929 »	1 078
1931 »	829

Это в основном военная промышленность. Главные предметы ее производства—это удобрения, могущие легко быть превращены в порох и т. д. (129,7 млн.), искусственный шелк (51) и резиновая промышленность (68,4 млн.). Это — все отрасли химической промышленности, которые легко могут быть превращены в военное производство.

Главной отраслью японской промышленности, как мы уже говорили, является текстильная, специально хлопчатобумажная промышленность. В текстильной промышленности числилось в 1931 г. 20 965 предприятий, из которых только 18 879 имели двигатели. Всего было занято 899 тыс., из которых значительное большинство составляют женщины. Стоимость продукции исчислялась в 1926,8 млн. иен, в том числе на сырье приходилось 1 321,4 млн., так что на чистую продукцию оставалось 605,4. Текстильная промышленность США имела в 1931 г. 23 750 предприятий и 1 421 тыс. рабочих. Производила она товары на 5 849 млн. долл., а чистая продукция составила 2 829 млн. долл. Примерно в 9 раз американская больше, чем японская, хотя число занятых рабочих вероятно не больше, чем в два раза превышало число занятых в Японии. В Англии в 1930 г. в текстильной промышленности было занято 964 тыс., а чистая продукция стоила 136 млн. фунтов стерлингов или примерно 1 300 млн. иен, т. е. в два раза больше, чем в Японии.

Наибольшее значение имеет, как мы уже говорили, хлопчатобумажная промышленность. Число веретен составило 31 июля 1929 г. 6,53 млн., а 31 июля 1933 г. — 8,21 млн. Потребление хлопка увеличилось с 2,77 млн. кип в 1928/29 г. до 2,9 в 1932/33 г. По размерам потребляемого хлопка Япония стоит на втором месте среди всех стран, обгнав Англию, которая потребляла 2,25 млн. кип. Однако Англия потребляет высококачественный хлопок и выделяет гораздо более тонкие материи. По главным группам потребление хлопка Японией распределялось следующим образом:

Таблица № 30

Г о д ы	Американский	Индийский	Египетский	Таблица № 30	
				Пр.	Всего
		(в млн. кип.)			
1928/29	1,10	1,49	0,04	0,14	2,77
1931/32	1,56	1,12	0,05	0,04	2,77
1932/33	1,77	1,00	0,05	0,08	2,90

За последние годы Япония сильно сократила потребление индийского хлопка, потребление американского составляет уже 61% всего потребляемого хлопка (в Англии — 62%). Но Англия одновременно потребляет египетский хлопок в размере 13%, который считается весьма высококачественным, в то время как Япония совсем почти не употребляет этого хлопка. Затем Англия в известной мере потребляет и более высокого качества американский хлопок.

Японская текстильная промышленность работает с высоким уровнем прибылей. Капитал акционерных обществ составил в 1932 г. — 299 млн., а резервный капитал — 214 млн. Прибыль дошла до 26% уплаченного капитала. Такая высокая прибыль связана с ростом производительности труда при сохранении низкого уровня заработной платы. По официальным данным министерства финансов Японии, уровень зарплаты 1930 г. был ниже уровня 1925 г. на 7,7%. Между тем средняя выработка одного рабочего составила в бумагопрядильнях в 1925 г. около 2 метр. тонн, а в 1930 г. — 3,6 метр. тонн¹¹. Таким образом производительность труда увеличилась на 46%, в то время как заработная плата упала на 8%.

¹¹ Дневной заработок составил: в 1925 г. 1,16 иен, в 1930 г. 1,07, а в 1931 г. — 0,89 иен. Выработка составила в 1925 г. на 211 тыс. занятых 412 тыс. т, а в 1930 г. на 124 тыс. занятых — 418 тыс. т, т. е. в среднем 1,95 и 3,61 т. «Financial and Economic Annual of Japan», 1932, стр. 97—98).

Как раз в области хлопчатобумажной промышленности резко обострилась борьба между Японией и Англией. Япония в последнее время даже опередила по вывозу хлопчатобумажных тканей Англию, как видно из следующих данных, взятых нами из «Манчестер Гардиан» от 21 февраля 1934 г.:

Т а б л и ц а № 31
Экспорт хлопчатобумажных тканей (в млн. ярдов)

	из Англии		из Японии	
	1929 г.	1932 г.	1929 г.	1932 г.
Всего	3 672	2 198	1 791	2 032
В т. ч. в Британские страны	2 074	1 258	757	987
» » Индию	1 374	599	581	645
В другие страны	1 598	940	1 034	1 045

Вывоз в английские колонии из Англии еще значительно превышает вывоз туда из Японии. Однако вывоз из Англии туда за время кризиса резко упал, а вывоз из Японии, наоборот, увеличился. Вывоз в другие страны из Японии уже превышает вывоз из Англии. В 1933 г. вывоз хлопчатобумажных тканей из Японии еще увеличился, составив 2 089 млн. ярдов в то время как вывоз из Англии несколько упал до 2 031. Таким образом Япония уже в 1933 г. обогнала Англию, хотя конечно по стоимости вывоз из Англии значительно выше вывоза из Японии. Англия поэтому предложила Японии распределить рынки между ними, на что Япония не согласилась.

Успехи японской хлопчатобумажной промышленности на мировых рынках объясняются дешевизной ее изделий, которая в свою очередь является результатом неслыханной эксплуатации труда и снижения курса иены. По данным английских предпринимателей хлопчатобумажной промышленности, японский рабочий работает шесть с половиной дней в неделю по 10 часов, а в Англии рабочая неделя составляет 48 час. За свой труд рабочий получает в неделю (в шиллингах и пенсах):

	Т а б л и ц а № 32	
	Мужчины	Женщины
В Англии	80,0	45,0—69,0
В Японии	17,1	6,4
В % к зарплате англ. рабочего	14,5	14,1—9,1

Номинальная зарплата японского рабочего составляет $\frac{1}{7}$ зарплату английского рабочего. Однако конкуренция Японии чувствуется на рынках преимущественно колониальных стран, где встречаются низкокачественные товары Англии с еще более низкокачественными, но более дешевыми товарами Японии. Увеличение вывоза Японии за последний год отмечается в следующих странах ¹²:

	Т а б л и ц а № 33	
	1933 г.	1932 г.
	в млн. ярдов	
Голландская Индия	423	352
Египет	210	193
Страйт-Сетльмент	96	82
Австралия	57	37
Юж. Америка	57	28
Аравия и Персия	67	43

Вывоз в Индию, наоборот, уменьшился на 192,9 млн.—до 452 млн., а в Китай — на 74 млн.—до 113,3 млн. ярдов, что объясняется специфическими условиями. И Индия и Китай старались отгородить себя от японского ввоза. В целом Япония выбивает своих конкурентов с рынков колоний и

¹² «Morning Post» от 9 февраля 1934 г.

полуколоний. Но в общем успех Японии на рынках текстильных изделий в 1933 г. был не совсем уже такой блестящий, как это может казаться, судя по тому, как кричит о японской конкуренции буржуазная пресса.

Таблица № 31

Вывоз текстильных товаров

Страны	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1931 г.	1933 г.
	в млн. марок			в % к итогу	
Англия	1 818	1 485	1 421	32,9	40,8
Германия	935	468	406	16,9	11,7
США	229	153	127	4,1	3,6
Франция	996	559	508	18,0	14,6
Япония	611	513	515	11,1	14,8
Бельгия	329	179	174	6,0	5,0
Чехословакия	302	195	150	5,4	4,3
Швейцария	302	152	181	5,6	5,2
Всего	5 523	3 704	3 482	100,0	100,0

Абсолютно вывоз Японии уменьшился по сравнению с 1931 г., а по сравнению с 1932 весьма мало увеличился, если считать на золото, но относительно доля ее выросла благодаря тому, что упала торговля других стран.

Общий наш вывод о положении промышленности Японии сводится к тому, что она не имеет твердой почвы внутри страны, в особенности благодаря чрезвычайно низкому уровню жизни масс населения, а также вследствие слабого развития тяжелой промышленности. Япония вынуждена поэтому искать сбыта в колониях, и именно то обстоятельство, что она гонится так за колониями, показывает, что ее конкурентоспособность на мировых рынках невелика и что дешевизна ее товаров идет за счет относительно высоких цен на внутреннем рынке и не может долго держаться.

Говоря о переходе капиталистических стран от кризиса к депрессии особого рода, т. Сталин отметил, что в Японии военно-инфляционная конъюнктура является главной и решающей силой некоторого оживления некоторых главным образом военных отраслей промышленности. Одновременно в этом отношении большую роль играет резкое снижение зарплаты и ограбление колоний и Манчжурии. Выработка промышленной продукции увеличилась в 1933 г. по сравнению с 1929 г. на 24%, но число занятых рабочих уменьшилось на 10%, следовательно производительность труда выросла на 38%. А так как зарплата упала на 14%, то затраты на зарплату на единицу продукта уменьшились на 40%. И это при общем низком уровне зарплаты.

Укажем еще на одну характерную черту современной Японии: Число заявленных патентов в 1931 г. составляло 15 183, из них японцами было заявлено 12 871. Признанными оказались всего 4 318, из них около 3 тыс. японских. Сопоставим это с тем числом заявок патентов, которое было отмечено в Германии в 1932 г.: оно составило 63 тыс., из них утверждено 26,2 тыс. Таким образом число заявок и число утвержденных патентов в Германии превышает в 5—6 раз соответственные числа в Японии. Это свидетельствует о крайне слабом развитии изобретательности в современной Японии.

Это еще раз подтверждает наши общие выводы о положении промышленности Японии.

Экономика периода империалистической войны 1914—1918 гг.

1

Империалистическая стадия капитализма неразрывно связана с ростом милитаризма, с бешеной гонкой вооружений. И это вполне естественно в эпоху, когда весь мир поделен, когда налицо ожесточенное соревнование между несколькими крупными государствами за захват рынков, за монополистическое обладание ими. В этой борьбе между монополистами различных стран война неизбежна, она является формой конкурентной борьбы, свойственной империализму.

Война в таких условиях имеет неограниченные цели. Она не преследует цели решения частных задач, а разгром одной из сторон, захват ее колоний, стремление уничтожить ее способность к конкуренции, вытеснить ее из рынков.

Этими причинами и обуславливается размах империалистической войны 1914—1918 гг., ее напряженность, огромный масштаб ее потребностей.

Война между двумя империалистическими коалициями (Англия, Франция, Россия, США и др., с одной стороны, и Германия, Австро-Венгрия и др., с другой стороны) не могла кончиться коротким, резким сокрушением одной из сторон, ибо решала войну вся экономическая организация, все материальные ресурсы, соотношение классовых сил в каждой из воюющих стран.

Энгельс, анализируя тенденции капиталистического развития, превращение капитализма в империалистический капитализм, гениально предсказал еще в 1887 г. характер будущей войны.

«Для Пруссии — Германии невозможна уже теперь никакая иная война, — писал Энгельс, — кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени до-чиста, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное тридцатилетней войной, сжатое на протяжении трех-четырёх лет и распространенное на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите — все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости — крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как все это кончится и кто выйдет победителем из борьбы; только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса»¹.

¹ Цит. по Ленину, т. XXIII; изд. 2-е, стр. 105.

Рассматривая влияние мировой империалистической войны 1914—1918 гг. на экономику, мы видим, как полностью оправдался прогноз Энгельса.

Война вызвала огромные разрушения производительных сил, усилила неравномерность, скачкообразность, противоречивость движения их, она ускорила действие основных законов движения капитализма, резко обострила и обнажила все его противоречия усилила эксплуатацию рабочего класса и трудящихся масс и создала объективные предпосылки к пролетарской революции, к переходу к социализму.

II

Наиболее характерным в деле подготовки к прошлой империалистической войне было то, что все капиталистические государства не предвидели масштаба, продолжительности и напряженности войны. Германский генеральный штаб исходил из установки на короткую войну (так называемый план Шлиффена). Английское правительство придерживалось своей традиционной точки зрения, что война будет вестись солдатами союзников, Англия же будет только финансировать войну, поэтому она и не изменила с начала войны своей системы добровольческого комплектования армии и начала войну с переброски только 9 дивизий в ноябре 1914 г. против 105,5 дивизий у немцев на Западном фронте, 93 у французов, 12 у бельгийцев. Такие расчеты были и в снабжении армии предметами вооружения.

Вся подготовка к войне в части снабжения армии средствами вооружения и снаряжения базировалась на наличных кадровых военных заводах и на накопленных мобилизационных запасах. Все империалистические государства вышли со сравнительно небольшими запасами артиллерии, снарядов и т. п. Норма запасов в России достигла 1 000 снарядов на одно орудие, в Германии и Франции — 1300—1500 тыс. снарядов. Считая, что Германия вышла на войну с наличием в 8,4 тыс. орудий, Франция 4,6 тыс., а Россия 7 тыс., можно примерно определить запасы снарядов для Германии в 10—12 млн., штук, для Франции — 6—7 млн. шт., России — около 7 млн. По мобилизационному плану Германского генерального штаба, ему нужна была ежемесячная подача новых орудий всего по 150 шт. в месяц. Французы строили свои расчеты на ежедневную подачу на фронт всего по 14 тыс. снарядов.

Этих ресурсов как людских, так и материальных хватило всего на несколько месяцев войны. Уже в конце 1914 г. начал ощущаться острый недостаток в предметах вооружения, и это было одной из важнейших причин закапывания в землю всех воюющих армий, перехода к позиционной войне, к войне на измор.

О масштабе роста воюющих армий можно судить по тому, что всего было мобилизовано странами Антанты 43,2 млн. чел., а странами центрального союза — 25,2 млн. чел.; причем наиболее крупные страны мобилизовали от 8 до 20% всего населения (или от 15 до 40% мужского). Ни в одной предыдущей войне не было призвано в армии такого огромного количества людей. В русско-японскую войну Россия мобилизовала 700 тыс. чел., в войну 1914—1918 гг. — 15,8 млн. чел., во Франко-прусскую войну пруссаки мобилизовали 950 тыс. чел., а французы — 1,4 млн. чел., в мировую войну первые — 14 млн. чел., вторые — 8,4 млн.; Англия, отмобилизовав в начале войны всего 658 тыс. чел., была вынуждена во время войны ввести всеобщую воинскую повинность и довела численность своих армий до 8,5 млн. чел.

В соответствии с огромными армиями, напряженностью боев находятся и потери армии. На каждую тысячу мобилизованных солдат убито

в России 110 чел. (округлено), а во Франции — даже 130 чел. (в русско-японскую войну на тысячу мобилизованных убито и умерло только 32 чел.).

* *

*

Недостаток боеприпасов направил техническую и военную мысль всех воюющих стран на изыскание методов увеличения подачи на фронт все большего и большего количества военных припасов. Огромные потребности войны на средства вооружения и снаряжения не могли быть удовлетворены только наличной военной промышленностью. Необходимо было использовать гражданскую промышленность, поставить ее на службу войне. В империалистическую эпоху это технически было возможно, потому что рост техники шел в направлении объединения, создания единства технологических процессов мирных и военных производств, приближения типов оборудования, инструмента, аппаратуры на гражданских и военных заводах. Это создало технические предпосылки для использования гражданских заводов для военных производств. А технические условия производства, еще до войны, применение измерительного инструмента, введение системы допусков, позволили широко привлечь гражданские заводы к изготовлению отдельных деталей, узлов в том случае, когда по оборудованию они не могли изготовлять целое изделие. Применение в широких размерах ассимиляции и кооперирования и создало огромные мощности, создало предпосылки к огромному выпуску военных изделий². Естественно, что технический уровень страны, состояние машиностроительной базы, уровень технической культуры определили и быстроту мобилизации промышленности, и быстроту перестройки. И Германия поэтому стояла впереди всех государств Европы в темпах перестройки, в широком охвате гражданских заводов³. Всего в Германии было мобилизовано до 7 000 заводов.

Таблица № 1

Продукция основных предметов вооружения за время войны 1914—1918 гг

	Германия	Франция	Англия
Снарядов всяких	306 млн. шт.	290 млн. шт.	218 млн. шт.
Орудий	64 тыс. »	23,6 тыс. »	26 тыс. »
Взрыв. веществ	1 млн. т	700 тыс. т	600 тыс. т
Порохов	350 тыс. »	310 » »	430 » »
Пулеметов станк.	280 » шт.	87 » шт.	239 тыс. шт
Винтовок	8,5 млн. »	2,9 млн. »	3,8 млн. »

Кроме приспособления гражданской промышленности во всех воюющих странах происходило значительное строительство и реконструкция существующих заводов в большой мере за счет государства или на субсидии,

² В Германии было привлечено для производства орудий, кроме 4 кадровых заводов, 586 гражданских, пулеметов — соответственно 3 и 60, для винтовок — 8 и 100 и т. д.

³ За время мировой империалистической войны было изготовлено: (см. табл. 1). Программа Гинденбурга, предложенная им в 1916 г., требовала от германской промышленности в месяц подачи: орудий легких — 3 тыс. шт. (выполнено 83%), тяжелых — 400 шт. (выполнено 100%), снарядов — 11 млн. шт. (выполнено — 100%).

полученные от него ⁴. Высокие же прибыли капиталистов, усиленная эксплуатация рабочих под видом работы на «оборону» стимулировали погоню за военными заказами, техническую перестройку заводов, новое строительство.

Но приспособление промышленности к удовлетворению нужд фронта шло бессистемно, от случая к случаю. Выбор предприятий был также случайным, так как главным стимулом к получению военных заказов были огромные сверхприбыли, вследствие чего любые заводы брали выполнение тех или иных заказов, что давало им в первую очередь сырье, затем рабочую силу и другие преимущества. Вагоно-паровозоремонтные мастерские в России занялись обработкой стаканов, отчего пострадал ремонт подвижного состава; квалифицированные велосипедные заводы в Германии были загружены такими простыми и грубыми изделиями, как кровати, в то время как они могли производить взрыватели и другие более квалифицированные изделия и т. п. Эта бессистемность в деле мобилизации промышленности, случайность в выборе предприятий в значительной мере замедлили развертывание военных производств и для более или менее сносного удовлетворения фронта необходимо было от 15—18 мес. в Германии, до 20—24 в Англии и Франции.

Вместе с ростом производства предметов вооружения широко было поставлено изыскание новых средств борьбы — отравляющие вещества, танки, авиация и т. д. Каждый из противников пытался, используя свою промышленную базу, создать и применить внезапно (а момент внезапности играет очень большую роль в военном деле) новый тип, новое средство вооружения. Достаточно вспомнить первое применение отравляющих веществ (хлор) германской армией 22 апреля 1915 г. на Ипре ⁵ или применение танков в сражении при Камбрэ в ноябре 1917 г. ⁶. Появление новых средств стало возможным главным образом благодаря привлечению гражданской промышленности (танки производились на автомобильных заводах, О В на анилинокрасочных фабриках и т. д. ⁷).

⁴ В Англии было построено свыше 30 заводов, частично государственных, частично частных, но при помощи государства. С помощью государства были построены и металлообрабатывающие, автомобильные, авиационные и другие заводы во Франции (в Парижском районе). При помощи государственных средств создана химическая промышленность Франции и Англии. О масштабе нового строительства и расширении существующих заводов в России можно судить по тому, что в одном 1916 г. было ввезено 20 тыс. станков на 80 млн. руб., а всего промышленного оборудования за 1914—1917 гг. было ввезено (в довоенных рублях) на 317,3 млн. руб. и внутри страны было произведено на 684, 3 млн. руб.

⁵ После атаки на Ипре 22 апреля 1915 г. английский командующий Френч писал в своем донесении: «После сильной бомбардировки неприятель атаковал французскую дивизию около 5 часов дня, применяя в первый раз удушающие газы... То, что последовало за этим, не поддается описанию. Эффект, произведенный этими ядовитыми газами, был таков, что вся линия фронта, занятая упомянутой выше дивизией, оказалась практически совершенно небоеспособной. Вначале никто не мог понять, в чем дело. Завеса дыма не позволяла что-либо видеть, и сотни людей внезапно впали в обморочное состояние или оказались под угрозой смерти, и в течение одного часа пришлось оставить всю позицию вместе с 50 орудиями...» (цит. по Л е ф е б ю р у, Загадка Рейна, «Военный вестник», М. 1926 г., стр. 38).

⁶ О применении танков Людендорф писал: «Неприятель обязан своим успехам танкам... Коль скоро танки уничтожены, вся атака терпит неудачу». Успехи союзников немцами всегда приписывались употреблению в атаках большого количества танков, которые при своем появлении часто заставляли врага сдаваться (М а р т е л ь, Первые 15 лет механизации британской армии, Военгиз, 1931 г., стр. 27).

⁷ Общее количество выпущенных О В во время войны составило в Германии 55 тыс. т, во Франции — 49 тыс. т. Танков было выпущено во время войны в Германии около 100 шт., во Франции — 6 200, в Англии — 2 900; самолетов (числитель) и авиаторов (знаменатель) построено во Франции 51000/91310, в Англии 55000/41000, в Германии — 46000/40 200.

III

Мировая война 1914—1918 гг. показала также огромную силу таких методов борьбы, как блокада и подводная война, целью которых было ослабление тыла противника, подрыв его военной экономической мощи.

Блокада и ранее была известна — достаточно вспомнить континентальную блокаду Наполеона. Но ни в какое сравнение не может идти блокада в раннюю эпоху капитализма с блокадой в период империализма, когда все государства очень тесно переплетены, когда мирохозяйственное разделение труда достигло высокой ступени, когда зависимость отдельных государств от привоза сырья извне и полуфабрикатов была очень велика.

Антанта (в частности Англия), пользуясь превосходством своего флота, блокировала Германию, стараясь не допускать связи Германии с мировым рынком.

Естественно, что нарушение хозяйственных связей (обмена Германии с мировым рынком), вызванное блокадой, не могло не отразиться болезненно на боеспособности Германии. Но не следует думать, что основные факторы поражения Германии коренятся в блокаде. Во-первых, обмен не был совершенно уничтожен войной. Германия, используя нейтральные страны (Данию, Швецию, Голландию и др.), смогла получить немалое количество необходимых ей продуктов¹, уплачивая им золотом, ценностями и пользуясь весьма широким кредитом. Нейтральные страны зависели от германского угля, химикалиев, металла и т. п., почему и снабжали Германию теми или иными продуктами, да и торговля с Германией была весьма выгодна, так как она платила по довольно высоким ценам.

Большую роль сыграли высокий уровень германской науки и техники, который позволил широко поставить поиски и добиться получения многих суррогатов — заместителей (получение связанного аммиака вместо селитры, употребление гипса для получения серной кислоты вместо колчеданов, получение синтетической камфоры, замена латуни в гильзах патронов железом, строительство новых заводов алюминиевых и т. д.).

Много различного сырья было получено в захваченных территориях (Северная Франция и Бельгия, Польша, Румыния). Но все же положение Германии было весьма тяжелым и особенно тяжелым было положение трудящегося населения, которое жило впроголодь во все время войны. Об этом свидетельствуют приводимые нормы потребления. По данным министерства народного здоровья, потребление составляло:

Таблица № 2

	до войны	летом 1918 г.
Мяса	1 050 гр в неделю	135 гр в неделю
Хлеба	320 » в день (без отрубей)	160 » в день (с отрубями)
Масла	20 » + 8 гр раст. масла	7 » (масла и марг.) ² .

Количество умершего гражданского населения по сравнению с 1913 г. увеличилось в 1918 г. на 37%, а рождаемость уменьшилась на 30%.

¹ О ввозе в Германию можно судить по следующим данным. В 1913 г. Швеция, Норвегия, Дания ввезли в Германию и Австро-Венгрию 252 тыс. т продовольствия, в 1916 г. — уже 620 тыс. т. Косвенным показателем может служить также и ввоз нейтралов — соседей Германии. Так, в 1915 г. ввезено в нейтралы 50 млн. бушелей пшеницы вместо 19 млн. в 1913 г., хлопка ввезено 141 тыс. т. против 34,3 тыс. т' и т. д. Думать, что нейтралы так резко увеличили свою потребность не приходится. Очевидно, что они большие количества переправили в Германию. Ввоз в Германию за время войны составил всего 23 млрд. золотых марок, т. е. только 30—40% ввоза мирного времени.

² Г р и н е в и ч, Народное хозяйство Германии, Берлин 1924 г., стр. 218 и дальше. Надо учесть, что установленные нормы 1918 г. не всегда выдавались полностью.

Такие же цели — срыва снабжения Англии и ослабления ее мощи — последовала и подводная война со стороны Германии. Подводная война была последним средством Германии для основательного ослабления противника с тем, чтобы если не добиться полной победы, то хотя бы избавиться от разгрома и добиться почетного мира.

Германские подводные лодки, базируясь на захваченные бельгийские гавани (Остендэ и др.) на Северном море, топили торговые суда не только английские, но и нейтральные. Подводная война была сильна своей неожиданностью и отсутствием в первое время мер противолодочной борьбы и нанесла очень большие потери торговому флоту Антанты и нейтралов (в 1916 г. потоплено 2 364 тыс. *т* судов, в 1917 г. — 6 206 тыс. *т*). Но изменить военное положение в свою пользу Германия уже не смогла вследствие своей непоследовательности (подводная война то усиливалась, то ослаблялась), что позволило Англии принять ряд мер противолодочной защиты и ослабить действие подводной войны (в 1918 г. потоплено всего 2 632 тыс. *т*. — в 2½ раза меньше, чем в 1917 г.).

IV'

Война вызвала огромные разрушения производительных сил во всех воюющих странах. Разрушению подверглись территории, бывшие ареной военных действий (Северная Франция, Бельгия, бывш. русская Польша, Румыния и др.). Только на одной территории Северной Франции, где было сосредоточено 67,2% всей добычи угля Франции, и 64% добычи чугуна, подавляющая часть хлопчатобумажной промышленности и другие отрасли, было разрушено 50 доменных печей, свыше 20 тыс. промышленных предприятий и т. д. При отступлении румынской армии были сожжены все нефтепромыслы Румынии (чтобы они не могли снабжать нефтью Германию).

Резко увеличилось непроизводительное потребление в виде вооружения, инженерного имущества и т. д. Так например, в царской России 86% всех рабочих было занято изготовлением предметов вооружения и снаряжения. За 4 года войны всеми воевавшими странами было изготовлено около 1 300 млн. артиллерийских снарядов, стоимостью около 30 млрд. долл. И таких примеров можно привести очень много.

Большие людские потери понесли все воюющие страны не только непосредственно на фронте (на фронте было убито около 10 млн. чел.), но и в тылу вследствие уменьшения рождаемости и увеличения смертности среди рабочих и трудящихся масс, подвергавшихся усиленной эксплуатации и сидевших на голодном пайке. Только от сокращения рождаемости потери достигли 20 млн., а от увеличения смертности — 15 млн. чел.

Мобилизация в армию молодых и средних возрастов, лучших по качеству работников, голод и недоедание вызвали падение производительности труда рабочих и добычи угля, чугуна и других продуктов, а в сельском хозяйстве к этому еще прибавились сокращение химических удобрений и недопоставка сельскохозяйственных машин.

Т а б л и ц а № 3

Падение производства в 1918 г. по сравнению с 1913 г. (в %)

	Германия	Франция	Англия
Уголь	—15,6	—35,7	—20,8
Чугун	—45,1	—75,2	—11,2
Посевная площадь зерн. хлебоб	— 6,7	—22,2	— —
Сбор	—25,4	—31,1	— —

Наконец сильно упали отрасли промышленности, не связанные с удовлетворением нужд фронта (строительство и промышленность стройматериалов и др.).

Но на фоне общего упадка производительных сил имел место бурный подъем и расцвет новых отраслей промышленности, вызванных к жизни потребностями войны, имело место разбухание отраслей, обслуживающих нужды фронта. Разбухла военная промышленность во всех воюющих странах. Количество рабочих, занятых в кадровой военной промышленности (только государственных), увеличилось в 1917/18 г. во Франции до 285 тыс. чел. против 67 тыс. чел. в 1913 г., в Англии соответственно — 440 и 85, США — 250 и 45, Японии — 110 и 60, Германии — 330 и 70.

Сильно выросла химическая промышленность во всех капиталистических государствах, в особенности в странах Антанты, США и Японии, которые до мировой войны были в большой зависимости от Германии. Так, во Франции производство серной кислоты увеличилось в три раза за время войны, соляной — в 18 раз и т. д. Добыча азота из воздуха и иными методами позволила Германии и другим странам обеспечить свои огромные потребности в взрывчатых веществах и порохе во время войны. Во время войны была поставлена в странах Антанты анилокрасочная промышленность — база отравляющих веществ, фармацевтическая и другие отрасли.

Но война также и сильно сказалась на развитии стран, не принимавших участия в ней или принимавших косвенное участие. Развилась США, которые до 1917 г. непосредственного участия в войне не принимали, а только снабжали Антанту сырьем, военными материалами и т. д. Во время войны хозяйство в США выросло и их удельный вес в мировом хозяйстве увеличился. Продукция чугуна в США увеличилась на 26,1%, угля — на 20%, нефти — на 43% и т. д. Общая промышленная продукция выросла на 22%. Такой же рост показывает и сельское хозяйство США — 17%; удельный вес хозяйства США в мировом хозяйстве поднялся до 52% всей мировой добычи угля, 40% стали и железа, 60% хлопка, 66% нефти и т. д.

Столь же сильно развилась и Япония, хозяйство которой в период мировой войны достигло наибольшего расцвета. Количество рабочих увеличилось на 55%, внешняя торговля почти втрое, а запасы золота в стране достигли 2,5 млрд. иен (против 320 млн. в 1913 г.).

Вырос молодой капитализм в результате войны в колониях и полузависимых странах. Мировая война затруднила и нарушила обмен между капиталистическими странами. К тому же все производство воюющих стран было направлено в первую очередь на удовлетворение нужд фронта, и резко сократился экспорт в колонии и зависимые страны. Все это способствовало росту производства преимущественно средств потребления в последних.

Таким образом война усилила неравномерность, скачкообразность и противоречивость развития капитализма, развития отдельных стран, развития отдельных отраслей. Поэтому-то движение капитализма во время войны нельзя сводить к «отрицательно расширенному воспроизводству» Бухарина, как нельзя сводить и к периоду «высокой конъюнктуры», прогресса, процветания (Кондратьев, Ляйхтер, Эккерт и др.).

Буржуазные апологеты сводят движение капитализма во время войны к процветанию, к периоду высокой конъюнктуры. Так, Эккерт пишет: «Война привела к ускорению практического использования научных открытий, известных еще до 1914 г., но превращение коих в экономическую, в капиталистическую силу требовало долгого времени и происходило бы гораздо медленнее. Вне боевой зоны, в тех частях света, которые до 1914 г.

были лишь слегка затронуты капиталистическим хозяйством, развязались силы, направленные к быстрой индустриализации...»¹⁰.

Такой же точки зрения придерживались и социал-фашисты, для которых война не есть кризис, а наоборот, высокая конъюнктура, период ненормального повышения накопления капитала (Ляйхтер), война исправляет присущие капитализму непроизводительные использования хозяйственных ресурсов (рабочая сила, средства производства), которые вследствие напряжения войны используются полностью, а не остаются праздными (Отто Нейрат).

Все эти теории социал-фашистов преследуют основную цель оправдания империалистической войны выгодностью для капиталистического хозяйства. Они скрывают огромное обнищание рабочих масс во время войны, то, что война вызвала кризис капиталистической системы, пытаются этим ослабить революционную, антивоенную борьбу рабочего класса и трудящихся масс. *

К теории социал-фашистов приближаются и эпигоны люксембургизма, которые, исходя из теории реализации Розы Люксембург, также оценивали войну как фактор, ослабляющий, отдаляющий крушение капитализма. В дискуссии по поводу программы Коминтерна немецкий люксембургинец Борис писал, что «мировая война была временем высокой конъюнктуры... к концу войны... мировые производительные силы развились, производство поднялось на более выгодную ступень».

По теории «левого» Гроссмана война... «отнюдь не будучи... фактором, ускоряющим крушение капитализма... разрушение и уничтожение ценностей, производимых войной, способствует скорее ослаблению угрозы краха».

И тот и другой, как видим, считают, что империалистическая война, что движение капитализма в тот период не создали объективных предпосылок к крушению капитализма, к развертыванию пролетарской революции.

Остановимся еще на двух наиболее ярких эпигонах люксембургизма, всецело стоящих на теории автоматического крушения капитализма, — Тальгеймере и Борхарде. По Тальгеймеру и по Борхарду, во время войны не происходит накопления капиталов или происходит фиктивное накопление.

Все движение капитализма во время войны, как мы видим, не укладывается в механистические, вульгарные формулы апологетов капитализма, буржуазных и социал-фашистских ученых и оппортунистические формулы Бухарина и люксембургинцев. Тов. Ленин неоднократно указывал и подчеркивал влияние войны на капиталистическую экономику и в своих указаниях он диалектически охватывал все стороны воспроизводственного процесса в единстве воспроизводства и материального и классовых антагонистических воспроизводственных отношений. «Война — величайший кризис. Всякий кризис означает (при возможной временной задержке и регрессе) ускорение развития, обострение противоречий, обнаружение их, крах всего гнилого и т. д.»¹¹

«Война как громадный исторический процесс неслыханным образом ускорила социальное развитие». «Приспособление индустрии к временным условиям (разорение, быстрая концентрация)».

V

Война обострила и обнажила все основные противоречия между капиталистами и рабочим классом и трудящимися массами. В основном вся война велась за счет усиленной эксплуатации рабочего класса и трудящихся масс,

¹⁰ См. ст. Эккерта Христиана в сб. «Буржуазные ученые о закате капитализма», М. 1931, стр. 17, изд. 2-е.

¹¹ Здесь Ленин имеет в виду кризис капиталистической системы, а не экономический кризис.

за счет их недопотребления, за счет их «организованного голода». Положение рабочего класса во время войны резко ухудшилось. Реальная заработная плата сильно упала, так как цены на предметы первой необходимости значительно повысились, к тому же их нехватало и приходилось покупать по спекулятивным ценам, что еще более понижало реальную заработную плату. Положение рабочего класса во время войны прекрасно охарактеризовано т. Лениным: «... Работай за грош, терпи всякие прижимки и издевательства, а не то на фронт, под пули врагов». В деле ухудшения положения рабочих предательскую роль сыграли социал-демократы, пользуясь содействием которых в сохранении «гражданского мира», буржуазия уничтожает все завоевания рабочего класса, доводит до предела рабочий год (330 дней в году при 10-часовом рабочем дне), отменяет ограничения в пользовании женским и детским трудом. А всяческие попытки рабочих отвоювать свои права путем стачечной борьбы буржуазия подавляет не только оружием, но и с помощью социал-демократов и профсоюзных чиновников.

О положении рабочего класса во время войны можно судить по движению заработной платы рабочих. Заработная плата английских рабочих (положение которых было сравнительно лучше, нежели на континенте) упала в 1917 г. на 23—25%, во Франции номинальная зарплата повысилась на 70—80%, в то время как стоимость жизни — на 106—140% (при этом надо учесть, что наиболее сильно повысилась зарплата чернорабочих, получавших и до войны очень немного). В России реальная заработная плата упала на $\frac{1}{8}$. Сильно в связи с этим упало и потребление рабочих. Так, для Англии мы имеем падение душевого потребления масла на 60%, риса — на 75%, яиц — на 75%, мяса всякого — на 45%, хлеба — на 25% и т. д. В Германии по карточкам выдавались только 40—45% калорий по сравнению с довоенным временем, причем большинство продуктов представляло собой суррогаты (например хлеб из муки с брюквой и с картофелем, и т. д.).

Показателем усиленной эксплуатации также может служить и привлечение женщин и подростков. Недостаток рабочих-мужчин был восполнен женщинами, что было также весьма выгодно капиталистам, поскольку зарплата женщин была ниже мужской, а производительность труда первых не отличалась от вторых. Так, зарплата женщин составляла в 1918 г. в Англии в хлопчатобумажной промышленности 24 шиллинга 1 пенс в неделю а рабочих мужчин — 30 шиллингов, во Франции квалифицированный рабочий-мужчина в час получал 1,6 — 1,7 франка, а женщина — только 1,25 — 1,45 франка. То же имело место и в других воюющих странах.

Применение женского труда было весьма широко распространено. Женщины работали и непосредственно на производстве военных предметов и в других отраслях промышленности, где раньше их труд почти не применялся. В Германии количество женщин в металлообрабатывающей промышленности увеличилось на 407%, в электротехнической — на 287%, в химической — на 363% и т. д. Во Франции количество женщин, занятых в предприятиях, работавших на оборону, достигло в 1918 г. 24,5% всех работающих.

Во время войны законы об охране труда были отменены, и женщины и подростки широко применялись на ночных работах, работали сверхурочно. Так, в Англии обследование 1917 г. показало, что на 787 обследованных предприятиях 37,78% женщин работало по ночам, в 1918 г. (тоже в Англии) в предприятиях с количеством рабочих более 100 чел. 26% женщин работало выше установленных 10 час. в день.

Возможности усиленной эксплуатации рабочих, женщин и подростков, высокие цены, уплачиваемые правительством за поставляемые изделия, способствовали получению капиталистами баснословных прибылей. В Гер-

мании показанные промышленностью прибыли (а капиталисты предпринимали всяческие меры к сокрытию прибылей, чтобы меньше платить налогов) увеличились за один год — с 1914 по 1915 год, еще не полной мобилизации промышленности — по металлургической промышленности с 12,6 до 23,2 %, по химической — с 19,22 до 31,14 %, по металлической — с 10 до 26,5 % (за 3 года) и т. д. Из отчетов крупнейших предприятий с капиталом в 1 661 млн. марок видно, что в 1916/17 г. прибыль составила 42,3%, из которых было списано на амортизацию 349 млн. марок (против 181,3 млн. в 1913 г.), чтобы не платить больших налогов на сверхприбыль. Можно примерно считать, что минимальная сумма военной сверхприбыли, полученной германскими капиталистами, достигает 10 млрд. золотых марок.

То же было и в Англии, где налоги на сверхприбыль составили 4,5 млрд. долл. Налоги на военную сверхприбыль, введенные правительствами под давлением рабочего класса и трудящихся масс, несмотря на огромные цифры, не дают полной картины сверхприбылей, так как капиталисты распределяли большие суммы по разным фондам¹². Наряду с обнищанием масс, с голодом происходила свистопляска миллионов, образование новых миллионеров (шиберы, нувориши) и т. д. Естественно, что рабочие, находясь в бесправном, каторжном положении, полуголодные, работающие до изнеможения, несмотря на сопротивление социал-демократов и профсоюзных лидеров, все время волновались, бастовали. Достаточно вспомнить забастовку английских углекопов в 1916 г., забастовку путиловских рабочих. И в самой Германии, где особенно была сильна социал-демократия, забастовочное движение не утихло за все время войны. Так, в 1916 г. бастовало 424 тыс. рабочих, в 1917 г. — 1,4 млн., в 1918 г. — 1,6 млн. И чтобы лишить рабочих последнего оружия, чтобы лишить их права стачек, права ухода с предприятий, в 1917 г. в Германии (а позднее и в Англии) введена была трудовая повинность. Официально трудовая повинность была обязательна для всех жителей Германии, но фактически богатые откупались от нее, и она всей своей тяжестью ложилась на рабочих. В Англии же трудовая повинность была введена только для рабочих, служащие же и другие слои населения были совсем освобождены от нее. Введением трудовой повинности рабочие закреплялись за предприятием, не имели права покидать его без разрешения владельца, не имели права стачек, не имели права предъявления требования о повышении зарплаты и т. д.

Неверно было бы думать, что трудовая повинность была введена только потому, что не хватало рабочих, что надо было использовать все наличные трудовые ресурсы страны¹³. Так считать — значит смазывать классовый смысл введения трудовой повинности как меры подавления сопротивления рабочего класса. Немудрено, что рабочие ответили на это новой сильной волной стачек, несмотря на применявшийся к бастовавшим рабочим метод «вычесывания», т. е. отправки наиболее активных на фронт. Трудовая повинность обнажает одно из существеннейших, противоречий капитализма —

¹² Так, Ленин, анализируя отчет одного из банков, показывает, как банк из полученных 19—24 млн. прибыли, т. е. 80% на капитал, показал только 13%, т. е. 42%, а остальные распisał по резервным фондам и другим статьям.

¹³ Тов. Ларин ищет причин введения трудовой повинности в недостатке рабочих рук. «Эластичность капитализма наткнулась на абсолютный недостаток рабочих рук и в нем находит свое ограничение. Пока можно было пополнить убыль от мобилизации привлечением неиспользованных раньше рабочих сил общества, германский капитализм чувствовал себя более или менее благополучно... Но германский капитализм втянул уже в замещение убыли едва ли не большую половину тех сил, на какие вообще он мог рассчитывать при системе вольноногого труда. И теперь ему приходится отказываться от самой этой системы» (Ларин, Государственный капитализм военного времени в Германии, Гиз, 1925 г., стр. 160—161).

взаимоотношение рабочего и капиталиста. Обычные в нормальное время отношения, завуалированные внешней личной «свободой» рабочего, введением трудовой повинности, обнажаются. Остаются капиталистические отношения, средства производства находятся в руках капиталистов, но рабочий уже не волен свободно продавать свою рабочую силу, он обязан приказом государства отдавать ее тому или иному капиталисту в то или иное время независимо от его желания.

Это явление дало повод т. Ларину определить систему трудовой повинности как введение феодальной системы. «Капитализм, — пишет т. Ларин, — как система хозяйства, основанная на вольнонаемном труде, перестает существовать. Он заменяется в Германии феодальной системой, основанной на зависимости, на крепостном труде. Это конечно не «пылеобразный» феодализм средневековья из кучи сравнительно слабо связанных одна с другой хозяйственных единиц. Наоборот, это строй организованный, планомерно связавший все части национального хозяйства и располагающий всеми средствами современной техники. Как в средневековье, внизу, в основе — крепостной труд. А вверху — слияние и полное юридическое тождество органов и носителей государственной власти и хозяйственного руководства»¹⁴.

Ошибка т. Ларина очевидна. Он считает, что в главнейших империалистических странах — Германии, Англии и др. — капитализм уничтожен и заменяется феодализмом. Он не понял, что во время империалистической войны все категории капитализма остаются в силе, что во время войны происходит ускорение действия основных законов движения капитализма, что трудовая повинность и была введена в целях укрепления капитализма. И эти взгляды вытекают из всей его оппортунистической концепции государственно-монополистического капитализма как организованного, планового капитализма и из его понимания движения капитализма во время войны лишь только в сторону регресса, движения вспять.

* * *

Во время войны чрезвычайно ухудшилось положение и трудящихся масс мелкой буржуазии. Правда, верхние слои мелкой буржуазии в городе от войны выиграли, выиграло также и кулачество в деревне, так как оно широко спекулировало продуктами продовольствия, несмотря на регулирование сельского хозяйства, и освободилось благодаря инфляции от задолженности. Но основные массы мелкой буржуазии от войны сильно пострадали. Мобилизация людей и лошадей в армию, недостаток удобрений и машин, — все это вызвало падение сельского хозяйства и особенно сильно ударило по бедняцкому и середняцкому хозяйству. Небольшие же товарные излишки не давали ему возможности принимать большое участие в спекулятивной оргии, разыгравшейся в войну вследствие голода. К тому же универсализация сельского хозяйства в Германии, массовый убой свиней особенно сильно ударили по этим слоям крестьянства в районах технических культур и интенсивного животноводства (свиноводство).

Пострадало также и мелкое чиновничество и низшие служащие, которые также жили на полуголодном пайке, так как не могли покупать себе продовольствия по спекулятивным ценам. Сильно пострадало оно также и от инфляции, благодаря которой их зарплата все более и более падала.

Ухудшение их положения также оказало на них немалое революционизирующее влияние.

¹⁴ Л а р и н, Государственный капитализм военного времени в Германии. Гиз; 1928 г., стр. 159—160.

VI.

Потребности войны, ее напряженность, разрушение производительных сил, разруха, рост революционных настроений в рабочем классе вызвали необходимость планирования, контроля и учета производства и потребления. Задача организации промышленности, приспособления ее к изготовлению предметов, необходимых фронту, обеспечения ее сырьем не могла быть решена без внесения элементов плана, без учета и контроля сырьевых ресурсов страны. А блокады и нарушение хозяйственных связей, нарушение обмена, подводная война вызвали вмешательство государственной власти во внешнюю торговлю, в судоходство. Тяжелое продовольственное положение всех воюющих стран (в особенности Германии) также заставляло государственную власть принять ряд мер к регулированию сельского хозяйства для учета и распределения наличных ресурсов, для увеличения продукции, для специализации сельского хозяйства в направлении, вызываемом нуждами войны.

Но планирование не совместимо с капиталистической системой, с анархией производства, с противоречием общественного характера производства и частного характера присвоения. Поэтому на всех регулирующих мероприятиях государства лежит печать ограниченности, внутренней противоречивости, поэтому они (мероприятия) и проводились стихийно, от случая к случаю, и усиливались по мере усиления напряжения войны, по мере роста рабочего движения.

Методы экономического воздействия (таксы, субсидии и т. д.) в дальнейшем ходе войны заменились методом законодательного, непосредственно административного регулирования. Если в первом периоде войны государство регулировало главным образом снабжение сырьем и занималось только приспособлением промышленности к нуждам войны, то в дальнейшем империалистические государства регулировали и производство. И только к половине 1917 г. в Германии и к началу 1918 г. в Англии и других воюющих странах сложилась окончательно система регулирования и закончилось создание аппарата.

Развитие регулирующих мероприятий шло неравномерно в различных странах в зависимости от их экономической структуры, степени централизации и концентрации капитала, классовой структуры, положения их во время войны. В Германии, где из всех европейских стран концентрация и централизация капитала достигли более высокой ступени, регулирование хозяйства достигло более высокой ступени, нежели в Англии, где монополии были развиты относительно слабее. Объяснение этому надо искать в том, что система регулирования, вызванная войной, является дельнейшим развитием тенденций монополистического капитализма¹⁵, заложенных в природе монополистического капитала и особенно развившихся во время войны. Эти тенденции нашли свое отражение в дальнейшем ускоренном росте концентрации капитала, в усилении сращивания монополистического капитала с государственной властью¹⁶. На развитие регулирования масштабов

¹⁵ «Мировой капитализм, который... к началу XX столетия переродился в монополистический капитализм, т. е. в империализм, сделал во время войны значительный шаг в п е р е д не только в смысле еще большей концентрации финансового капитала, но и по пути к превращению в государственный капитализм».

¹⁶ «С другой стороны, против этой группы, англо-французской главным образом, выдвинулась другая группа капиталистов... внесших в борьбу новые приемы развития капиталистического производства, лучшую технику, несравненную организацию, превращающую старый капитализм, капитализм эпохи свободной конкуренции, в капитализм гигантских трестов, синдикатов, картелей. Группа эта внесла начало огусударствления капиталистического производства, соединения гигантской силы капитализма с гигантской силой государства в один механизм, ставящий десятки миллионов людей в одну организацию государственного капитализма». Такую характеристи-

его, форм и методов немалое влияние имели также и различное напряжение ресурсов воюющих стран для удовлетворения нужд фронта, различная степень сохранения связей с мировым рынком (влияние блокады) и различный размах революционного движения рабочего класса. Естественно, что в Германии, где остро чувствовался недостаток сырья вследствие блокады, в первую очередь регулирование коснулось сырья и уже в самом начале войны были образованы «военно-акционерные сырьевые общества» для учета и снабжения сырьем в первую очередь заводов, выполнявших военные заказы. В Англии же, где связи с мировым рынком были нарушены слабее, где снабжение сырьем в первый период войны было обеспечено, там регулированием сырья занялись только в 1917—1918 гг., а в первую очередь занялись транспортом, морским и железнодорожным, в целях обеспечения перевозки армии и предметов снабжения во Францию на театр военных действий. Большое внимание уделяло английское правительство и угольной промышленности вследствие ряда больших забастовок углекопов в 1915—1916 гг.

В Германии, которой приходилось одной почти только своими ресурсами воевать со странами Антанты, а частично даже снабжать своим вооружением своих союзников — Болгарию, Австро-Венгрию и Турцию, — напряжение раньше достигло огромных размеров, почему ей пришлось уже в конце 1916 и в начале 1917 г. вмешаться непосредственно в производство, т. е. раньше нежели Англии, которая снабжалась и США и Японией и другими странами и которая почувствовала угрозу только со второй половины 1917 г.

В регулировании сельского хозяйства Германии, ощущавшей огромный дефицит продовольствия, пришлось пойти на меры непосредственного вмешательства в сельскохозяйственное производство («избиение» свиней весной 1915 г. по распоряжению правительства из-за боязни нехватки картофеля, мероприятия по универсализации сельского хозяйства, по усилению посевных площадей продовольственных культур и картофеля), в то время как английское правительство регулирует сельское хозяйство только экономическими методами (установление высоких цен на хлеб на 5 лет после войны). И наконец — прудразверстка и введение карточной системы в Германии в 1915 — 1916 гг., в то время как в Англии снабжение населения строилось по совсем иному принципу (централизованные закупки за границей и отпуск продуктов населению по установленным ценам).

Вся эта система регулирования способствовала усилению концентрации и централизации капитала. И это вполне естественно, поскольку было тесное сращивание крупного капитала с государственным аппаратом. Все органы регулирования находились в руках монополистического капитала. Правительственных чиновников, участвовавших в этих органах, нельзя противопоставлять крупным капиталистам, так как они были тесно связаны между собой личной унией. Многие крупные чиновники были в руководстве трестов, синдикатов, многие промышленники были во главе органов, ведающих регулированием¹⁷. Пользуясь личной унией, подкупам¹⁸

стику давал Ленин германскому капитализму и тенденциям, быстро развивавшимся в нем.

¹⁷ Достаточно вспомнить, что во главе сырьевого отдела военного министерства стоял в 1914/15 г. Р а т е н а у — руководитель немецкого электротехнического треста, после смененный майором Кэт, ставленником С т и н н е с а. Центральное закупочное общество, орган, ведающий закупками за границей, был организован и работал под руководством Баллина — председателя Гамбург — Америка пароходная линия.

¹⁸ Для характеристики методов, применявшихся капиталистами в мировую войну, можно привести следующий факт. Крупный рост фирмы О т т о В о л ь ф начинается со времени войны, когда один из компаньонов Оттомар Штраус, призванный в армию, назначается в морское министерство, где использует свое положение для получения заказов своей фирме у союзников Германии, в частности у Турции.

и иными методами, крупный капитал использовал государственную власть, государственный аппарат для борьбы с «дикими», с аутсайдерами для подавления среднего и мелкого капитала, а когда это было возможно, то и своих соперников. В то же время при выдаче заказов в первую очередь получал их крупный капитал и вместе с этим приоритетное снабжение сырьем, отсрочки рабочей силы, транспортные средства.

Огромные сверхприбыли позволяли монополиям скупать акции «диких» фирм и присоединять их к себе.

Недостаток сырья и необходимость целесообразного использования его заставили регулирующие органы в Германии закрыть ряд предприятий, мелких и средних, с вознаграждением их за счет прибылей работающих. Дело это было поручено военному комитету, который провел эту работу в интересах монополистического капитала. О том, насколько пострадали мелкие и средние капиталисты, можно судить по тому, что из 1 700 прядельно-ткацких фабрик было сохранено всего 70 наиболее крупных предприятий (а количество рабочих упало в 1918 г. на 55 % по сравнению с 1913 г.), из 1 400 обувных предприятий осталось в работе только 300 (а количество рабочих упало только на 21%), т. е. остались наиболее мощные предприятия. Такой же процесс концентрации и централизации происходил и в Англии, где это движение до войны было сравнительно слабым. Так, крупный железоделательный концерн до войны объединял 5 сталелитейных и железоделательных предприятий. В 1915 г. он присоединил одно предприятие и угольные копи, в 1918 г. к нему перешли акции еще 4 сталелитейных предприятий. Такой же процесс шел и на военных предприятиях Армстронга, Вилкерса и др. Новые же отрасли английской промышленности, созданные во время войны, как химическая и др., тоже объединены в тресты и концерны. Таким образом мы видим, что во время войны шел ускоренный процесс концентрации и централизации капитала, всячески подталкиваемый и поддерживаемый империалистическим государством.

Но рост тенденций государственно-монополистического капитализма, рост регулирующих мероприятий государственной власти, рост мероприятий, принадлежащих непосредственно государству и муниципалитетам, не означает отнюдь отмирания капитализма, уничтожения основных законов капиталистического общества. Сущность капитализма не изменяется, так как и государственно-монополистический капитализм есть капитализм. Основные законы капиталистического общества продолжают действовать (закон производства прибавочной стоимости, всеобщий закон капиталистического накопления и т. д.). Поэтому совершенно неверно и чудовишно, как назвал т. Ленин, точка зрения т. Бухарина, что «при государственном капитализме процесс производства есть процесс производства прибавочной ценности, попадающей в руки класса капиталистов с тенденцией превращения этой ценности в прибавочный продукт»¹⁹. Государственно монополистический капитализм социал-фашисты во время войны представляли себе как «военный социализм», как возможность перехода к социализму без революции. Все это преподносилось рабочим с целью обмана, с целью демобилизовать их революционные настроения. Сущность госкапиталистических тенденций, сущность регулирования, по Ленину, заключается в том, чтобы «укрепить капитализм, не дать подорвать его»... рабочим (крестьянам отчасти) создать военную каторгу, а банкирам и капиталистам рай.

Каковы бы ни были успехи регулирования хозяйства, преодолеть стихию капитализма, уничтожить противоречия капитализма было невоз-

¹⁹ Такой же точки зрения придерживается и т. Осинский, который также считает, что госкапитализму, появившемуся во время войны, характерно «отмирание капитализма как товарного хозяйства», что капиталисты присваивают себе прибавочный продукт.

можно. Говорить о том, что во время войны капиталистам удалось организовать хозяйство, что оно было плановым, значит становиться на сторону буржуазных ученых и социал-фашистов, утверждающих, что буржуазии удалось преодолеть все противоречия капитализма и создать плановое хозяйство. Ряд коммунистов стал на сторону этой буржуазной теории.

Например т. Ларин характеризует капиталистическое хозяйство Германии в мировую войну так: «Мы имеем в Германии таким образом в данный момент производство в значительной степени на замкнутый рынок заранее определенной величины по заранее известным ценам, с плановым распределением производства между отдельными предприятиями, при устранении конкуренции между ними как при сбыте, так и при снабжении их рабочей силой и сырыми материалами».

Такой же теории придерживались Бухарин, Осинский, Преображенский и др.²⁰ Тов. Ларин стоит на позиции отмирания конкуренции во время войны. Массовый универсальный спрос на изделия, их дефицит не уничтожают конкуренции и не могут уничтожить, поскольку капиталистический строй остается существовать. Конкуренция только направляется в иную сторону. Конкурентная борьба разгорается за получение сырья, за получение рабочей силы, за участие в руководстве и т. д. Но конкурентная борьба идет ожесточенно (вспомним хотя бы уход Ратенау и замену его ставленником Стиннеса майором Кэтом). Разгорается эта борьба и вокруг участия во внешней торговле, которая из-за падения германской валюты очень выгодна. Идет борьба в Англии из-за цен на изделия, из-за получения тоннажа, за право на ввоз в Англию сырья и продовольствия и т. п. Вот почему говорить, что конкуренция отмирает, что хозяйство ведется планомерно, организовано, это значит признать, что капитализм как таковой перестал существовать. А между тем в период империалистической войны вследствие нарушения связей между городом и деревней, вследствие разрушения транспорта, нарушения денежной и кредитной системы возрождаются самые примитивные формы обмена, формы капитализма в его ранней стадии.

«Чистый империализм без основной базы — капитализма, — говорит Ленин, — никогда не существовал, нигде не существует и никогда существовать не будет. Это есть неверное обобщение всего того, что говорилось о синдикатах, картелях, трестах, финансовом капитализме, когда изображали финансовый капитализм так, как будто никаких основ старого капитализма под ним нет... теперь не только в России и не только в Германии, но и в странах-победительницах начинается именно такое гигантское разрушение современного капитализма, которое сплошь и рядом снимает этот искусственный аппарат и возрождает старый капитализм... Мы живем в такое время, когда целый ряд элементарнейших основных явлений воскрешен».

А поскольку империализм без основной базы — капитализма — не суще-

²⁰ Военный вариант теории «организованного капитализма» был выдвинут и Бухариным в его работе «Экономика переходного периода», гл. III, в которой он говорит, что «реорганизация производственных отношений финансового капитализма шла по пути к универсальной государственно-капиталистической организации, с уничтожением товарного рынка, с превращением денег в счетную единицу, с организованным в государственном масштабе производством, с подчинением всего «на роднохозяйственного» механизма целям мировой конкуренции, т. е. войны». Здесь т. Бухарин повторяет свои взгляды 1915 г., осужденные Лениным. Примерно так же говорят Осинский и Преображенский. По Осинскому, класс капиталистов сознательно регулирует производство, он создает централизованное, сознательно и планомерно руководимое хозяйство. По Преображенскому, «действие закона ценности во многих отношениях было полностью замещено плановым началом государственного капитализма».

ствует постольку отсюда и следует, что не может быть планового, организованного капитализма, не может отмереть конкуренция, так как в таком случае не существовал бы капитализм. Военный вариант теории «организованного капитализма» является оппортунистической теорией, которая имеет своей целью демобилизовать рабочих, показать силу капитализма, показать возможность вращивания капитализма в социализм мирным путем, без революции.

Таким образом империалистическая война 1914—1918 гг. обострила все противоречия капитализма, она ускорила развитие капитализма, создав материальные, объективные предпосылки к переходу от капитализма к социализму. Обнищание рабочего класса и трудящихся масс создало и субъективные предпосылки. В слабом звене империализма прорвана цепь и наряду с капиталистической системой существует социалистическая.

Война потрясла всю систему капитализма, она — начало всеобщего кризиса капитализма.

Мир стоит перед новым периодом войн и революций. Империалисты ищут выхода из всех своих противоречий на путях войны. Они усиленно готовятся к ней, учитывая весь опыт предыдущей войны. Они всячески нажимают на рабочий класс и трудящиеся массы, чтобы создать себе «спокойный» тыл. Но... «нет оснований предполагать, что война может дать действительный выход. Наоборот, она должна еще больше запутать положение. Более того, она наверно развяжет революцию и поставит под вопрос само существование капитализма в ряде стран, как это имело место в ходе первой империалистической войны» (С т а л и н, Доклад на XVII съезде партии).

Промышленность царской России в годы империалистической войны

1. Противоречия экономики царской России

В довоенной экономике царской России самым причудливым образом сочетались крайне отсталые, примитивные хозяйственные формы с самыми передовыми, высшими формами империализма.

Сельское хозяйство занимало в 1913 г. в десять раз большее количество рабочих рук, чем промышленность и доставляло 54% всего народного дохода страны. И эта огромная часть хозяйства страны сохранила почти в нетронутом виде крайне отсталую технику обработки земли и как символ этой отсталости — соху, традиционное орудие производства русского крестьянина — орудие, давным давно отошедшее в прошлое для стран Западной Европы. Остатки крепостничества (дворянское крупное землевладение, голодная аренда крестьян, испольщина и т. д.), сохранившись до самой революции 1917 г., создавали сильнейшие препятствия для быстрого экономического развития России.

Капитализм тем не менее делал свое дело и в промышленности и в сельском хозяйстве. Помещики-крепостники уступали место «цивилизованным» и «просвещенным» помещикам-капиталистам. Применение сельскохозяйственных машин и искусственных удобрений становилось нередким явлением. Выколачивание голодной аренды мало по малу заменялось капиталистической системой эксплуатации наемного труда. Крепостнический строй уступал место капитализму. Однако остатки крепостнически-феодалных отношений ложились тяжелым гнетом на все хозяйство страны. Они паразитически подрывали основу для развития производительных сил; задерживая рост товарности, они сковывали развитие внутреннего рынка, тем самым сокращая темпы расширения капиталистического производства. Техническая отсталость не являлась свойством, присущим исключительно сельскому хозяйству. В промышленном секторе удельный вес кустарной промышленности и ремесла был весьма значителен¹, а это свидетельствует об общей экономической отсталости страны.

Но при этой отсталости и наряду с ней довоенная Россия обладала наиболее концентрированной промышленностью в мире. Техника некоторых предприятий не уступала самым передовым предприятиям развитых капиталистических стран. По концентрации рабочих на крупнейших предприятиях Россия обогнала Германию: из каждых 100 рабочих было занято в мелкой промышленности в предприятиях с числом рабочих не свыше 20 чел., не считая кустарной и ремесленной промышленности, в России (1913 г.)

¹ Л. Крицман исчисляет количество занятых в кустарной и ремесленной промышленности в 23/4 млн. чел., ценность ее продукции в 800—900 млн. руб. (см. «Ежегодник К. И.» за 1923 г.). Маслов дает цифры в 10—12 млн. кустарей (см. Финн-Енотаевский, Капитализм в России, стр. 114).

38, в Германии (1907 г.) — 43, в крупной же промышленности в России — 62, в Германии — 57.

Удельный вес крупнейшей промышленности в России также был выше: в России на предприятиях с числом рабочих свыше 1 000 было занято около $\frac{1}{4}$ всего количества рабочих, т. е. относительно втрое больше, чем в Германии. Абсолютное число рабочих крупнейших предприятий в России было также больше, чем в Германии. По своей концентрации русская промышленность даже превосходила САСШ. В крупных предприятиях (свыше 500 рабочих) работало в Соединенных штатах в 1914 г. 32,5% рабочих, в России в 1913 г. — 54%. Крупнейшие предприятия (свыше 500 рабочих) были в России крупнее, чем в Германии и Соединенных штатах. В среднем на одно такое предприятие в Германии приходилось менее 900 рабочих, в Соединенных штатах менее 1 100, а в России свыше 1 400². Зато конечно самое количество таких крупных предприятий в России было сравнительно очень незначительно. Таков результат неравномерности развития, столь характерный для империализма. Некоторое представление о технике русской крупной промышленности дает сопоставление данных о двигателях, применявшихся в ней, с соответствующими данными для США и Германии³.

В России в 1908 г. приходилось на каждую сотню рабочих 91,9 лошадиных сил, в Германии в 1907 г. — 72,9, в США — 306,1. Крупнейшая русская промышленность, уступая по уровню техники Соединенным штатам, превосходила уровень Германии. Но, если рассматривать количество двигателей не в отношении к числу наемных рабочих, а по отношению ко всему населению, то картина резко изменится; на одного жителя приходилось двигателей в России 1,6, в Германии — 12,8, в США — 25,3.

Эти данные ярко свидетельствуют об общей отсталости России при наличии в ней элементов самого передового капиталистического развития. Тоже показывают и данные о темпе накопления капиталов: За 28 лет (1899—1913 гг.) крупная (акционерная) промышленность России увеличила свои капиталы в 11,1 раза, мелкая же за тот же период увеличила их только в 3,8 раза.

В среднем во всей промышленности России увеличение капиталов (по данным т. Струмилина) за год определялось в 7,2%, в то время как для Америки за годы 1899—1914 общий прирост капиталов за год составлял 6,5%, т. е., что американский темп накопления в промышленности был ниже темпа накопления в довоенной России⁴.

Общая экономическая отсталость и наличие самых передовых форм гигантских капиталистических предприятий, медленный рост производительных сил вообще и быстрый темп накопления в области крупнейшей промышленности — таковы контрасты и парадоксы экономики царской России.

В известной мере быстрые темпы накопления в крупнейшей промышленности были связаны с притоком иностранного капитала. Иностранные капиталы притекали в Россию в виде государственных займов и в виде кредитования и финансирования промышленных и банковских предприятий. Создавалась «сращивание» иностранного финансового капитала с самодержавной государственной властью дворянско-помещичьей России и одновременно его быстрое внедрение в основные отрасли хозяйства страны. Значительная часть металлургической промышленности юга — нефтяной, каменноугольной и пр. —

² Приведенные цифры даны т. Крицманом в «Ежегоднике Коминтерна» за 1923 г.

³ Мировое производство в сравнительных цифрах и диаграммах. В 1. М. 1924, стр. 39.

⁴ Струмилин, Очерки советской экономики, 1928 г, стр. 68—70.

выросла при помощи иностранных капиталов. Уже в самый ранний период развития русской промышленности происходил процесс ее сращивания с банковским капиталом⁵.

Именно через связь русской промышленности с банками и включение русских банков в систему мирового финансового капитала иностранному капиталу удалось занять руководящие позиции в русской промышленности⁶. По определению т. Ванага, 67% всей суммы вложенной в русскую металлургию капиталов падало на парижские банки, 63,8% вложений в машиностроение приходилось на иностранные банковские группы. В каменноугольной и нефтяной промышленности 75—80% всех капитальных вложений принадлежали банковским группам и т. д.

Со времени войны главнейшие отрасли русской крупной промышленности были охвачены синдикатскими объединениями.

Синдикат «Продамета», объединивший свыше 30 крупнейших металлургических предприятий и сосредоточивший свыше 80% всей продажи металлических изделий; «Продвагон», получивший в 1912 г. заказы на 96,9% всей суммы заказов на вагоны, строившиеся в этом году в России; акционерное об-во «Медь», объединившее 93,8% всего производства меди в стране; «Проволока», «Продуголь» и пр. — эти крупнейшие объединения ясно указывают, как широко распространены были монополистические тенденции в русском капитализме накануне войны.

При этом одной из особенностей российского империализма было сращивание более слабого русского промышленного и банковского капитала с более могущественным иностранным капиталом. Это приводило к известной зависимости русского империализма от более могущественного иностранного капитала. Отсюда и специфические особенности русской финансовой олигархии. Ленин указывал на слабость российской буржуазии: «Во время войны у них (крупных землевладельцев и капиталистов — Э. Г.) не было своей собственной организации и они действовали лишь как прихвостни военных сил международной буржуазии»⁷.

Зависимость царской России от иностранного капитала создала и специфические отношения между государственной властью помещичьего класса России и финансово-капиталистическими государствами Европы. В политике самодержавия интересы иностранного капитала играли немаловажную роль. Экономическое же преобладание той или иной национально-капиталистической группы не могло не отражаться и на направлении внешней политики царизма. Именно преобладание англо-франко-бельгийского капитала поставило Россию в ряды Антанты во время мировой войны. Слабость национальной русской буржуазии, ее зависимость от правительства (военные заказы и пр.) также составляла одну из важных особенностей царского импе-

⁵ «Тесная зависимость промышленных предприятий от банковского капитала, — пишет проф. П. И. Лященко. — стала возникать у нас еще до конца 1890 годов».

⁶ Ленин в «Империализме», ссылаясь на вычисления Н. Агара, следующим образом рисует сращивание промышленного и банковского капитала в России и роль иностранных капиталов: «из почти 4 миллиардов рублей, составивших «работающий» капитал крупных банков, свыше 3/4, более 3 миллиардов, приходится на долю банков, которые представляют из себя в сущности «общества-дочери» заграничных банков». И далее: «всю» мощь «Петроградских крупнейших банков автор определяет в 8 235 млн. руб., почти 8 1/4 миллиардов, причём «участие», вверное господство, заграничных банков он распределяет так: французские банки — 55%, английские, 10%, немецкие — 35%. Из этой суммы 8 235 млн. функционирующего капитала 3 687 млн., т. е. свыше 40%, приходится, по расчету автора, на синдикаты; продуголь, продамета, синдикаты нефтяной, металлургической и цементной промышленности. Следовательно слияние банковского и промышленного капитала в связи с образованием капиталистических монополий сделало в России громадные шаги вперед».

⁷ III конгресс Коминтерна (Стенографический отчет, стр. 355—356).

риализма. Совокупность ряда условий, в основе которых лежала социально-экономическая отсталость России, сохранила у власти помещичий класс при господстве финансово-капиталистических монополий.

Императорская Россия вступила таким образом в войну с рядом огромных противоречий. И они еще более обострились в ходе самой войны. Противоречие между колоссальными технико-экономическими требованиями, предъявленными войной, и технико-экономической отсталостью страны. Противоречие между самодержавно-бюрократически-помещичьим аппаратом власти и экономическим господством буржуазии. Противоречие между неустойчивым блоком помещиков и буржуазии и растущей силой рабочих и крестьянских масс. Последнее становилось тем более острым, чем более росли тяготы войны.

2. Приспособление промышленности для обслуживания войны

а) М о б и л и з а ц и я п р о м ы ш л е н н о с т и. Известный русский ученый Д. И. Менделеев еще лет за 25 до мировой войны утверждал, что «будущая война явится войной не столько людей, сколько техники и промышленности».

Это положение безусловно и полностью оправдалось в войне 1914—1918 гг. Будучи войной империалистической, войной за первенство между гигантскими капиталистическими государствами, она велась как война «технических высот». Именно поэтому наиболее разрушительным оказалось влияние войны в странах со слабо развитой промышленностью.

Из всех главнейших воевавших стран Россия отличалась наибольшей отсталостью. На ее долю и выпали наибольшие разрушения⁸. Объявление войны вызвало такую панику в торгово-промышленных кругах России, что ее с трудом удалось ликвидировать. В первую очередь был нарушен товарооборот, с приостановкой приема железными дорогами частных грузов к отправке. В промышленности воцарилась депрессия. Благодаря мобилизациям вставал вопрос о недостатке рабочих рук. Целый ряд товаров, привозившихся из-за границы, исчез с рынка. Цены потеряли свою устойчивость. Многие предприятия сокращали производство. Некоторые вовсе закрывались.

По данным обследования, произведенного министерством торговли и промышленности, выясняется, что к 1 октября 1914 г. по всей Европейской России (без Польши⁹) из общего числа обследованных 7 921 предприятий с 1 466 810 рабочими сократило производство 1 221 предприятие с 554 059 рабочими, приостановило производство 504 предприятия с 46 589 рабочими и увеличили производство всего лишь 125 предприятий, доведши число рабочих с 88 380 до 150 438. Многие предприятия работали лишь при неполной загрузке.

⁸ До войны и отчасти во время войны были очень распространены среди буржуазных экономистов «научные» утверждения вроде того, что русская отсталость явится подспорьем в войне, благодаря сохранившемуся преобладанию натурального хозяйства (Прокорович, Войны и народное хозяйство), или что военный спрос, создавая высокую конъюнктуру, «благоприятно повлияет» на хозяйство страны и т. д. Взорность таких утверждений вскоре выяснилась и для самих апологетов войны. Так, «Промышленность и торговля», журнал Совета съездов представителей промышленности, в начале 1917 г. писал: «В первый период войны с особенной ясностью обнаружилось невыгоды недостаточной технической оборудованности русской промышленности».

⁹ Официальная статистика определяла общее число заведений фабрично-заводской промышленности на 1913 г. в 17 817, число рабочих—в 2 319 577, см. «Труды комиссии по борьбе с дороговизной», т. III, стр. 211, ст. С. Тюрина.

По более общим данным ЦСУ¹⁰, как в 1914, так и в 1915 г. уменьшилось число рабочих и предприятий¹¹:

Таблица 1

	Предприятий	Рабочих
В 1913 г.	17 877	2 319 577
» 1914 »	14 040	1 960 860
» 1915 »	12 649	1 922 572
» 1916 »	12 492	2 093 862

Дело в том, что военные заказы стали поступать в промышленность с большим опозданием. Военное ведомство отклоняло предложения крупных русских заводов о поставке снарядов, надеясь на заграничные заказы и на казенные заводы¹². Несмотря на это, отдельные крупные заводы, как Сормовский, Коломенский, Брянский, начали готовиться к снарядному производству, заказывали за границей оборудование, приступили к постройке новых зданий. Вскоре правительство действительно вынуждено было обратиться к русским частным заводам.

По мере того как росли потребности войны, рос и спрос военного ведомства. Одновременно еще быстрее росли цены. Это вызвало стремление капиталистов приспособить свои предприятия к нуждам войны, связавшись с интендантством. Не только предприятия, приспособленные к военному делу, но и предприятия, не имевшие ничего общего с военным производством, потянулись к военным заказам. Многие крупные предприятия в спешном порядке приспособляли свои мастерские к производству снарядов, бомб и пр. Международная компания жатвенных машин в Люберцах, завод Гильферих-Саде в Харькове и ряд других заводов с.-х. машиностроения перешли к выполнению военных заказов. Сормовский завод поставил у себя пушечное производство. Крупнейшие заводы по строительству дизелей перешли исключительно на обслуживание морского ведомства. Даже хлопчатобумажные фабрики делали попытки организовать в своих механических мастерских изготовление ручных гранат, обточку снарядов и пр. Иваново-вознесенские фабрики, Никольская мануфактура Саввы Морозова в Москве и др., Саратовские мельницы, нижегородские маслобойные заводы, курские сахарные заводы, даже фирма «Фаберже и Хлебников», изготовлявшая серебряные изделия, приспособились к изготовлению бомбометов, снарядов, кухонь-повозок, гранат, бомб и пр. путем соответствующей переделки своих «мирных» машин и станков.

Наиболее широкий размах принял процесс приспособления всей промышленности к военной работе с весны 1915 г. Тяжелое поражение русской армии, обнаружившее крайнюю ненадежность дела снабжения армии, побудило так называемую «общественность». Промышленная буржуазия нашла этот момент удобным, чтобы попытаться поближе продвинуться к государственной власти. Она энергично устремилась к захвату в свои руки дела организации обороны.

¹⁰ Статистический сборник за 1913—1917 гг. ЦСУ, т. VII, в. 1, М. 1921, стр. 37—38.

¹¹ По данным о раскладке дополнительного промыслового налога, число предприятий, привлеченных к раскладке, изменялось по всей империи: в 1913 г. — 626 643, в 1914 г. — 617 823, в 1915 г. — 565 780. Сюда входит и значительное количество мелких и средних торгово-промышленных предприятий, вновь привлеченных к раскладке. («О влияния войны» Изд. Мин. фин. ПТГ, 1916 г. стр. 22).

¹² Жуковский, председатель ЦВПК на II съезде военно-промышленных комитетов заявил: «Высшее правительство в лице бывш. председателя совета министров на все предложения, какие делались со стороны промышленности в 1914 г. от уральского съезда, от съезда промышленности и торговли, только отмахивалось («Труды II съезда ВПК») стр. 18).

И если раньше представители буржуазии подходили к вопросам военного хозяйства со стороны задач организации тыла — «единения всех сил» для обеспечения нормального и бесперебойного функционирования народного хозяйства, — то теперь они стремились выйти вперед с громко возведенным лозунгом «мобилизации промышленности». В порядок дня была поставлена задача приспособления всей хозяйственной жизни страны к интересам обороны. Вместо пассивной задачи противостоять разрушительному действию войны на народное хозяйство, они выдвинули активнейшую задачу подчинения всего народного хозяйства, а в первую очередь промышленности нуждам войны¹³.

Но тут вставал вопрос о том, кому надлежит руководить мобилизованной промышленностью: представителям ли объединенной буржуазии или же правительственным органам, подгоняемым союзниками, требовавшими максимального использования всей силы государственной власти для ведения войны. И, если в правительственных кругах и соответствующей печати защищалась идея м и л и т а р и з а ц и и промышленности, то буржуазная печать призывала к отказу от такого «упрощенного понимания» идеи мобилизации промышленности. Она ратовала за «свободную промышленность», за принципы личной инициативы, которая-де скрывает в себе больше «творческих сил», чем промышленность, находящаяся под «режимом принуждения и высшей регламентации»¹⁴. Испугавшись возможности принудительного регулирования всей промышленности, буржуазия вскоре стала отходить от первоначальной позиции перевода всей промышленности на обслуживание только войны. Вместо заявлений, подобных приведенному заявлению «Утра России» от 23 мая, т. е. в самом начале «мобилизационной кампании», стали раздаваться голоса о том, что «все для войны не значит ничего для тыла»¹⁵.

С самого начала кампании по мобилизации промышленности возникли разногласия между отдельными капиталистическими группами. Организации военно-промышленных комитетов с опаской оглядывались на правительство, боясь, что оно приберет к рукам промышленность. Группы, призывавшие к земствам, наоборот, тем решительнее становились на путь полной милитаризации. Впервые мысль о принудительной милитаризации промышленности была выдвинута Московским губернским земским собранием от 2 июня. В принятой этим собранием резолюции указывалось на необходимость принятия мероприятий, узаконяющих возможность широкого вмешательства государственной власти в дело приспособления промышленности к нуждам обороны, в дело технической и экономической организации самого производства и в дело определения условий труда. Предполагалось создать на местах коллегиальные органы с участием совместно с представителями правительства представителей общественных организаций, близких к обслуживанию армии, а также промышленников. Харьковские и другие губернские земства поддерживали эту точку зрения московского земства.

Смысл создания подобных организаций заключался в том, что они могли

¹³ «Утро России», (орган Рябушинского) от 23 мая 1915 г. очень ярко формулировало эту новую задачу следующим образом: «Надо, не медля ни одной минуты, мобилизовать всю промышленность и приспособить все фабрики и заводы только к нуждам войны. Требования рынка и частного обихода должны быть поставлены на задний план, и каждое предприятие, которое нужно для войны, должно быть усилено станками и машинами с тех фабрик, где нет работы для обороны. Все рабочие должны быть мобилизованы, переведены на военное положение и прикомандированы на те предприятия, где они нужны, так как в такое время работа у станка или при машине также ответственна и нужна, как часовой на передовых позициях».

¹⁴ См. статью С. Мигулина в ежегоднике «Речи» за 1915 г.

¹⁵ Там же.

предоставить в руки правительственного аппарата распоряжение всей промышленностью страны и следовательно укрепить силу государственной власти.

Борьба велась почти в открытую. И если А. И. Шингарев в кадетской «Речи» возражал против милитаризации промышленности и принудительного государственного регулирования, жеманно выставляя в качестве фигового листка мотив о пользе «свободного творчества» и вреде «механического подчинения»¹⁶, то орган Рябушинского «Утро России» прямо и откровенно ставил вопрос о том, кто будет руководить организацией дела обороны — правительство или «производительные силы России»?

Тяжелые военные неудачи создали в правительственных кругах панические настроения. Буржуазия систематически пользовалась этим для все возрастающих попыток организовать свои силы, сплотить ряды и закрепить свое положение в качестве организатора «общественных сил» для дела обороны. По постановлению XI съезда представителей промышленности и торговли была создана весной 1915 г. организация «военно-промышленных комитетов» с Центральным комитетом в Петербурге и рядом областных и местных комитетов по всей стране.

На съезде военно-промышленных комитетов, открывшемся 25 июля 1915 г. в Петрограде, очень оживленно обсуждался вопрос о мобилизации промышленности и ее характере. В принятой резолюции зафиксировано «категорическое» мнение съезда о том, что «свободный почин промышленных кругов в деле мобилизации промышленности приводит с логической неизбежностью к требованию, чтобы им было предоставлено самим без принудительной регламентации и правительственного вмешательства исполнить свой долг перед родиной»¹⁷.

Вопрос о милитаризации обсуждался несколько раз на возникшем с осени 1915 г. «особом совещании по обороне». 19 декабря 1915 г. военный министр утвердил проект мобилизации промышленности. Пришлось отказаться от открытой формы милитаризации, ибо это потребовало бы и милитаризации рабочих, на которую при остроте классово-борьбы, не решалось ни правительство, ни буржуазия. Проведены были лишь отсрочки от военной службы для работающих на оборону. Остальные рабочие свободно передвигались с предприятия на предприятие.

Неустанная открытая борьба, которая все время велась между военно-промышленными комитетами и правительством, тормозила процесс приспособления промышленности к обслуживанию войны.

В результате осуществление этой важнейшей для обеих господствующих групп задачи шло в разбивку, разнородными путями. Основное было сделано благодаря стихийному действию создавшейся высокой конъюнктуры: непрерывный рост потребностей войны, обуславливающий высокие и непрерывно возрастающие цены, заставило капиталистов приспособлять все, что только было возможно, к работе на оборону. Переход ряда предприятий, до войны работавших в различных отраслях мирной промышленности, на оборонную работу совершался в значительной мере стихийно, на основе обычных законов рыночного хозяйства.

Что касается правительственных мероприятий, то они шли по линии развития работы казенных заводов — как существовавших до войны, так и особенно со второй половины 1915 г. по линии создания новых. Вследствие трудности доставки оборудования из-за границы — это дело однако большим успехом не отличалось.

Больше успеха имело предпринятое Главным артиллерийским управлением с начала 1915 г. объединение промышленников в области снарядного

¹⁶ «Речь» № 184 за 1915 г.

¹⁷ Ежегодник «Речи» за 1915 г., стр. 478.

дела и изготовления взрывчатых веществ. Организация генерала Воейкова по налаживанию выработки снарядов охватила ряд заводов в центре и на юге России и в короткий срок создала крупное производство для обороны, правда, дезорганизовав производство сельскохозяйственных машин и др.

После военного поражения весной 1915 г., когда выяснилось тяжелое состояние снабжения армии, правительство обратилось к практике создания «особых совещаний по обороне». Их задачей вначале было «изыскать пути к покрытию замечаемого в армии недостатка некоторых предметов артиллерийского снабжения»¹⁸. Впоследствии функции этих «совещаний» расширились, и они стали регулировать основные отрасли хозяйства.

Довольно значительную роль сыграла деятельность так называемых общественных организаций в лице военно-промышленных комитетов, всероссийских земских и городских союзов. Однако на долю этих организаций, выступивших на сцену в середине 1915 г., выпала организация лишь средней и мелкой промышленности.

К концу 1915 г. начали также сказываться результаты переселения в центральные районы России промышленных предприятий из эвакуированных местностей Западного края.

В западных губерниях был сосредоточен ряд крупнейших производств, а именно: Домбровский каменноугольный и железорудный район, текстильная промышленность в Жирардове и Лодзи, варшавская машиностроительная промышленность, ряд металлических, текстильных и резиновых предприятий в Риге и т. д.

Вопрос о необходимости эвакуации наиболее крупных предприятий встал перед русским правительством уже в начале войны. Часть сырья была вывезена еще осенью 1914 г. из Польши во внутренние губернии. Но так как эвакуация производилась лишь по распоряжению военных властей, то дело было поставлено из рук вон плохо. Эвакуация всегда происходила в спешке. Отдельные части предприятий отправлялись в разные концы страны. Вагоны, нагруженные частями эвакуированных фабрик, подолгу стояли без отправки, зачастую они разгружались на пути, когда возникла потребность в вагонах. Оборудование портилось, приходило в негодность. Пришлось создать в Москве бюро по розыску эвакуированных грузов. Впоследствии это бюро перешло в ведение Центрального военно-промышленного комитета. В январе 1916 г. была создана при совещании по обороне особая подкомиссия по упорядочению дела эвакуации. Расходы по эвакуации покрывались казной.

Крупнейшие промышленные предприятия, эвакуированные из занятых прифронтовых областей, были размещены в различных городах России. Из 150 предприятий, эвакуированных из Риги, 47 открыли свои работы в Москве, 20 — в Петрограде. Из 160 предприятий Литвы 47 осело в Москве, 25 — в Петрограде. Из крупнейших предприятий открыли свои действия: Жирардовская мануфактура из Польши — в Москве, Русское А. Е. Г. из Риги — в Харькове, Тотто Эрбэ из Риги — в Нижнем Новгороде; познанская мануфактура из Лодзи — в Орле, шоколадная фабрика Ж.-Борман — из Польши — в Александрове. Много предприятий осело в районе Донского бассейна, в Поволжье, Сибири и т. д.¹⁹

К 1916 г. свыше тысячи крупных предприятий, эвакуированных из Западного края в различные города России, уже приступило к работе главным образом на оборону²⁰.

¹⁸ Архив особого совещания по обороне. Журнал заседаний № 1, см. «Очерки по истории октябрьской революции», под ред. Покровского т. 1, Гиз, 1927 г.

¹⁹ «Промышленность и торговля», 15 дек. 1915 г. и 2 января 1916 г., см. также «Фогель», Ди Виртшафтскриг, Йена 1918 г. стр. 178.

²⁰ «Новый экономист» № 2. 1917 г., обзор за 1916 г.

Каковы были результат тех процессов, путем которых русская промышленность так или иначе становилась на работу для целей империалистической войны?

Работа ее в этом направлении, по данным переписи 1918 г., разработанным Воробьевым²¹, рисуется в следующем виде:

По 2 290 крупнейшим предприятиям, непрерывно работавшим с 1913 до 1918 г. (охватившим около $\frac{1}{8}$ всех предприятий, и $\frac{3}{4}$ всего числа рабочих учтенных переписью), рабочих, занятых в работающих для войны предприятиях, было в 1916 г. 88,6%, занятых в мирной промышленности — 11,4%. По валовой продукции соотношение было таково: в 1916 г. — 94,0% продукции падало на предприятия, работавшие на войну, и только 6% — на мирные. В машиностроительной промышленности в 1913 г. предметы военного назначения составляли 26,3% всей продукции, предметы мирного потребления — 73,7%, в 1916 г. предметы военные — 78,3%, «мирные» — 21,7%.

Журнал «Промышленность и торговля» за 1915 (№ 25) сообщает: «В последние месяцы число частных заказов сократилось до минимума... и объединенные обществом «Продамте» металлические заводы заняты выполнением исключительно заказов казны и для казны, связанных с нуждами государственной обороны».

Так как в «Продамете» было объединено $\frac{4}{5}$ всего рыночного отпуска²² железных изделий, то на частный рынок почти ничего не поступало.

Химическая промышленность, выросшая в годы войны, работала исключительно на оборону. Кожевенная промышленность также в значительной мере работала на оборону. Наивысший рост ее продукции приходится на 1915 г. Со следующего года намечается ее сокращение в связи с тем, что были получены от союзников большие партии обуви для армии, а также упряжь для артиллерии.

Что касается сырья, топлива, транспорта и пр., то само собой понятно, что оно почти полностью служило для удовлетворения военных потребностей.

Наряду с переходом целого ряда предприятий на работу для военных нужд происходил процесс полного замирания в производствах мирного характера²³.

Особенно пострадало производство с.-х. машин и орудий в связи с приспособлением этих предприятий к военному производству.

На II съезде Военнопромышленных к-тов было отмечено, что спрос на с.-х. машины может быть удовлетворен лишь на 8%.

Лесная промышленность, работавшая главным образом на экспорт, также принадлежит к числу наиболее пострадавших в годы войны. Целые районы, связанные с тем или иным производством замирали. В Северном районе почти совершенно замерла лесная промышленность, стекольная и известковая.

В восточном районе сократилась лесная промышленность, совершенно замерло скорняжное производство, закрылись пивоваренные и винокуренные заводы, сократились заготовки мехов, яиц. В тяжелом положении очутились прииски: платино- и золотопромышленность, добыча драгоценных камней и азбестовое дело. В Среднепромышленном районе замерла шелкоткацкая промышленность, стекольное и хрустальное производство, разработка леса, цементное производство, скор-

²¹ «Вестник статистики» ЦСУ, кн. XIV, по данным сборника «Россия в мировой войне», табл. стр. 70, 71, 73, приведенным также Сидоровым в «Очерках по Октябрьской революции», даны следующие цифры для 1916 г.: занято всего рабочих 2 443 тыс., из них 86% на обороне. Военных заводов всего 56, рабочих на них — 211 868 чел.

²² «Промышленность и торговля» 15 апреля 1917 г., стр. 257.

²³ О влиянии войны на некоторые стороны и т. д. Изд. М. Фин. 1916, стр. 230.

няжное дело, закупка экспортных мехов и сырых кож, кирпичное производство и др. В Среднечерноземном районе сократились заготовки экспортных товаров, закрылись пивоваренные, кирпичные, строительные заводы, Мальцевские стеклянные заводы, цементные, маслособойные, лесопильные, бетонные (Харьков).

Дело доходило до того, что вся промышленная жизнь целых районов полностью замирала.

По многим районам отмечалось замирание кустарных промыслов в связи с отсутствием сырья, рабочих рук, кредита, а также в связи с обнищанием населения.

2. Строительство новых предприятий

Идеологи буржуазии в первые годы войны особенно любили распространяться на тему о благотворном влиянии войны на хозяйство страны, о пышном расцвете промышленности.

Но высокая конъюнктура, которая создалась в специфических условиях военного времени, не могла вести к расцвету промышленности, ни благотворно влиять на народное хозяйство. Рост военной промышленности происходил при сокращении «мирной» промышленности. Рост снарядного производства означал лишь истощение запасов добывающей промышленности и ее ресурсов. Не было серьезного роста новых отраслей промышленности, а было только качественное перераспределение наличного производства в сторону непроизводительного военного потребления. За счет замирания огромной части мирного производства выросла военная промышленность, хищнически растрачивавшая не только доход, но и капитал страны. Рост отдельных отраслей вызывал полный развал других и общее падение совокупных производительных сил. Огромные прибыли соответственно означали разбухание карманов военных поставщиков и торговцев за счет непрерывного разорения всего населения.

При всей своей апологетичности буржуазные профессора не были в состоянии скрыть действительных трудностей, которые переживало хозяйство страны.

Буржуазный профессор Гриневецкий²⁴, наиболее серьезно работавший над вопросами военной промышленности, хотя и считал результаты, достигнутые промышленностью по количеству ее продукции и техническому оборудованию «нежданно благоприятными», пришел к следующему заключению: «Само собой разумеется, что не только устройство новых предприятий, не только наладка новых производств, но даже и непрерывное поддержание старых производств, обеспеченных ранее запасами материалов, представляло при таком положении снабжения и транспорта значительные затруднения»²⁵.

Еще менее отрадную оценку мы находим в обзоре буржуазного журнала «Новый экономист»²⁶, за 1916 г. На основе подробного анализа тяжелых условий развертывания работы промышленности обзор констатирует, что «многие фабрики и заводы вынуждены были вернуться к своим устаревшим устройствам с производительностью, не отвечающей потребностям момента».

Т. Сидоров²⁷ явно переоценивает происшедшее якобы за годы войны «значительное усиление и улучшение технического оборудования промышленности... как за счет усиления ввоза механического оборудования, так и развития внутреннего машиностроения». Совершенно необосновано его

²⁴ «Послевоенные перспективы русской промышленности».

²⁵ Там же.

²⁶ «Новый экономист» № 2. 1917 г.

²⁷ Очерки по истории Октябрьской революции под. ред. Покровского, т. 1, 1927 г., стр. 80.

утверждение о том, что «в техническом отношении оборудование совершалось тем же темпом, что и во время подъема».

Были ли условия для такого мощного размаха дела технического переоборудования промышленности в обстановке войны?

Согласно данным обследования В. Е. Варзара к 1900 г. 63% всего оборудования русской промышленности было иностранного происхождения. Струмилин²⁸ считал, что такое соотношение было верно и для 1913 г.²⁹ Следовательно быстрый темп роста технического оборудования нашей промышленности требовал бы в первую очередь и соответствующего ввоза из-за границы этого оборудования.

Между тем условия военного времени не только не способствовали расширению ввоза, но, наоборот, обуславливали крайнее его сокращение. Сводные данные ЦСУ³⁰ о сумме ввоза промышленного оборудования в миллионах рублей (исчисленные в ценах 1913 г.) показывают сокращение ввоза промышленного оборудования.

Таблица 2

Г о д ь	Ввоз из-за границы в млн. рублей по ценам 1913 г.
1913	156,3
1914	114,0
1915	42,4
1916	108,2
1917	52,7

Те же данные ввоза оборудования, выраженные не в ценностных, но абсолютных данных в пудах, дают аналогичную картину. По данным того же Воробьева, ввезено оборудования:

Таблица 3

Г о д ы	
1913	11 871 тысяча пудов
1914	8 630 » »
1915	3 225 » »
1916	8 214 » »
1917	4 000 » »

За два основных года войны (1915 и 1916), когда работа по приспособлению промышленности к нуждам войны и ее переоборудованию получила наиболее полное развитие, ввезено меньше чем за один 1913 г. К 1917 же году развал по всей линии хозяйства страны уже обнаружился с полной ясностью.

В свете приведенных данных исключается и самая возможность приравнивания темпа технического роста промышленности в военные годы с действительно огромными темпами периода подъема.

Сравнение данных о ввозе оборудования за 1913 и 1915 гг. с его качественной стороны снова подтверждает тот же вывод.

Таблица 4

Ввезено из-за границы в тысячах пудов: 31

	1913 г.	1915 г.
Чугунных изделий	536	85
Железных и стальных изделий	2 310	1 617
Проволочных и жестяных изделий	1 940	3 268
Машин	19 096	2 820

²⁸ Струмилин, «Очерки по истории Октябрьской революции».

²⁹ П. И. Ляшенко считает что накануне войны потребность в техническом оборудовании покрывалась на 37% иностранным ввозом.

³⁰ «Вестник статистики», кн. XIV, ст. Воробьева

31 «Торговля и промышленность», 1917 г.

Ввоз машин упал с 19 млн. пудов до 2 млн. Увеличение ввоза проволочных изделий происходило преимущественно за счет роста импорта проволочных, резных и прочих гвоздей и колючей проволоки для военных нужд.

Таблица 5

	1913 г.	1915 г.
Ввоз паровых котлов упал с	507 тыс. пуд.	до 75 тыс. пуд
Ввоз простых с.-х. машин упал с	4 261 »	» » 93 »
» сложных » » »	2 261 »	» » 33 »

Обратимся еще к вопросу о внутреннем производстве машин. Поскольку все крупнейшие заводы были загружены заказами на непосредственные нужды военного ведомства, постольку чрезвычайно выросло производство станков для обработки металлов. Производство же двигателей и машин для промышленности сократилось до крайности. Производство подвижного состава, имея по свидетельству Гриневецкого «все данные для развития во время войны», сократилось на 40—60%, зато наибольшего развития достигло снарядное производство. Ценнейшие станки самых различных предприятий были заняты производством снарядов. Очевидно, что это расширение снарядного производства не только не означало и не способствовало росту технического оборудования промышленности, но, наоборот, разрушало старые, налаженные производства, выводило из строя ряд крупнейших предприятий мирного характера.

Из новых отраслей производства, получивших свое развитие в годы войны, следует отметить химическую промышленность и автомобильное производство. Однако до 1917 г. ни один из всех 8 автомобильных заводов, строившихся в различных районах, не был пущен в ход. Развитие химической промышленности также запоздало для войны.

Каковы общие данные о работе промышленности в годы войны?

По данным переписи 1918 г.³², из 9 728 зарегистрированных предприятий было всего 4 803, т. е. 49,4%, непрерывно действовавших за весь период 1913—1918 гг., с перерывом действовало 8,9%, закрывшихся предприятий было 2 291, т. е. 23,5%, вновь открывшихся 1 914, т. е. 12,3%, вновь открывшихся и закрывшихся — 4,1%, эвакуированных 1,8%. Число закрывшихся предприятий почти вдвое превышает число вновь открывшихся. Конечно закрывались главным образом более мелкие предприятия, наоборот, вновь открывались предприятия в большинстве крупные. Кроме того учет количества предприятий не вполне отражает действительное положение вещей, ибо расширение отдельных предприятий не принимается во внимание. Но даже и при таких поправках дело «технического прогресса» не выглядит так блестяще, как это хотели изобразить буржуазные ученые дифирамбами «высокой конъюнктуры», учредительской горячке и высоким прибылям.

Рассматривая отдельно работу предприятий, связанных с оборонной, обнаруживаем расширение производства как по количеству занятых рабочих, так и по сумме продукции.

По данным, касающимся 2 290 предприятий непрерывно действовавших (следовательно крупных и крупнейших), движение производств по годам было следующее:

³² «Вестник статистики», кн. XIV, ст. Воробьева.

Таблица 6

Г о д ы	Среднее суточное число рабочих		Годовая выработка по ценам 1913 г.	
	в тысячах	в %	в млн. руб.	в %
1913	772,0	100	1 830,3	100
1914	795,0	102,3	1 915,6	107,5
1915	825,0	106,9	2 467,4	134,4
1916	872,3	113,0	2 631,4	143,8
1917	912,3	118,2	1 844,6	100,8

Значительное развитие оборонной работы промышленности происходило в 1915 и 1916 гг. Но рост количества занятых рабочих сопровождался качественным ухудшением его состава, в связи с мобилизацией, недостатком квалифицированных рабочих и широким привлечением военнопленных, труда женщин и детей. Увеличение продукции, само собой разумеется, было увеличением военного снаряжения, т. е. предметов непроизводительного потребления. Оно не могло вести ни к росту производительных сил, ни к росту технической оборудованности промышленности страны.

Подводя итоги вопросу о приспособлении русской промышленности к нуждам войны, мы приходим к следующим выводам.

К моменту начала войны промышленность России оказалась неподготовленной к возникшим затруднениям. Низкий уровень технического оборудования, слабое развитие машиностроения, зависимость от заграничного снабжения и пр. создавали значительные затруднения делу перестройки всей промышленности на снабжение войны.

Борьба между правительством и буржуазией, их взаимное недоверие вскрывали неспособность каждой из этих групп справиться с делом организации хозяйства для ведения войны, обессиливали обе стороны и вели к неизбежному краху всего дела обороны.

Высокие военные прибыли на капитал, вздувшиеся спекулятивные цены, срочность всех заказов, а также недостаток как квалифицированных, так и вообще рабочих, недостаток сырья, топлива, всяческих привозных материалов и пр., — все это направляло приспособление промышленности к войне преимущественно по линии переделки и приспособления существующих заводов к военному производству и в гораздо меньшей мере к новому строительству или серьезному улучшению оборудования старых. В результате промышленное оборудование за военные годы изнашивалось, а ряд производств был совершенно разрушен. Производительные силы страны подвергались сильнейшему разрушению.

3. Рост концентрации и монополий

Война гигантски ускорила дальнейший рост и укрепление империалистических форм в экономике России. Быстрыми темпами росли концентрация и централизация производства и капитала, сращивание промышленности с банками, образование монополий. Одновременно росло и иностранное влияние.

Острый недостаток сырья, топлива, оборудования и всякого рода материалов, который ощущался в стране чуть ли не с самого начала войны и который все углублялся по мере роста потребностей войны, сокращения производства и истощения запасов, — все это неизбежно побуждало крупнейшие предприятия к объединениям в целях наиболее полного овладения наличным сырьем, с одной стороны, и наилучшего использования своего монополь-

ного положения, с другой. Мелкие же производства, будучи не в состоянии обеспечить себя сырьем, топливом, необходимым кредитом, должны были либо закрываться, либо также вступать на путь объединений, приспособившись в том или ином виде к работе на войну. Возрастающий спрос военного ведомства, рост военных заказов и прибылей, также немало способствовали быстрому образованию крупнейших трестов и синдикатов, объединявших зачастую не только целые производства, но и ряд смежных производств.

В наиболее крупных монополистических объединениях в промышленности отметим состоявшееся в этот период соглашение между двумя крупнейшими конкурировавшими группами нефтяной промышленности: «Рашен Ойль» — англо-французской и «Нобель» — русской, за которыми стояли Русско-азиатский и Петербургский международные банки. Произошло далее слияние группы крупнейших объединений: коломенских заводов, сормовских, выксунских, белорецкого и донецко-юрьевского общества, образовавших крупную монополию. Объединились под влиянием общества «Кавказ и Меркурий» все пароходства по Волге, Мариинской системы и Днепру. Распространено было влияние Русско-азиатского банка на текстильные предприятия, объединенные бароном Кноппом и др.³³

Процесс концентрации и образования монополий гигантски рос также и по отдельным отраслям. Наибольшее завершение этот процесс получил в нефтяной промышленности, тесней всего связанной с иностранным капиталом. Вся нефтяная промышленность мира до войны была сосредоточена в 16 синдикатах, державших в своих руках торговлю нефтью во всех странах. Общая сумма их основных капиталов достигала 1852 млн. руб. 10 из этих синдикатов были непосредственно заинтересованы в русской нефти. Перед самой войной эти 10 синдикатов имели на 363 млн. рублей акций русских нефтяных предприятий. Эти акции были распределены так, что три крупнейших синдиката: англо-французский «Рашен Ойль», англо-франко-немецкий «Шелль» и русский «Нобель», владели подавляющим большинством акций — на сумму около 250 млн. руб. Остальные семь на сумму около 113 млн. руб.³⁴. Центр тяжести этих синдикатов за исключением «Ойль» и «Нобель» находился как до, так и во время войны на лондонской бирже³⁵. Эти группы вели жестокую конкурентную войну, которая в 1917 г. закончилась победой группы «Нобеля».

Слияние другого крупнейшего объединения — «Нефть» — с бакинским нефтепромышленным обществом охватило 10 крупных нефтяных компаний и транспортных обществ, обладавших в общем капиталом в 100 млн. рубл. Большим числом акций этого объединения владел парижский торговый дом Дрейфус и К^о. Вплоть до самой революции между указанными двумя крупнейшими объединениями шла непрерывная конкурентная борьба.

Во все время войны акции нефтепромышленности стояли очень высоко, так как недостаток каменного угля, с одной стороны, и вновь открывшиеся скважины — с другой, открывали блестящие перспективы для нефтепромышленности. Цены на нефтепродукты поднялись неизмеримо высоко.

И тем не менее производство в нефтяной промышленности пере-

³³ Ванаг и Томсинский, Эк. хоз. России, 1928 г. Гиз, стр. 281.

³⁴ «Новый экономист» № 13 от 26 марта 1916 г. и «Торгово-промышленная газета» от 15/II 1911 г.

³⁵ «В 1913 г. на лондонской бирже котировались из 79 бумаг англо-русских предприятий с капиталом 266,2 млн. руб. ценные бумаги 55 нефтепромышленных предприятий с капиталом 149,5 млн. руб., или около 60% всех капиталов русских ценностей в Лондоне. На парижской бирже — 12% акций нефтепромышленных предприятий с капиталом 7699 млн. руб., между тем как в Петербурге только ценные бумаги 17 предприятий с капиталом 93,9 млн. руб.» («Русские биржевые ценности 1914—1915 гг.» под ред. Боголепова).

живало процесс разрушения. На бакинских нефтяных площадях количество пробуренных саженей к 1916 г. сократилось по сравнению с 1913 на 33,8%, а количество начатых бурением новых скважин на 50%. Сами нефтепромышленники, докладывая председателю совета министров о состоянии нефтепромышленности в специально поданной на этот счет «памятной» записке о современном состоянии нефтепромышленности, писали: «Как абсолютная, так и относительная оценка цифровых данных, относящихся к состоянию буровых работ на главных площадях нефтедобычи приводит к заключению, что буровая деятельность повсюду значительно сократилась, проявляя и в будущем тенденцию к дальнейшему сокращению и угрожая уже в непосредственно близком времени резким падением добычи с возможными катастрофическими последствиями такого положения вещей».

Так, наряду с повышением организационных форм нефтепромышленности происходило снижение ее производительности. В этом одна из характернейших особенностей централизационного процесса в годы войны. Рост монополий сопровождался небывалым усилением загнивания.

В горнозаводской промышленности «фузии» и «сращивания» также получили большое развитие путем скупки акций важнейших компаний и предприятий. Горнопромышленность Урала была объединена в три основных группы, из которых каждая зависела и финансировалась крупным банком. 5 крупнейших заводов, куда входили такие гиганты Урала, как Верхнеисетский завод, Лысьвенский завод, Богословское горностроительное общество, имевшие большинство акций Комаровского общества и южноуральских копей, были объединены и возглавлялись Азовско-донским банком.

Русско-английский банк объединил 3 крупнейшие группы, куда входили: Северные заводы, Сысетский горный округ и Николаевско-правдинское о-во. Третья группа, возглавлявшаяся Русским для внешней торговли банком, состояла из О-ва сысетских горных предприятий и вновь основанного Акционерного о-ва демидовских заводов»⁸⁶. Процесс объединения промышленности, «сращивания» ее с банками и образования монополий происходили ускоренным темпом.

Способствовала ли монополия подъему производительных сил уральской промышленности? «Нередко из уст самих уральских горнопромышленников приходится слышать горькие жалобы на то, что банки своим вмешательством тормозят общий ход нормального развития финансируемых ими предприятий. Часто бывает, что дивидендная политика, преследуемая банками в интересах временного успеха, идет совершенно в разрез с насущными интересами данного предприятия»⁸⁷. В то время, как централизация капитала в уральской горнопромышленности шла гигантскими шагами по пути к монополии, производство деградировало. По данным ЦСУ, сравнение работы уральской промышленности в 1916 г. с 1913 г. показывает сокращение производства:

Таблица 7

Г о д ы	Число действующих домен	Вагранки	Производство чугуна в млн. пудов
1913	73	86	55,7
1916	59	75	46,0

⁸⁶ «Биржевые ведомости». Петроград, 9 мая 1917 г. (цит. у Фогеля)

⁸⁷ Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности, 1917 г., стр. 46.

А между тем 1916 г. считался рекордным для военного периода, ибо именно в этом году были приняты все возможные меры для поднятия производства.

Загнивающий характер централизационного процесса одинаково обнаруживается как и в более передовой нефтяной промышленности, так и в отсталой уральской горнозаводской.

На юге России централизационный процесс принял несколько иные формы. Крупные и крупнейшие предприятия поглощали более мелкие, наибольших размеров здесь достиг процесс объединения предприятий вокруг компаний с преобладанием иностранного капитала. Процесс концентрации еще до войны достиг громадных размеров в южнорусской промышленности, вылившись в организацию небольшой группы монополистических синдикатов. В годы войны монополистические тенденции еще более усилились. Так в 1916 г. возник проект объединения крупнейших синдикатов тяжелой индустрии: «Продамета», «Продвагон», «Кровля», «Проволока». Объединение не было осуществлено вследствие того, что правительство нормировало цены на железно. Проект объединения выдвигался иностранным капиталом и поддерживался русским правительством. В русских буржуазных кругах этот проект встретил сильное противодействие: о нем был даже внесен специальный запрос в Государственную думу. Правительство оказалось между Сциллой и Харибдой: с одной стороны, нажимали иностранные финансовые группы, опираясь на которые правительство стремилось удержаться у власти, с другой — все возрастало наступление национальной буржуазии, почувствовавшей бессилие правительства и стремившейся к власти.

В годы войны широко распространились слияния смежных отраслей промышленности, а также слияние целых отраслей промышленности с банками. В металлургической промышленности особенно сильно было стремление их к влиянию на горную и каменноугольную промышленность в связи с остро стоявшей проблемой сырья и топлива. Журнал «Промышленность и торговля»³⁹, орган Совета съездов представителей промышленности и торговли, оценивая общее положение в металлургической промышленности, констатирует, что к 1917 г. металлургическая промышленность Юга и Урала была прекрасно организована, причем «в руках крупнейших коммерческих банков находятся главнейшие нити их финансирования»; одновременно росло влияние иностранного капитала в металлургической промышленности.

Аналогичные процессы происходили и в ряде «мирных отраслей». Сахарная промышленность достигла высокой степени концентрации, одновременно ряд заводов перешел к банкам. Банки в порядке спекуляции перепродавали крупные партии акций и паев друг другу. Концентрация сахарной промышленности не вызывалась причинами производственного характера, а исключительно различными финансовыми комбинациями⁴⁰, и в текстильной промышленности быстрым темпом совершался процесс централизации: 48 предприятий объединились, образовав вступительный капитал в 2 млн. руб., и вошли в состав крупнейшего акционерного о-ва текстильной промышленности. Так возникло объединение «Катушка»⁴¹. Своеобразный характер концентрации и централизации в годы войны очень ярко вскрывает исключительную глубину паразитизма и загнивания капитализма в России в этот период: при гигантском темпе роста монополистических орга-

³⁹ от 22 июля 1917 г.

⁴⁰ «Новый экономист» № 13, 1916 г.

⁴¹ «Известия ЦВПК» № 189.

низационных форм происходило загнивание и разложение самого производства, органический состав капитала не повышался. Не выгодно было увязывать большие капиталы в основной капитал в период того специфического оживления в промышленности, когда обороты огромны, цены на товары растут и спекулятивные дела наиболее прибыльны. Оборудование в общем и целом не улучшалось, ибо улучшить его было невозможно, с одной стороны, из-за общего сокращения ввоза из-за границы, с другой — поскольку ближайшей задачей крупнейших заводов было обслуживание непосредственных нужд армии. Производство, как мы уже выше отмечали, сокращалось в важнейших отраслях промышленности.

Производительность труда в связи с целым рядом условий, созданных обстоятельствами военного времени (мобилизация старого кадра рабочих, привлечение труда женщин, детей и военнопленных, также ухудшение качества сырья, изнашивание машин и пр.), значительно понизилась. Почти во всех отраслях народного хозяйства наблюдалось падение средней выработки одного рабочего в годы войны по сравнению с довоенным временем.

Объединение предприятий посредством скупки их акций еще как общее правило не вызывало реорганизации их производства. Зато это повышало доходы банкиров и финансовых тузов. Сращивание или поглощение мелких объединений крупными и крупнейшими диктовалось видами на использование рынка сырья, топлива, условий транспорта, а также на монопольные цены.

Конечно капиталист в нормальное время не ставит себе никаких иных целей кроме наживы. Но обычно он ради нея вынужден бывал повышать технику, улучшать производство. В нормальных условиях капиталистического развития образование монополий обычно сопровождается строительством предприятий-гигантов, улучшением техники и экономики производства. Раз возникнув, монополии уже порождают тенденцию к застою и загниванию. Но путь к современным монополиям в обычных условиях лежал через повышение технического базиса производства. В условиях же мировой войны, развязавшей общий кризис капитализма, все развитие, все процессы получили специфический характер. В своеобразных условиях царской экономики стремление к монополии прокладывало себе дорогу через процесс механического, если можно так сказать, объединения предприятий на старом производственном базисе, что позволяло использовать монопольное положение на рынке без повышения техники и не сопровождалось ростом производительности труда.

Тенденции паразитизма и загнивания, присущие империализму, крайне усилились в условиях военного времени, проявились в наиболее развернутом виде в царской России. Повышение организационных форм капитализма в России в условиях военного времени происходило наряду с неуклонным падением производительных сил и служило прикрытием совершавшегося их разрушения.

Ускорение концентрации производства сопровождалось и ускорением концентрации и централизации капитала. Однако и этот процесс принял своеобразные формы. В нормальное время централизация капитала, собирая разрозненные, а также бездействующие капиталы, объединяя их, гонит в производство и способствует оплодотворению промышленности и общему расцвету хозяйственной жизни. Условия же военного времени, способствуя расцвету спекуляции, задерживали приток капиталов в сферу производства.

Расцвет спекуляции был вызван в первую очередь падением денежной единицы, в связи с общим расстройством денежно-финансовой системы в го-

ды войны. Непомерные потребности войны заставили все воевавшие государства обратиться к печатному станку за покрытием образовавшихся бюджетных дефицитов. Рост же бумажно-денежной массы сопровождался ускоренным падением ее ценности ⁴².

Но помимо падающей денежной единицы спекуляции способствовал еще целый ряд причин, как-то: недостаток товаров при растущем спросе на них, сокращение привоза из-за границы целого ряда товаров, сокращение внутреннего производства, крайнее расстройство транспорта и следовательно сокращение грузооборота, быстрый рост цен, дававший легкую возможность наживаться на торговле без значительных (а иногда и без всяких) затрат капитала. Спекуляция захватила как мелкую частную торговлю, так в гораздо больших масштабах самые крупные фирмы и больше всего банки.

Условия военного времени оказались благоприятными для расцвета деятельности банков. Банки сделали содержанием своей деятельности спекуляцией. Свыше 60% банковских средств ⁴³ было занято в спекуляциях. Господство банков стало столь одиозным, что оно вызвало быстрые нарекания в различных общественных слоях. Черносотенный проф. Мигулин требовал осуществления правительственного надзора над банками.

«... Ни для кого не секрет, — писал он, — что уставы наших коммерческих банков давно уже не соблюдаются, и банки производят операции, по уставу им неразрешенные. Наши банки до известной степени из «коммерческих», задача которых состоит лишь в учете краткосрочных торговых обязательств, превратились в «промышленные», т. е. финансирующие промышленность. Независимо от этого банки занялись и торговлей. Банки стали строить железные дороги, сооружать фабрики и заводы, в руках банков оказались акции почти всех наших промышленных предприятий, а вместе с тем и самые предприятия. Банки стали торговать хлебом и сахаром, нефтью и углем, железом, медью, хлопком, шерстью и т. д. и т. д. Банки стали синдицировать промышленность и стали сами объединяться в синдикаты. Сосредоточив в своих руках громадные капиталы (на 1 апреля 1916 г. собственные капиталы акц. банков исчислялись в 886 млн. руб.), банки естественно оказались в роли фактических хозяев всей нашей промышленности. В зависимость от банков попала в значительной степени и печать. Влияние банков не могло не отразиться и на деятельности правительства. Отсюда явилось большое искушение и для иностранного капитала — владеть нашими банками, а вместе с тем захватить в свои руки всю русскую промышленность и даже политическое влияние» ⁴⁴.

Свои скандальные спекулятивные дела банки проделывали настолько откровенно и открыто на глазах широкой публики, что так называемое общественное мнение было возмущено. Чупровское о-во даже привело специальную анкету для выяснения роли банков в торговых операциях.

Один из участников произведенного обследования проф. П. П. Гензель, — всегда приукрашивавший капитализм, а ныне распространяющий клевету против СССР, — даже этот апологет жаловался на «представителей банковских сфер». «К сожалению, у нас питают слишком мало доверия к

⁴² «Обесценение платежных средств, как бы вредно ни было его влияние на народное хозяйство, в частности о-хозяйственном смысле сулит капитализму исключительные возможности. Спекуляция переживает золотые времена. Происходит перераспределение имущества разных классов и даже народов» (Э. Шульце, Развал мирового хозяйства, перев. Дволайского, Гиз, 1923 г. стр. 43).

⁴³ См. брошюру изд. журн. «Промышл. Россия» о спекуляционной деятельности банков.

⁴⁴ «Новый экономист» № 19 от 7 мая 1916 г.

представителям научного мира... и представители банковских сфер, за немногими исключениями, решительно отказывались отвечать по пунктам...». Но и при этих условиях профессор мягко констатирует: «Прямое финансирование товарной спекуляции — притом финансирование, быстро возроставшее за время войны, — непосредственно раскрывается сводным балансом наших частных банков»⁴⁵.

Увлеченные спекуляцией банки проявили полное равнодушие к субсидированию промышленности. Промышленность, лишившись кредита частных банков, вынуждена была обратиться к государственному банку за соответствующими субсидиями под угрозой закрытия производства. Частно-коммерческие банки еще с самого начала войны закрыли кредит, «бросив торгово-промышленный оборот в значительной степени на произвол судьбы».

Банк и кредит — могучий рычаг капиталистического развития. Но их спекулятивная паразитическая деятельность во время войны обескровила промышленность, лишив ее необходимого притока капиталов⁴⁶.

Насколько слабым был приток капиталов в производство, показывает состояние акционерного учредительства. Несмотря на оживленную «учредительскую горячку», действительное строительство было крайне вялым.

Таблица 8

Вновь возникло акционерных обществ за годы войны

Г о д ы	Число акц. обществ	Капитал в млн. руб.
1913	399	526,0
1914	334	422,5
1915	321	400,7
1916	584	923,5
И т о г о	1638	2281,7

В первые два года войны акционерное строительство значительно сократилось. Оно развернулось лишь в 1916 г., но и здесь действовали специфические условия. К 1916 г. курс рубля был уже катастрофически низок, свободных наличных капиталов было очень много, и владельцы их стремились обеспечить себя от их обесценения, покупая акции. К тому же многие предприятия сильно повысили дивиденды.

Однако более внимательный анализ данных об учредительстве показывает, что из общего числа 1 638 вновь учрежденных за 1913—1916 гг. акционерных обществ с учредительным капиталом в 2 282 млн. руб. всего только 402 акционерных общества, с капиталом в 603 млн. руб. стали функционировать до 1 января 1917 г., причем из них 223 общества с акционерным капиталом в 339 млн. руб. являлись продолжением существовавших ранее как единоличные предприятия. Итак, только 179 обществ с 263 млн. были действительно новыми.

Новый капитал в 263 млн. руб.—это стоимость вновь выпущенных акций при обесценении рубля и огромной централизации капиталов,—сумма несомненно крайне незначительная.

Новые выпуски акции только в редких случаях сопровождалась расширением и улучшением производства. Новые акции выпускались скорее с целью приведения в соответствие учредительского капитала с падающей валютой, а также с целью спекуляции полученными суммами, но меньше

⁴⁵ «Труды комиссии по изучению современной дороговизны, вып. 111, стр. 258,—259 ст. П. Гензеля, изд. Об-ва им. Чупрова, М. 1915 г.

⁴⁶ В нашей литературе существуют самые разноречивые подсчеты или оценки суммы вложений капиталов в русскую промышленность за период войны; проф. Боголепов (в сб «Народное хозяйство за 1915» изд. 1918 г.) определяет их в 325 млн. руб., Струминин (в «к проблеме капитала в СССР») — в 870 млн. довоенных руб., А. Штерн считает максимальную сумму в 500 млн, руб.

всего для улучшения производства. Такая политика акционерных обществ вызвала серьезное недовольство, критику их в различных общественных группах. В ответ на нападки акционерные общества ссылались на всяческие обстоятельства, якобы препятствовавшие действительному расширению предприятий, и откладывали это расширение до более «благоприятного» момента. Настолько скандальной была деятельность «учредителей», что правительству под влиянием возмущенного общественного мнения пришлось даже сделать кое-какие шаги к запрещению дальнейших частных эмиссий.

Итак, усилившаяся за годы войны деятельность банков и учредительская горячка, создавая оживление конъюнктуры, имели своим результатом неслыханное обогащение банкиров, спекулянтов, промышленников. Но производство страны, промышленность находились в тяжелом состоянии.

Те же условия, которые вызывали «учредительскую горячку», вызывали также и усилившееся стремление иностранного капитала к внедрению в русскую промышленность. Низкий курс русского рубля, общий недостаток капиталов в стране при повышенных требованиях войны, высокий учетный процент, — все это способствовало притоку иностранного капитала. Резкое падение курса русской валюты сказывалось в низкой цене акций русской промышленности, побуждало представителей иностранного капитала, особенно английского, французского, американского и японского, к закупке акций русских металлургических, нефтяных, машиностроительных, транспортных и прочих производств. Большой приманкой служили также виды на будущую эксплуатацию богатейших русских недр.

Сумма иностранных вложений на 1 января 1917 г. достигла 2,2 млрд. золотых рублей. Причем на государственные займы из этой суммы приходилось 256 млн., на акционерный и промышленный капитал — 1,9 млрд. золотых рублей.

По важнейшим отраслям промышленности вложения распределялись следующим образом в млн. руб.: горная — 834,3, металлургическая — 392,4, городское строительство — 259, 4, кредитные учреждения — 237,2, текстильная — 192,5, химическая — 83,6. По странам вложения распределялись в процентах следующим образом: Франция — 32,6%, Англия — 22,6%, Германия — 19,7%, Бельгия — 14,3%, Америка — 5,2%, остальные страны — 10,6%.

Возрастающее влияние иностранного капитала вызвало сильное недовольство в кругах русской буржуазии.

Проф. Мигулин в ответ на статью профессора Озерова в «Финансовой газете»^{46а}, в которой последний, возражая против государственных монополий, выдвигает опасение, что эта мера задержит приток иностранного капитала в русскую промышленность, пишет: «И теперь уже почти все русские богатства за бесценок перешли в руки иностранцев, и теперь мы отдаем даже даром в их руки наши нефтяные источники (например, в Майкопе и на Урале), которые иностранцы не разрабатывают, но уничтожают. Так вот (по Озерову — Э. Г.) в их руки надо отдать окончательно и все нефтяное производство, и сахарное, и табачное и т. д. — Что же оставить для деятельности русского капитала»^{46б}.

Кадетская печать, как и официальные издания военно-промышленных комитетов, полна выпадами против иностранного засилия. Впрочем, когда русская буржуазия сменила помещиков у власти, она была вынуждена продолжать по отношению к иностранному капиталу ту же царскую

^{46а} Орган финансовой буржуазии.

^{46б} «Новый экономист» № 3, 1916 г. стр. 6

политику. При Керенском разрабатывался план передачи в эксплуатацию американскому финансовому синдикату преобладающей части российских государственных рудников и горных заводов, концессий на эксплуатацию нефти на Сахалине, золотых приисков на Алтае, медных залежей на Кавказе, Уральской ж. д. При этом подчеркивалась необходимость протидеяствия японскому капиталу, который-де становится особенно активным на Сахалине и Урале ^{46в}.

Быстрое загнивание русского капитализма использовалось более сильными империалистическими странами для ограбления и наживы.

4. Попытки организации государственного капитализма

Мировая империалистическая война была продолжением политики финансового капитала. Основные противоречия империализма в эпоху мировой войны получили необычайное обострение. Во всех странах наряду с гигантским разрушением производительных сил, уничтожением живой рабочей силы и средств производства, растратой на военные нужды не только национальных доходов, но и значительной доли национальных капиталов, происходил ускоренный рост высших организационных форм, свойственных монополистическому капитализму.

Империалистическая война, будучи войной «технических высот» и требуя мобилизации всего народного хозяйства, создала необходимость для воевавших государств в более или менее плановом распоряжении имеющимися производительными силами и ресурсами. Распад мировых связей, резкое нарушение международного обмена, невозможность или крайняя затруднительность в получении извне целого ряда важнейших элементов производства и средств потребления, с одной стороны, крайнее сужение «мирной промышленности» — с другой, поставили с огромной остротой проблему более планированного и экономного потребления. Появилась необходимость в организации «военного хозяйства» под руководством капиталистической государственной власти.

Государственное вмешательство в экономическую жизнь страны диктовалось, конечно, целями господствующих классов. Английский министр Ллойд Джордж следующим образом объяснил цели мобилизации промышленности.

«Закон о защите страны дает нам власть над всеми заводами. Он дает нам возможность поставить на первую очередь работы, нужные правительству, мы можем распоряжаться каждой машиной и если где-нибудь мы встретим затруднение, министерство снабжения армии, пользуясь этим законом, может применить самые действительные меры».

Военно-государственный капитализм получил свое осуществление в ряде новых организационных форм и мероприятий, к которым относятся следующие: образование государственных монополий в области производства и торговли; организация так называемых принудительных синдикатов; организация «смешанных предприятий», где государство являлось пайщиком наравне с частными синдикатами или трестами: государственный контроль над производством частных предприятий; регулирование распределения сырья, средств производства, обязательность поставок и приема продуктов; государственное распоряжение сырьем, топливом, пищевыми продуктами, таксация цен; организация государственного кредита и т. д.

^{46в} Фогель, цит. раб. стр. 194, сведения составлены на основании данных иностранной, главным образом немецкой прессы и «Торгово-промышленной газеты» за 1916—1917 гг.

В каждой стране государственный капитализм осуществляется по-своему, сообразно особенностям своего предыдущего экономического развития и в зависимости от того особого положения, в которое та или другая страна была поставлена войной.

Понятно, что наиболее полно и всесторонне могло быть охвачено государственным вмешательством хозяйство той страны, где оно достигло наибольшей степени обобществления в форме частных монополий.

Там, где синдикаты, тресты, картели успели объединить в своих руках важнейшие отрасли народного хозяйства, были налицо технико-экономические возможности для проведения более полной милитаризации народного хозяйства. С другой стороны, давление принудительной необходимости было тем сильнее, чем более была б л о к и р о в а н а страна, чем резче, следовательно, должна была обнаружиться тенденция к «автаркическому», «самоудовлетворяющему» хозяйству и величайшей экономии. Именно в Германии концентрация и централизация зашли наиболее далеко, и кроме того она была наиболее полно отрезана от окружающего ее мира. Поэтому-то Германия могла представить наиболее классический пример «военного хозяйства» или военного государственного капитализма.

В годы войны организации трестовиков и синдикатчиков, в интересах которых и велась империалистическая война, поставили весь свой производственный аппарат на службу своему империалистическому государству. Правда, в начале войны мобилизационный процесс встречал ряд затруднений в связи с трениями между конкурировавшими группами финансового капитала, но общность интересов всех групп в империалистической войне превосходила внутреннюю конкуренцию между магнатами капитала. В общем германская буржуазия оказалась достаточно организованной и единой, чтобы обеспечить наиболее полное сращивание аппарата управления промышленности с аппаратом государственной власти. В короткое время вся промышленность Германии была перестроена в интересах снабжения военных нужд. Во главе этого дела стал особый «Центральный военно-промышленный совет» Кригсаушусс, созданный 9 августа 1914 г. по инициативе крупнейшего промышленника (глава «Всеобщей компании электричества») Вальтера Р а т е н а у. В этом совете принимали участие члены Союзного совета Германской империи, министр внутренних дел, представители банков и обоих союзов германских промышленников, объединивших тяжелую и легкую индустрию. Высший орган Кригсаушусса состоял из 24 крупнейших банковских и промышленных деятелей, представлявших 90% всей промышленности страны ⁴⁷.

Созданы были руководящие организации по отраслям. Туда входили представители предпринимателей и правительства. «Военно-химическое общество» имело целью распределение и доставку продуктов, необходимых армии и флоту. Таковы же «Военно-металлическое общество», «Военно-кожевенное» и «Общество для торговли шерстью». «Военно-хозяйственное общество» распоряжалось продуктами, доставлявшимися из занятых областей. Снабжение армии и страны продовольствием было в ведении трех организаций: «Имперской комиссии для закупок» в Гамбурге, «Военно-хлебного общества в Берлине» и «Центральной комиссии для снабжения армии» при министерстве внутренних дел ⁴⁸.

Различные формы государственного капитализма внедрялись и в Англии и во Франции, Америке, а также в России.

В царской России противоречие между политическим господством помещиков и экономической властью буржуазии, борьба между этими двумя

⁴⁷ Ю. Л а р и н, Гос. капитализм военного времени в Германии, Гиз, 1928, стр. 11—12.

⁴⁸ Ежегодник «Речи» за 1915 г., ст. Тугана-Барановского, стр. 453.

«классами за власть, обстановка недоверия и несработанности легли непродолимой пропастью на пути к осуществлению того слияния аппарата государственной власти с аппаратом управления народным хозяйством, которое должно лежать в основе госкапиталистической организации.

Правительство с начала войны ориентировалось на казенные заводы и на **з а г р а н и ч н ы е** закупки, решительно отводило попытки национальной промышленной буржуазии связаться с делом снабжения армии. Оно стремилось опереться на иностранную финансово-капиталистическую буржуазию, с которой было связано тысячью нитей, в надвигающейся борьбе за власть с национальной буржуазией. Что касается революционного движения, нараставшего в рядах пролетариата, то его оно надеялось подорвать мобилизацией и военными законами. Буржуазия же — через меньшевиков и другими путями — пыталась вовлечь часть рабочего класса в дело «оборонных» работ. В отлучении приспособления промышленности для обслуживания потребностей войны правительство до весны 1915 г. почти ничего не делало. И только с весны 1915 г. правительственные органы приступили к организации дела **р а с п р е д е л е н и я т о п л и в а**, сырья, продовольствия и т. д. В 20-х числах мая было учреждено «Особое совещание под председательством военного министра для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии принадлежностями боевого и материального снаряжения», или, как оно называлось коротко, «Совещание по обороне». В дальнейшем число особых совещаний выросло до четырех: к совещанию по обороне присоединились совещания по топливу, по продовольствию и наконец по перевозкам. Эти-то совещания и составляли остов плановых органов правительства. Существовал и другой ряд организаций по плановому руководству военным хозяйством. Это были организации, во главе которых стояла верхушка промышленной буржуазии, так называемые «общественные организации».

Сюда относятся прежде всего военно-промышленные комитеты и Всероссийский союз земств и городов «Земгор». В то время как первые представляли крупную, наиболее технически прогрессивную, наиболее связанную с правительством, а потому и наиболее радикальную группу буржуазии, во главе с «текстильщиками» (Рябушинский, Коновалов, Четвериков и др.), Земгор представлял мелкую и среднюю промышленность и капиталистических помещиков с известным князем Львовым во главе.

Известный деятель военно-промышленных комитетов **Ж у к о в с к и й** заявил на II съезде этих комитетов, что возникновение Особого совещания по обороне обязано двум причинам: с одной стороны, обнаружившемуся недостаточному снаряжению армии, с другой — отсутствию в правительственной среде знания наличных сил и средств страны. Он расценивал создание этих совещаний как акт отчаяния правительства перед катастрофой. Но и будучи актом отчаяния, особые совещания сохранили полностью облик и дух бюрократических учреждений, не способных ни понять, ни справиться с теми огромными задачами, за разрешение которых они брались.

З а д а ч и особых совещаний зафиксированы в соответствующих «положениях». Они сводились к следующему: надзор за деятельностью всех заводов и предприятий, работавших на оборону; содействие работе этих предприятий и создание новых; распределение военных заказов на русские и иностранные заводы и надзор за исполнением этих заказов. Председателю Особого совещания дано было право налагать секвестр на предприятия или имущество, смещать руководителей оборонных предприятий как казенных, так и частных, производить частные и общие реквизиции, давать разрешения на заготовку всяческих товаров на русском или заграничном

рынках без ограничения суммы, закрывать предприятия, устанавливать размер заработной платы на оборонных предприятиях и т. д.

Заводские совещания устраивались «для объединения деятельности отдельных заводов отдельных районов», как говорится в «Положении», и представляли нечто вроде трестов, руководимых представителями правительства и промышленников. Во всей системе правительственных совещаний, хотя количественный перевес в них был на стороне представителей общественных организаций, т. е. буржуазии, решающую роль играли фактически чиновники министерств, поскольку председатели этих организаций пользовались неограниченной властью. Что касается рабочих, то даже и не было попыток со стороны правительства привлечь их к «общенациональному» делу, как это широко практиковалось на Западе.

Правительство в своем стремлении наладить плановое ведение военного хозяйства, не могло опереться ни на силы буржуазии, ни на рабочий класс. Осуществление же плановой организации народнохозяйственной жизни бюрократическим путем, силою заскоружлых чиновников было затеею, заранее обреченной на неудачу. С другой стороны, и отсталость, преобладавшая разрозненного мелкого и мельчайшего хозяйства, слабое развитие транспорта и пр. не могли способствовать планомерной организации хозяйства. Отчасти и этим объясняется, что печать бессистемности, хаотичности, произвола и беззакония лежала на всех мероприятиях правительственных учреждений по регулированию хозяйственной жизни. В значительной своей части эти мероприятия сводились к следующему: у с т а н о в л е н и е т в е р д ы х ц е н городскими думами. В это дело вмешалось и министерство внутренних дел, поручивши его осуществление губернаторам. Нечего говорить о том, что в результате губернаторского творчества дороговизна и спекуляция росли непомерно, страна очутилась накануне продовольственной катастрофы. Еще больше хаоса внесли за пр е щ е н и я в ы в о з а, касавшиеся и района военных действий и тыла. В первом случае дело перешло в руки военных властей, во втором — к губернаторам. Те и другие ухитрились так «наладить» дело, что вывоз необходимейших продуктов, как масла, мяса, хлеба, овса и пр., из одной губернии в другую, иногда даже из уезда в город, был воспрещен. Создавалась полная разобщенность между районами производства и потребления, что привело к жестокой продовольственной разрухе. Когда же из ряда местностей раздалась жалоба на вредное влияние этих запрещенных, то совещание уполномоченных по губерниям, решив, что эти запрещения способствуют заготовкам для армии, оставило их в силе. Сами запрещения были случайны, разобщены, бессистемны и зависели от произвола губернатора.

Одной из важнейших мер было проведение хлебной разверстки. По постановлению Риттиха 29 ноября 1916 г. производители хлеба обязаны были поставлять его по норме, согласно определению Особого совещания по продовольствию. Расчет за поставку производился по твердым ценам. Но ввиду преобладания в совещаниях влияния помещиков, вся эта монополия всей своей тяжестью ложилась на крестьянство; помещиков царское правительство обижать не хотело. Еще более бессильными оказывались мероприятия правительства, когда дело касалось промышленности. В деле организации промышленности правительство оказывалось лицом к лицу с враждебной и относительно организованной силой буржуазии, которая стремилась сама захватить в свои руки плановое руководство промышленностью и вела борьбу именно на этом поле. Поэтому судьба всех начинаний правительства, стремившихся монополизировать хотя бы основные важнейшие отрасли промышленности, была одинакова: они проваливались объединенными силами буржуазии.

В борьбе против государственной монополии объединялись почти все

группы буржуазии. Так, в органе финансовых кругов «Финансовая газета» (№ 120 от 12 января 1916 г.) проф. Озеров писал: «В настоящее время вся русская промышленность стоит под угрозой всевозможных монополий. Говорят о монополиях нефтяной, сахарной, табачной, льняной, страховой, спичечной и т. д.». Озеров возражал против этих монополий из боязни отпугнуть иностранный капитал, который-де «любит прозрачный горизонт» и в условиях монополии в русскую промышленность не пойдет. Но и националистически настроенные группы буржуазии не менее решительно восставали против монополий.

В ответ на проект Особого совещания по топливу об учреждении Центрального комитета по торговле минеральным топливом Донбасса ЦВПК и Совет съездов представителей промышленности и торговли повели организованную кампанию против этого проекта создания угольной монополии. Было созвано совещание с участием углепромышленников юга, частных железных дорог, представителей металлургической, текстильной и прочих отраслей промышленности; была далее разослана анкета по всей провинции вс вопросу об отношении к угольной монополии. Результаты кампании таковы: углепромышленники и металлурги, а также Московское общество заводчиков и фабрикантов, почти все организации военно-промышленных комитетов и т. д. высказывались принципиально против угольной монополии. Несколько железных дорог, также Московский военно-промышленный комитет, высказавшись против монополии, на случай, если правительство все же создаст «Центроуголь», вносит ряд поправок, чтобы «обезвредить» его. Монополия была провалена и только Временное правительство ее провело.

Мотивы против монополии, которые официально выставлялись буржуазией, сводились к защите конкуренции как стимула, «благотворно» влияющего на «развитие и усовершенствование производства», к защите принципа свободной торговли и наконец к указанию на то, что в проекте о комитете не предусмотрено достаточное представительство от обрабатывающей промышленности, потребителей угля и общественных организаций. Из 20 запрошенных организаций 14 оказалось против.

Такая же история была и с проектом учреждения «Глазного управления по снабжению металлами», которое должно было превратить все синдикаты «Продамета», «Кровля», «Продвагон», «Продапаровоз» и «Проволока» в свои органы снабжения. На заседании ЦВПК, где обсуждался этот вопрос, выступали Пальчинский, Коновалов, Кутлер и др., которые заявили, что реорганизация металлического комитета и усиление власти его председателя не разрешат вопроса, ибо практика особых совещаний не обнаруживает улучшения дела. Но по существу вопрос ставился главным образом не в плоскости интересов производства, а в плоскости борьбы против правительства. Кутлер заявил в заключение, что не обходима энергичная власть, отсутствие которой никакими суррогатами заменено быть не может. Идея Главметалла была отвергнута. Вопрос об организации планового руководства промышленностью превращался на практике в вопрос об организации борьбы между буржуазией и помещиками. И чем более укреплялись позиции буржуазии, тем агрессивнее становилось правительство и тем более оно отрезало себя от возможности действительного руководства хозяйственной жизнью и снабжением армии.

Военно-промышленные комитеты и Земгор были довольно централизованными организациями, созданными русской буржуазией за годы войны. Империалистическая война и связанные с ней перспективы дальнейшего усиления влияния буржуазии окрылили надежды последней на то, что «и в мирное время русская общественность будет при-

звана к участию в строительстве русской государственности»⁴⁹. Уже с самого начала войны русская буржуазия устремилась к определенному сплочению своих сил и завоеванию твердых позиций в деле руководства войной. Вначале успехи ее по линии приобщения к военным делам были незначительны. Самодержавное правительство ревниво оберегало свои позиции, даже не допуская буржуазию к военным поставкам. Но хозяйственные поражения русской армии на фронте весной 1915 г. сделали правительство более уступчивым, а напор буржуазии более смелым. На происходившем в мае 1915 г. очередном IX съезде представителей торговли и промышленности Рябушинским, Жуковским и др. была выдвинута идея создания такой организации, которая, как говорилось в предложенной резолюции, «по примеру наших союзников» объединяла бы все промышленные и торговые силы страны «для того, чтобы дать армии все необходимое и во-время»⁵⁰.

Несколько позднее небезызвестный князь Л ь в о в на совещании городских голов и уполномоченных губернских земств выступил с речью, в которой заявил, что-де «великая народная война ведется не как национальное дело... единение власти и общественных сил все еще не состоялось... Вся Россия должна слиться в единую военную организацию»⁵¹.

Под напором все более мобилизовавшейся буржуазии правительство вынуждено было пойти на допущение создания организаций промышленной буржуазии — военно-промышленных комитетов. Организации возглавлялись Центральным военно-промышленным комитетом в Питере и имели свои местные и областные комитеты по всей России. Военно-промышленные комитеты выросли довольно быстро благодаря тому, что к этому времени силы буржуазии были довольно хорошо объединены целым рядом крупнейших организаций, каковы Совет съездов представителей торговли и промышленности, Московское общество заводчиков и фабрикантов (подобные общества и в других центрах), горнопромышленники юга, Совет съездов горнопромышленников Урала и т. д.

На III съезде военно-промышленных комитетов (16 мая 1917 г.) Г у ч к о в определял число областных военно-промышленных комитетов в 36, местных — в 206. Они издавали ежедневный центральный орган «Известия ЦВПК», такой же орган имел и Московский военно-промышленный комитет.

С самого начала своей деятельности военно-промышленные комитеты сделали попытку мобилизации промышленных сил под своей эгидой. Резолюция I съезда военно-промышленных комитетов выдвинула в качестве основных задач организации налаживание закупок для обороны и распределение военных заказов.

Центральный военно-промышленный комитет надеялся войти в соглашение с крупнейшими монополистическими объединениями, как «Продамета» и «Медь», а также с Советом съездов уральских горнопромышленников по вопросу о распределении заказов на железозаводы.

На практике к организации производства приступить сразу не удалось. Работа военно-промышленных комитетов была поставлена в зависимость от военного ведомства, по заданиям которого они должны были работать. Но в самом военном ведомстве не было ни плана снабжения, ни учета потребностей армии, ни возможностей их удовлетворения. ВПК там пришлось преодолевать укрепившиеся в военном ведомстве тенденции не отдавать заказов на русские заводы и обращаться за всем необходимым за границу. Но и «национальная» политика ВПК не могла быть проведена достаточно полно, ибо по мере перехода к вопросам организации производства они

⁴⁹ Труды II съезда ВПК, Речь Жуковского.

⁵⁰ П. М и л ю к о в, статья в ежег. «Речи» за 1915 г., стр. 259.

⁵¹ Там же, стр. 261.

встретились с недостатком квалифицированных рабочих, отсутствием оборудования, ненадежностью сырьевого, топливного и прочего снабжения.

Новое строительство развернуть также не удалось, ибо нехватало ни необходимого оборудования, ни строительных материалов, ни рабочих рук. Пришлось заняться лишь приспособлением еще не использованных предприятий для работы на оборону. Но и тут широко развернуться ВПК не пришлось, ибо крупные предприятия сами успели приспособиться к военному спросу и завязать непосредственные связи с интендантством. Военно-промышленным комитетам удалось мобилизовать лишь мелкую и отчасти среднюю промышленность, игравших лишь подсобную роль.

Функции ВПК сводились главным образом к распределению получаемых от казны заказов. Управляющий делами ЦВПК К л о п о т о в в отчете о деятельности ВПК за 1916 г. писал с сокрушением:⁵²

«Уже почти с начала своей деятельности комитеты получают другое, совершенно ясно выраженное назначение — быть исполнителями отдельных поручений ведомств и стать контрагентом казны по частичным заказам... В силу того, что все их внимание сосредоточилось преимущественно на заказах, остается в конце концов висеть в воздухе вопрос о «мобилизации» промышленности».

Военно-промышленные комитеты с задачей мобилизации промышленности не только не справились, но по существу за нее во всем объеме и не смогли взяться. Надежды ЦВПК о «совместной деятельности» по распределению заказов с «Продаметой», «Медью» и др. не оправдались. Этим монополистическим организациям было гораздо выгоднее иметь дело непосредственно с военным министерством. ВПК были бы излишним контролем над их военными прибылями. По свидетельству Загорского (см. «Современные записки» № 12, 1915 г.) синдикат «Продамета» отказался иметь дело с представителем Центрального военного-промышленного комитета, предпочитая получать заказы непосредственно из первых рук». Крупнейшие синдикаты горной и металлургической промышленности предпочли обеспечить себе достаточную долю влияния и «защиту» своих интересов в правительственных особых совещаниях. В значительной мере и сами военнопromышленные комитеты находились под их влиянием⁵³. Стоит вспомнить также о той панике, какую навел на военно-промышленные комитеты отказ интендантства с середины 1916 г. отдавать им военные заказы. На совещании представителей в промышленные комитеты в декабре 1916 г. заведующий механическим отделом С а в и н заявил: «Над нами занесена гильотина с надписью: «Заказов больше не будет...». Положение ЦВПК чрезвычайно тяжелое». Комитеты заговорили о свертывании работы, о демобилизации.

На II съезде ВПК Третьяков констатировал⁵⁴, что после того, как представители ВПК столкнулись с препятствиями, чинимыми властями, «русский торгово-промышленный класс стал проявлять некоторый абсентеизм».

Марков 2-й выступая в заседании Государственной думы против ВПК бросил им: «Вы не дали ни одной пушки». В защиту ВПК выступали Родзянко и Коновалов⁵⁵, Родзянко заявил, что ВПК и не брали на себя широкой задачи мобилизации промышленности, что их задача сводилась к выяснению потребностей, связанных с оборотной эксплуатацией предприятий

⁵² «Изв. ЦВПК» № 186, 1 марта 1917 г.

⁵³ Любопытно отметить, что Особое совещание по обороне отказало Московскому ВПК в праве иметь своего представителя в Особом совещании (см. Труды II съезда ВПК, стр. 12, речь Третьякова).

⁵⁴ Труды II съезда ВПК, стр. 12, речь Третьякова.

⁵⁵ Изв. ЦВПК № 60, 17 августа 1916 г.

для обороны, снабжению их материалами и наконец к посредничеству между казной и предприятиями в деле распределения заказов.

Другой видный деятель ВПК П а л ь ч и н с к и й на совещании в декабре 1916 г. дал следующую оценку их работы:

«Ценность работы общественных организаций, — заявил он, — не только в их непосредственной работе по изготовлению предметов — ибо сумма выполняемых ими заказов в размере 300 млн. руб. есть капля в море тех миллиардов, которые тратятся на эти надобности, — а в том, что они заставляют ведомства неусыпно работать и более целесообразно распределять эти миллиарды»⁵⁶. Такая оценка вполне соответствует и тем данным о «мобилизационной работе», которые печатались ежедневно в специальной графе на страницах «Известий ЦВПК». В то время как графа о «частновладельческом» строительстве пестрит сообщениями о создании к р у п н е й ш и х объединений, акционерных обществ, синдикатов с многомиллионным основным капиталом и «связями» с крупнейшими банками и иностранным капиталом, в графе об «общественном» строительстве т и п и ч н ы м и являются сообщения вроде: «Т-во юго-западных земств открыло центральную ремонтную мастерскую» или «Самарское губернское земство ассигновало 100 тысяч на устройство кож. завода» и т. п.

Разобщенность в среде самой буржуазии между группами «тяжелой» индустрии и «легкой», из которых первая «испокон века» была связана с казенными заказами, вторая же более «независима» от казны и потому более радикальна, обусловила и разрозненность работы по мобилизации промышленности. Мобилизация крупной промышленности осуществлялась не организациями буржуазии, а в порядке «частного предпринимательства» под эгидой правительственных учреждений.

Средняя же и мелкая промышленность представляли весьма неблагоприятный материал для планомерной ее организации вследствие отсталости техники, невозможности достать необходимое оборудование, недостатка квалифицированных специалистов, недостатка рабочих, недостатка сырья, топлива, разрухи транспортной, продовольственной и т. д. и т. д. Отсталость и неорганизованность с.-х. производства конечно также играли к о л о с с а л ь н у ю роль. Но на этой стороне мы здесь не имеем возможности остановиться.

Задача ВПК по организации «общественных сил для борьбы с самодержавием» имела больший успех, чем ее попытки руководства делом обороны.

В отличие от царского правительства буржуазия понимала крупную роль, которую мог бы сыграть рабочий класс, если бы его удалось привлечь к делу обороны. И она действительно всеми силами пыталась вовлечь рабочих в работу военно-промышленных комитетов. Были созданы как в центральном, так и в провинциальных ВПК рабочие группы. Во главе рабочей группы при ЦК стоял, как известно, меньшевик Г в о з д е в. Вопрос об участии в ВПК вызвал горячую борьбу внутри самого рабочего класса. Наша большевистская организация и группировавшиеся вокруг нее наиболее сознательные слои рабочих были за бойкот ВПК. Большевистские группы были за вхождение туда. В Питере выбросы в ВПК удалось провалить, что демонстрировало крепкую сплоченность и мощь рабочих рядов. Р у с с к о й буржуазии не удалось заключить «гражданского мира» с рабочим классом.

Создание ВПК имело сугубо политический характер. ВПК стремились прибрать к рукам власть, которая валилась из рук устаревшего, прогнившего насквозь помещичьего класса. Правительство, конечно несколько не ошибалось в оценке роли ВПК. С середины 1916 г., по мере обострения

⁵⁶ Изд. ЦВПК № 60, 17 августа 1916 г.

политической обстановки, его политика по отношению к ним становится крайне агрессивной. № 36 «Известий Московского ВПК» появился сообщением о том, что совету министров подана записка о небезопасности для государства военно-промышленных комитетов, поставивших себе якобы задачей «ниспровержение существующего строя», и что в связи с этим правительство наметило ряд мер, направленных против ВПК. Министерством торговли и промышленности был изготовлен проект усиления правительственного надзора над военно-промышленным комитетом путем учреждения должности правительственного контролера с особо широкими полномочиями. Этому контролеру в Центральном военно-промышленном комитете должно было быть предоставлено решающее влияние на все дела комитета. Министр торговли и промышленности предложил организовать правительственные комитеты по различным отраслям промышленности, которые бы сделали ненужными ВПК. Заводским совещаниям дано было задание контролировать все заказы, исходившие из интенданства к военно-промышленным комитетам. Военно-промышленным комитетам вскоре перестали вообще давать заказы. Им даже было отказано в праве иметь своего представителя в Лондонском комитете, который ведал заграничными закупками для России и т. д.

Кроме того был принят ряд административных мер, принято было решение о присутствии представителей полиции на заседаниях ВПК, запрещались их съезды и т. д.

Несмотря на это, в своих выступлениях против правительства ВПК сохраняли весьма умеренный тон. Крупных осложнений они боялись. И надо полагать, что если бы не тяжелые поражения русской армии на фронте, заставившие «союзников» переменить ориентацию и искать в буржуазии более способную руководительницу в деле ведения войны, если бы не напор со стороны широких рабочих и крестьянских масс, русская буржуазия примирилась бы с посыпавшимися на нее правительственными карами. Об этом говорит поведение буржуазии как во время войны, так и во время Февральской революции.

Попытки организации в России государственного капитализма были неудачными как по линии правительственных мероприятий, так и по линии ВПК.

Эти неудачи объясняются как технико-экономической отсталостью, так больше всего борьбой между помещичьим правительством и буржуазией, с одной стороны, разнобоя внутри самого крупнокапиталистического лагеря — с другой, крайним обострением классовой борьбы между помещиками и крестьянством, — с третьей, и наконец острейшей борьбой между господствующими классами и пролетарскими и крестьянскими массами, революционная зрелость которых росла гигантским темпом.

5. Развал промышленности в годы войны

Каково в общем было состояние промышленности, ее работа?

Во весь период военного времени рабочий вопрос, вопрос о снабжении предприятий рабочей силой стоял чуть ли не на первом месте по своей остроте.

Накануне самой войны происходило широкое развертывание стачечной борьбы, принимавшей все более и более политическую окраску⁵⁷.

Последние предвоенные месяцы — июнь и июль — ознаменовались край-

⁵⁷ Так, в 1912 г. в политических забастовках участвовало 549 тыс. рабочих, что составляло 73% всех участников забастовок. В 1913 г. это число снизилось до 502 тысячи или 56%, а в 1914 г. это число дошло до 1034 тысяч, т. е. 77%. Балабанов, Царская Россия, изд. «Пролетарий», 1917 г.

ним обострением стачечного движения на бакинских нефтяных промыслах, в Питере, где дело доходило до попыток сооружения баррикад. Война, правда, приостановила забастовочное движение, но нет никакого сомнения, что оно оказало достаточно сильное впечатление на правительство, которое отразилось и на характере проведения мобилизации в связи с объявлением войны. Правительство, желая обеспечить тыл и радикально разделаться с революционной опасностью, постаралось путем мобилизации произвести «чистку» рабочих рядов. Крупнейшие рабочие центры были оголены в первую очередь. Уже первая мобилизация 17 июля собрала до 40% рабочих⁵⁸. По мере развертывания работы промышленности на войну вопрос о рабочей силе превратился в острейшую проблему для всего хозяйства страны.

На предприятиях, работавших на оборону, производительность труда, наоборот, поднялась: на 10,3% в 1915 г. и на 6,3% в 1916 г. по сравнению с 1913 г. В 1917 г. производительность труда резко упала — на 30%.

Но 1917 год — год разгрома капиталистического режима и победы пролетарской революции.

Положение рабочих резко ухудшилось.

Если даже скромно оценить рост дороговизны на предметы первой необходимости в 50—60%, то сравнение этой цифры с цифрой роста номинальной заработной платы, которая в среднем доходила до 20%⁵⁸, делает ясным, насколько тяжело стало положение рабочего класса. Даже буржуазный экономист, враг рабочих Прокопович, писал: «Война принесла промышленное накопление, небывалые прибыли, рабочим же она дала недоедание и заставила их потуже стягивать свой пояс⁵⁹. Немудрено, что, несмотря на военное положение, стачки стали расти...

Мы видим, что сильный рост экономических забастовок произошел особенно в 1916 г. Бастовало 776 тысяч рабочих. Это высшая после 1905 г. цифра. Число дней — выше 4 миллионов — и это цифра наивысшая после 1905 г. Политические забастовки растут, особенно в 1917 г., когда политические сдвиги стали уже стихийно-могущественными. С общим развалом в стране, с ростом дороговизны, обострением продовольственного положения происходило снижение реальных заработков рабочих масс, резкое ухудшение материального положения и нарастание революционных настроений.

Усилившийся процесс концентрации кроме того способствовал сплочению рабочих рядов. Годы войны были годами быстрого роста классовой сознательности и революционной организации пролетариата.

Война оказала крайне разрушительное влияние на русскую промышленность. Так называемая высшая промышленность, которая по словам многих экономистов, якобы «переживала блестящие времена», находилась в годы войны в тяжелом состоянии. «Голод топливный», «голод металлический», «голод сахарный», «голод продовольственный» и т. д. — неслось со всех сторон, особенно в последние годы войны. Такой плачевный результат, обнаружившийся уже к 1916 г., показывает, что к требованиям войны промышленность ни в какой мере не была подготовлена. Острая борьба классов и общественных групп лишь углубляла нараставший кризис хозяйства. VI съезд нашей партии, происходивший в июле — августе 1917 г., в принятой резолюции следующим образом определил экономическое положение России в результате войны:

⁵⁸ Шляпников, 17-й год; Гриневский, Послевоенные перспективы и т. д. «Мобилизации 1914 г. забрали до 400 тыс. рабочих из промышленности и 20% мужской рабочей силы вообще», стр. 16.

⁵⁹ Данилов, Влияние великой мировой войны на экономическое положение России, стр. 52.

«... полное истощение в сфере производительного труда и дезорганизация производства, всемерное расстройство и распад транспортной сети, близкое к окончательному краху состояние государственных финансов и, как последствие всего этого — доходящий до голода продовольственный кризис, абсолютная нехватка топлива и средств производства вообще, прогрессирующая безработица, громадное обнищание масс и т. д. Страна уже падает в бездну окончательного экономического распада и гибели».

Однако, как бы парадоксальным это ни казалось, глубокий экономический кризис, к которому неуклонно катилась страна в годы войны, сопровождался необыкновенным оживлением в торгово-промышленных и финансовых сферах.

Наряду с падением и понижением производства шел непрерывный рост цен и прибылей капиталистов. Чем тягостней становился гнет войны для всего народного хозяйства и для его населения, чем большего напряжения достигали все силы страны, чем дальше и глубже шли разрушения, тем бешеней становились рост цен и рост военных прибылей.

Так, оптовые цены на наиболее ходовые металлические товары, как например листовое железо, проволока, гвозди и т. д., дают повышение с 1914 г. до 1916 г. от 61% до 170%, против цен 1914 г., для мелких же потребителей эти цены поднялись на 200—400%. Военные прибыли были прямо-таки баснословны.

Дивиденды предприятий доходили до 30%. Прибыли доходили до 75—100%.

Что же касается коммерческих банков, то прибыли здесь уже в 1914 г. исчислялись миллионами, дивиденды же составили от 15 до 47,5%, в 1915 же году они повысились до 20—50%. В условиях падения производительных сил и сокращения производства такой необыкновенный рост прибылей мог совершаться лишь на основе перекачки ценностей и доходов и сбережений широких народных масс в кассы крупнейших торгово-промышленных и банковых предприятий.

В огромной мере этому перераспределению народного достояния в пользу монополистического капитала содействовала инфляция, обесценение рубля.

Экспроприровалась мелкая и даже средняя промышленная и торговая буржуазия, экспроприровалась масса кустарей, ремесленников, экспроприровалось крестьянство, главным образом через бумажно-денежный поток, поставки, реквизиции и бешеные спекулятивные цены. Через государственную казну негодные средства переплывали капиталистам в уплату за военные поставки. Крайне понижался также материальный уровень рабочего класса. Интересно отметить, что в то время, как прибыли в военной промышленности достигали чуть ли не 75—100%, народное потребление сократилось на 52%⁶⁰.

Наряду с разрушением производительных сил в годы войны происходили ускоренная централизация всех капиталов, относительный рост крупнокапиталистических групп при экспроприации и ограблении средне- и мелкобуржуазных групп и невиданном обнищании широчайших народных масс и рабочего класса.

В этих условиях с растущей силой назревала победоносная революция, открывшая перед человечеством новую блестящую эпоху — эпоху великих побед социализма

⁶⁰Прокопович, Война и народное хозяйство, стр. 252.

БЛЮМИН И. Г., Капиталистическое комбинирование *

Под редакцией А. Греблиса.

Союзгиз, 1934, стр. 224, ц. 3 р. 25 коп.

Со вступлением СССР в реконструктивный период внимание наших экономистов все более и более привлекает проблема комбинирования. Уже в первом пятилетнем плане комбинирование выступает в качестве одного из существенных моментов нового строительства. «Комбинирование есть сущность советской промышленности» — так характеризуется роль и значение социалистического комбинирования в первом пятилетнем плане (т. II, вып. I, стр. 100). Еще более отчетливо выступает гигантская роль социалистического комбинирования во второй пятилетке. Большинство крупнейших строек, запроектированных во второй пятилетке, являются комбинатами.

Социалистическое комбинирование является одной из важнейших форм обобщения труда, которая обеспечивает подъем производительных сил страны и реализацию новых технических методов. Эта роль социалистического комбинирования выдвигает целый ряд узловых проблем, связанных с влиянием социалистического комбинирования на размещение производительных сил, развитие планового хозяйства, структуру, формы и масштабы производства, перевод хозяйства на новую техническую базу и т. д.

В этой связи неизбежно усилилось внимание наших экономистов к вопросам капиталистического комбинирования. Вопросы осмысливания опыта капиталистического комбинирования, уяснения сущности последнего, выяснения специфики капиталистических и социалистических комбинатов получили особую актуальность.

Ленин, рассматривая вопрос о современных формах концентрации производства (в «Империализме») указывает, что «крайне важной особенностью капитализма, достигшего высшей ступени развития, является так называемая комбинация, т. е. соединение в одном предприятии разных отраслей промышленности, представляющих собой либо последовательные ступени обработки сырья (например выплавка чугуна из руды и переделка чугуна в сталь, а далее, может быть, производство тех или иных готовых продуктов из стали), либо играющих вспомогательную роль одна по отношению к другой (например обработка отходов или побочных продуктов, производство предметов упаковки и т. д.)». В этом ленинском определении даны все основные моменты капиталистического комбинирования; это положение дает исходные пункты для правильной разработки вопросов комбинирования.

Ленинское определение дает твердую базу для правильного анализа движущих основ капиталистического комбинирования и понимания сущности «теории» мастиного социал-фашиста Гильфердинга, рассматривающего комбинирование как процесс, меняющий закономерности капиталистического способа производства, обуславливающий переход к «организованному» капитализму. Ленинское определение четко показывает, что истоки и специфика капиталистического комбинирования связаны с природой монополистического капитализма, что оно в своем развитии обостряет противоречия капитализма, проявляя это в чрезвычайно своеобразной и специфической форме.

Анализ движущих сил капиталистического комбинирования позволяет выяснить всю глубину различий между капиталистическим и социалистическим комбинированием. Это касается всех основных проблем, выдвигаемых комбинированием производства. Социалистическое комбинирование является мощным рычагом развития новых районов и создания новой технической базы на основе общественной собственности на средства производства. Отсюда иные формы и масштабы комбинирования, иная роль в переводе всего народного хозяйства на новую техническую базу, в размещении производительных сил и в использовании богатейших ресурсов страны. В свете особен-

* Наша рецензия была уже сдана в набор, когда появилась рецензия на настоящую книгу т. Спектатора в «Известиях» от 8 июня. В своей критике т. Спектатор ошибочно сконцентрировал основное внимание на вопросе о монопольной цене, который является общим вопросом теории империализма и который в работе с капиталистическом комбинировании должен рассматриваться лишь попутно. Сама критика т. Спектатора является совершенно неудачной — критика ведется с позиций его старой ошибочной и в достаточной мере раскритикованной в нашей литературе «теории» картельной ренты, от которой т. Спектатор, к сожалению, до сих пор публично не отрекся.

ностей развития социалистического комбинирования еще ярче выступают движущие силы капиталистического комбинирования, вся система острейших противоречий капиталистического комбинирования.

Однако все эти вопросы до сих пор остаются весьма мало разработанными. Мы до сих пор не имеем ни одной серьезной монографии о капиталистических комбинатах.

Серьезные недостатки имеет сборник ИПЭИ НКТП, выпущенный в 1931 г., — «Комбинирование при капитализме и в СССР». Основной дефект этого сборника состоит в очень слабом показе связи капиталистических комбинатов с экономической структурой капитализма.

Вопросы комбинирования слабо разработаны не только в нашей, но и в буржуазной литературе. Существует громадная буржуазная литература о монополиях. Ежегодно печатается ряд монографий, посвященных отдельным монополистическим объединениям. Но в то же время эта литература очень скупо освещает вопросы комбинирования. Отчеты отдельных монополистических предприятий и объединений очень много внимания уделяют характеристике финансовых связей и в то же время тщательно обходят вопросы технологических связей между отдельными предприятиями. Очевидно, у этих предприятий нет особых интересов широко разглашать все сведения, относящиеся к структуре отдельных комбинатов.

При этих условиях выход книги И. Блюмина «Капиталистическое комбинирование», делающей первую попытку дать всестороннюю характеристику капиталистического комбинирования, нельзя не приветствовать. В вводной главе автор дает общую характеристику капиталистического комбинирования как специфической формы обобществления труда, как своеобразного проявления концентрации капитала и производства. Первая глава книги посвящена вопросу о движущих силах капиталистического комбинирования. В этой главе И. Блюмин показывает, как развертывание процесса концентрации, который на первых порах проявляется в форме специализации предприятий, подводит непосредственно к созданию комбинированных предприятий. Последние требуют очень высокого уровня концентрации производства, которая в то же время подводит к созданию монополистических объединений. Рост монополий в свою очередь оказывает сильнейшее воздействие на развитие комбинатов, создавая экономические и технические (обуславливая определенные сдвиги в области техники) предпосылки для строительства крупных комбинатов.

Вторая глава, посвященная анализу форм комбинирования, является центральной в книге. После сжатой характеристики взаимосвязи кооперирования, специализации и комбинирования автор переходит к анализу разных стадий комбинирования. Автор устанавливает три основных стадии: а) комбинаты, основанные на сочетании последовательных стадий обработки сырья; б) комбинаты, основанные на использовании отходов (это — промежуточная стадия); в) комбинаты, основанные на комплексном использовании сырья. Затем И. Блюмин переходит к рассмотрению важнейших отраслевых типов капиталистических комбинатов. Характеризуя технологическую структуру отдельных типов комбинатов (в этой связи подробно рассматривается вопрос о влиянии электрификации и химизации на развитие комбинирования), автор затем дает ряд статистических материалов (преимущественно на основе данных германской переписи 1925 г.), которые весьма отчетливо показывают, что капиталистическое комбинирование распространено крайне неравномерно, что наиболее развитые формы последнего встречаются среди некоторых отраслей тяжелой промышленности.

Третья глава рассматривает вопрос о комбинатах в системе монополистических союзов. Автор показывает, как нарастание внутренних противоречий комбинатов вызывает специфические противоречия внутри картелей — между комбинированными и некомбинированными (или т. н. чистыми) предприятиями. Эти противоречия в ряде случаев приводят к развалу более слабых картелей. Затем И. Блюмин рассматривает взаимосвязь комбинатов с другими формами монополистических объединений — трестами и концернами.

Четвертая глава подводит итоги анализа весьма существенной проблемы о границах капиталистического комбинирования (эта проблема в разных разрезах ставится и в предыдущих главах, в частности во 2-й главе, при анализе разных стадий комбинирования). Автор показывает воздействие многосторонних моментов, вытекающих из основного противоречия капитализма и его специфической формы в эпоху империализма — противоречия между монополией и конкуренцией. В частности, подробно освещается вопрос о влиянии технического загнивания и противоречия между тенденцией к расширению производства и ухудшающимися условиями реализации. В конце главы дается характеристика неравномерного развития комбинирования по странам.

Пятая глава посвящена критике буржуазных и социалистических «теорий» комбинирования. Критика этих «теорий» дается впервые в нашей литературе.

В заключении дана сжатая характеристика различий между капиталистическим и социалистическим комбинированием.

Книга И. Блюмина делает попытку дать широкую, всестороннюю характеристику

капиталистического комбинирования. В этом — достоинство книги. Это представляет определенный теоретический интерес. Но эта тенденция охватить все стороны комбинирования вызвала и существенные недостатки. При том обилии вопросов, которые ставятся в книге, некоторые совершенно недостаточно разработаны, например вопрос о влиянии капиталистического комбинирования на положение рабочего класса. По существу автор ограничивается постановкой вопроса и некоторыми общими указаниями, не вскрыв всей специфики влияния комбинирования на положение рабочего класса. Правда, по этому вопросу в литературе имеется очень мало материалов. Но имеются вопросы, по которым можно найти значительно больше материала. Возьмем например столь актуальную и современную проблему, как вопрос о влиянии экономического кризиса на комбинирование. Этот вопрос недостаточно освещен в книге. Необходимо было бы проиллюстрировать влияние кризиса статистическими материалами и дать более исчерпывающую характеристику хотя бы по одной крупной капиталистической стране.

В книге подробно освещены особенности комбинирования в отдельных отраслях, но недостаточно освещен вопрос об особенностях комбинирования в разных странах, хотя автор и ставит общую проблему неравномерности комбинирования в различных странах и отраслях.

А между тем комбинаты одной и той же отрасли могут получить разный характер в отдельных странах. Совершенно недостаточно ограничиться указанием, что комбинирование неодинаково развито в разных странах. В действительности мы имеем не только количественные, но и качественные различия между отдельными отраслями.

Книга сильно выиграла бы, если бы она дала описание ряда крупнейших капиталистических комбинатов. В книге приведен обширный конкретный материал. Последний иллюстрирует важнейшие особенности и закономерности капиталистического комбинирования. Но вряд ли с этим желательно было бы получить непосредственную фотографию отдельных комбинатов. Книга делает основной упор на теоретические проблемы комбинирования и недостаточно разрешила чисто описательные задачи, которые для нас весьма актуальны. Это — основной недостаток книги.

Но, несмотря на эти недостатки и существенные пробелы, работа И. Блюмина все же является полезной работой.

Эта книга является результатом большой научно-исследовательской работы, проделанной автором. Последним собран большой материал. Автор дает систематизированный анализ целого ряда вопросов, которые в марксистской литературе пока еще не подвергались освещению.

В основу своей работы автор положил учение Ленина о комбинациях. Работа вносит ясность в целый ряд вопросов. А путаницы в этих вопросах имеется очень много. Наиболее часто встречающаяся ошибка в этих вопросах — смешение комбинатов с трестами и концернами. Комбинаты рассматриваются как любое «вертикальное» объединение, охватывающее несколько отраслей. Родоначальником этой точки зрения в нашей литературе является т. Бухарин, который отождествляет в своих старых работах комбинирование с «вертикальной» концентрацией и централизацией.

В своей работе «Мировое хозяйство и империализм» т. Бухарин писал: «Эта вертикальная концентрация и централизация — в противоположность горизонтальной — в рамках отдельных отраслей производства знаменует собой, с одной стороны, уменьшение общественного разделения труда, с другой стороны, наоборот, стимулирует разделение труда в рамках новой производственной единицы. Весь процесс, взятый в его общественном масштабе, имеет тенденцию превратить все национальное хозяйство в единое комбинированное предприятие с организационной связью между всеми отраслями производства» (стр. 137).

При таком подходе получается чрезвычайно широкое, расплывчатое определение комбината, который становится синонимом всякого относительно сложного предприятия или объединения, независимо от типа связи между отдельными частями этого комплекса. Так например Зомбарт («Современный капитализм», т. III, полудом II, стр. 290) указывает, что «под комбинатом мы понимаем объединение нескольких предприятий, бывших ранее более самостоятельными и выполнявших различного рода работу, в одно предприятие». Зомбарт включает в комбинат любые предприятия — промышленные (независимо от их технологических связей), транспортные, торговые, кредитные. Полный комбинат, по учению Зомбарта, имеет место там, где «в одном предприятии соединены все функции капиталистического процесса, т. е. производство, транспорт и торговля, а иногда и кредитное дело» (там же, стр. 304). При таком подходе всякий вертикально построенный трест (а подавляющее большинство трестов имеет такую структуру) может быть охарактеризован как комбинат. Концерны в наибольших размерах осуществляют подчинение разных отраслей. Отсюда недалеко до утверждения, что инфляционные концерны, например концерн Стиннеса, который производил все, начиная от руды и кончая общественным мнением (газеты), являются наиболее развитой формой комбината. Если финансовые связи между разными отраслями считать конститутивным признаком комбината, то отсюда можно прийти к выводу, что при той разветвленности финансовых связей между разными странами и

отраслями, которые характеризуют современный капиталистический мир, последний представляет некоторое подобие единого комбината. Совершенно очевидны ошибочность и оппортунистическая сущность таких выводов.

Работа И. Блюмина заостряет борьбу против такой ошибочной трактовки капиталистических комбинатов, которая закрывает путь для выяснения всей специфики последних. Автор показывает комбинат как специфическое, экономическое и технологическое единство и вскрывает, что технологическое единство разных производств является материальным базисом комбината. Правильное решение этого вопроса дает ключ к пониманию вопроса о зависимости роста комбинирования от технического развития.

Необходимо отметить, что за последнее время в некоторых наших работах (частично в сборнике «Комбинирование при капитализме и в СССР», ИПЭИ, 1931 г., в статье Трелина, Ланда и др.) начинает проскальзывать другая точка зрения, которая является реакцией на «финансовое» понимание комбинатов и которая ударяется в другую крайность. Для этой точки зрения характерно подчеркивание, что комбинаты нельзя рассматривать как специфическую форму концентрации капитала, что рост комбинатов прежде всего выражает определенные технические тенденции. Эта точка зрения является ошибочной. Она смазывает все значение производственных отношений как формы движения и внутреннего строения производительных сил. Она фактически смазывает капиталистическую и монополистическую сущность капиталистических комбинатов. Она тем самым делает невозможным полное выявление всей глубины различий между капиталистическими и социалистическими комбинатами. Дело тут не только в том, что наши комбинаты имеют иную классовую природу по сравнению с капиталистическими комбинатами, но и в том, что иная классовая природа наших комбинатов позволяет им осуществлять и иные технические тенденции, нежели при капитализме.

И. Блюмин правильно ведет борьбу на два фронта в этих вопросах: против техницизма («комбинаты представляют только технологические комплексы») и против меновой концепции («комбинаты представляют любую форму объединения разных отраслей как производства, так и обращения»). В пятой главе своей работы («Критика буржуазных и социалистических теорий комбинирования») автор показывает идейные истоки обоих направлений. Для Фогельштейна (важнейший буржуазный «теоретик» комбинирования) характерен узкотехнический подход. Исходя из своей «технической» концепции, Фогельштейн устанавливает ряд мнимых границ комбинирования, имеющих, по его мнению, вечный характер. Немудрено, что эту «теорию» охотно подхватили наши доморощенные «теоретики»-вредители Гинзбург и Коган-Бернштейн, которые отсюда сделали ряд выводов в отношении социалистического комбинирования. Для Гильфердинга характерна меновая концепция. Возвеличивая и восхваляя всячески роль банков, Гильфердинг выводит рост комбинатов из усиления банков. Если Фогельштейн устанавливает ряд мнимых и вечных границ комбинирования, то Гильфердинг совершенно снимает проблему границ капиталистического комбинирования. Учение о безграничности капиталистического комбинирования у Гильфердинга тесно увязано со всей его концепцией «организованного капитализма» и является одной из опорных последних.

Одним из основных положений работы И. Блюмина является положение о том, что капиталистические комбинаты представляют форму монополистических предприятий. «Комбинаты имеют монополистическую сущность. Последняя выражается в том, что: а) комбинирование предполагает значительный рост монополий; б) комбинаты являются почти всегда составной частью монополистических союзов (картелей, синдикатов, трестов); в) комбинаты играют очень крупную роль в системе монополистических союзов, представляя опорные пункты, основные ядра последних; г) развитие комбинирования определяется общей динамикой роста монополий» (стр. 113). Это положение, которое последовательно проводится через всю книгу, является, несомненно, правильным. Книга в целом дает богатую иллюстрацию ленинского положения о том, что «крайне важной особенностью капитализма, достигшего высшей степени развития, является так называемая «комбинация» (собр. соч., т. XIX, стр. 82). Книга заостряет борьбу против Гильфердинга, который в «Финансовом капитале» утверждает, что «капиталистический способ производства с самого начала сопровождается комбинацией».

Капиталистическое комбинирование возникает на базе очень высокого уровня концентрации производства, характерного для периода возникновения и усиления роли мощных монополий. Конечно, нельзя отрицать отдельных проявлений комбинирования на заре промышленного капитализма, но эти проявления отнюдь не составляли тенденции промышленного развития, каковой является комбинирование в эпоху новейшего капитализма. Не случайно поэтому капиталистическое комбинирование резко выявляет особенности экономики и технического развития капитализма эпохи империализма.

Исходным пунктом анализа должна быть, следовательно, теснейшая увязка вопросов

капиталистического комбинирования со всеми основными особенностями монополистического капитализма.

Являясь наиболее высокой формой концентрации производства, комбинирование создает реальные условия к усилению монополистических союзов. Монополия в свою очередь оказывает решающее влияние на темпы, формы, структуру развития капиталистических комбинатов, ибо комбинирование является одним из важнейших орудий борьбы между монополиями.

Эта роль монополистических союзов в комбинировании в очень большой мере вытекает из того, что развитие монополии обостряет конкуренцию. Само комбинирование ни в какой мере не означает смягчения или уничтожения конкуренции. Наоборот, конкуренция является одним из стимулов к развитию комбинирования. Комбинирование придает конкуренции новые качественные особенности, резко ее обостряет. Этого не желают видеть социал-фашистские теоретики вроде Гильфердинга, рассматривающие комбинирование как орудие «перерождения» и «омолаживания» капитализма, утверждающие, что комбинирование сглаживает противоречия между монополиями, уничтожает конкуренцию. Будучи одним из моментов усиления монополистических союзов, развитие капиталистического комбинирования приводит к еще большему усилению эксплуатации рабочего класса, к усилению борьбы между отдельными капиталистическими группировками (в частности благодаря присвоению части прибавочной стоимости немонополизированных отраслей), повышению эксплуатации крестьянства и трудящихся масс колоний и полуколоний.

Существенным пробелом книги является то, что она не показывает особенностей капиталистического комбинирования на разных фазах империализма, в первую очередь — особенности комбинирования в эпоху всеобщего кризиса капитализма. Автор ставит последний вопрос в четвертой главе, но слишком общо, без конкретного обоснования.

Развернутое обоснование тезиса о монополистической природе капиталистических комбинатов позволяет вскрыть противоречия в развитии последних. Рост монополий оказывает противоречивое влияние на комбинирование. С одной стороны, ожесточенная конкуренция монополий делает для монополистических предприятий актуальными вопросы присоединения производств, изготовляющих сырье или перерабатывающих полуфабрикаты данного предприятия. В этом отношении монополии подхлестывают создание комбинатов. Но та же конкуренция монополий вызывает падение цен на те или иные средства производства, в ряде случаев делает более рентабельной для монополистических предприятий покупку средств производства на рынке. В условиях ожесточенной борьбы монополий не только за рынки сбыта, но и за рынки сырья, в условиях, когда одни монополии пытаются подорвать сырьевую базу своих конкурентов, возникает тяга крупнейших предприятий к созданию известной автаркии, известной самостоятельности и независимости от внешнего мира по линии получения средств производства. Политику автаркии проводят не только капиталистические государства, но и крупнейшие монополистические предприятия. Но эта политика никогда не может быть проведена последовательно. Она «прорывается» в разных пунктах благодаря обострению той же конкуренции монополий.

Эта монополистическая сущность капиталистических комбинатов накладывает специфический отпечаток и на их технологическую структуру. Для этих комбинатов характерна тенденция к замыканию комбината, к созданию замкнутого баланса, к включению в комбинат большого числа отраслей, независимо от производственно-технической эффективности этого сочетания. Анализ монополистической природы комбинатов вскрывает экономическую подоплеку таких «теорий», как например «теория» замкнутого энергетического баланса металлургических комбинатов, которая имела некоторое хождение и в нашей литературе и кое-где в практике некоторых предприятий. В частности, из этой «теории» делался вывод о ненужности комбинирования металлургических заводов с аммиачными установками, работающими на коксовых газах (по методу глубокого охлаждения путем отъема водорода из коксового газа; оставшийся газ идет для нужд мартенов). По существу эта «теория» направлена против наиболее развитых форм комплексного использования сырья, что ведет к созданию узко-отраслевых металлургических комбинатов, воспроизводящих тенденции капиталистического комбинирования. Социалистическая практика строительства (Магнитогорский, Кузнецкий и др. комбинаты) идет мимо этих теорий.

Разбор этих «теорий» показывает, к каким ошибочным выводам приводит механистическое перенесение закономерностей капиталистического комбинирования на социалистическое комбинирование. Совершенно ошибочны утверждения, что наши комбинаты всегда и при всяких условиях должны быть сложнее капиталистических комбинатов. Развитие социалистического комбинирования характеризуется в одно и то же время и усилением богатства технологических связей между отдельными отраслями и ростом специализации по стадиям. Концентрация производства в социалистическом обществе одновременно развивается и по линии комбинирования и по линии специализации. Обе тенденции друг друга обуславливают. Между тем в рамках капиталистического хозяйства комбинирование, с одной стороны, затормаживает спе-

циализацию, с другой стороны, специализация очень часто превращается в метод подчинения небольших предприятий гигантским комбинатам (стр. 220) По книге разбросан ряд замечаний против некритических попыток применения капиталистического опыта в наших условиях. К сожалению, автор дает слишком мало критических замечаний. Наша проектная литература заслуживает более детального анализа.

Одной из важнейших проблем комбинирования является проблема границ комбинирования, приобретающая крупнейшее теоретическое и социально-политическое значение. К этой проблеме нельзя подходить с узко-количественным или узко-отраслевым мерилом. Такой подход ничего не даст для понимания границ капиталистического комбинирования, ибо это будет означать выхолащивание социального смысла факторов, устанавливающих границы развития капиталистических комбинатов. Границы же эти являются выражением разрастающихся капиталистическое комбинирование противоречий. Отсюда ясно, что речь идет отнюдь не об узко-количественных и отраслевых проблемах. Автор показывает поэтому, как границы капиталистического комбинирования, неизбежно воздействуя на развитие капиталистического хозяйства, сами являются лишь производным моментом, вытекающим из границ и противоречий капиталистического способа производства. Именно поэтому буржуазные теоретики, как и глашатаи «организованного» капитализма, старательно обходят проблему границ комбинирования или сводят вопрос к третьестепенным частностям и ни в какой мере не объясняют всей глубины вопроса, его отражения в производственно-технической структуре комбинатов, внутрикомбинатских и межотраслевых диспропорциях, в узости, уродливости и неравномерности комбинирования. В частности, такой подход к анализу проблем границ не может вскрыть причин того, почему для капитализма характерны наиболее элементарные, низшие формы комбинирования, почему наиболее высокие формы комбинирования наталкиваются на крупнейшие препятствия. А между тем в основе границ капиталистического комбинирования лежит основное противоречие капитализма между общественным характером производства и частным присвоением.

И. Блюмин в специальной главе подробно анализирует этот вопрос, связывая его с основными проблемами империализма, рассматривая границы комбинирования как производное явление от всего комплекса противоречий новейшего капитализма.

Особое внимание уделяет автор связи проблемы границ комбинирования с техническим загниванием и кризисами.

Влияние технического развития на границы комбинирования оказывается двойственным. Создавая огромные возможности для реализации новых форм комбинирования, тенденция технического развития требует в то же время большей динамичности, быстрой подвижности, соответствующей структуры межотраслевых связей, возможности быстрого изменения сырьевой базы, организации новых производств и т. п. Но на определенном этапе развитие комбинирования неизбежно выступает в качестве активного фактора технического загнивания. Это не случайно, ибо «капиталистические комбинаты, воплощающие в себе всю ограниченность отдельных предприятий, всю ограниченность капиталистического обобществления, становятся активными факторами технического загнивания в тех случаях, когда новая техника может быть реализована лишь при очень значительном масштабе производства, превышающем масштаб даже очень крупных капиталистических предприятий» (стр. 159).

Наиболее ярко проявляется это тогда, когда реализация возможности техники и технических преимуществ комбината становится возможной лишь при наличии очень крупных масштабов комбинирования, соответствующих структуре и разветвленной системе межотраслевых связей.

Анализ также выявляет всю сложность и противоречивость влияния кризисов на границы комбинирования. Знаменая хищническое уничтожение производительных сил, кризис резко ударяет по комбинированным производствам, задерживая реализацию новых технических методов, организацию новых производств и реконструкцию производства. Условия конъюнктуры ведут к разрыву межотраслевых связей. Особенно резко сказывается влияние кризисов на высшие формы комбинирования, связанные с комплексным использованием сырья, а это в свою очередь крайне обостряет и усиливает неравномерность развития комбинирования.

Правда, комбинированные предприятия оказываются значительно более устойчивыми по сравнению с так называемыми «чистыми» предприятиями. Но это ни в какой мере еще не означает, как подчеркивает автор, ослабления влияния кризисов на комбинирование, как это пытается представить Гильфердинг.

Комбинирование отражает не только особенности экономики, но и особенности технического развития. Эти обстоятельства нельзя игнорировать, ибо между экономикой и техническим развитием существует теснейшее взаимодействие. Особенности экономики вызывают соответствующие изменения в техническом развитии. Игнорирование этого положения неизбежно приводит к одинаково ошибочным выводам. Совершенно ошибочно поэтому, как правильно указывает И. Блюмин, рассматривать процесс комбинирования «исключительно как пассивный результат технического

развития», или, наоборот, игнорировать значение технического развития в процессе развития комбинирования.

Обе эти точки зрения одинаково механистичны и вредны. Рассматривать комбинирование как пассивный результат технического развития означает признать, что закономерности технического развития совершенно не связаны с закономерностями развития экономики и защитой идеи автономного, изолированного развития техники, а не зависимости технического развития от экономики. Известно, как резко осуждал Ленин такой узкий техницизм, указывая, что «сам по себе рост техники не может увеличить хозяйственное значение крупных предприятий. Рост техники плюс ряд экономических преобразований вроде условий сбыта и т. д. ведет к притеснению мелкого производства крупным»¹.

В таком духе ставил в свое время вопрос Маркс в частности в письме к Аненкову (см. сборник «Письма Маркса и Энгельса», стр. 11) в связи с вопросом о причинах введения новых машин в Англии и Сев. Америке до и после первого кризиса 1825 года.

В одинаковой мере вредна попытка смазать роль технического развития, сводить техническое развитие лишь к пассивному результату экономического развития. В таких позициях стоит в частности Гильфердинг, утверждающий в своем «Финансировании капитала», что «комбинация, возникающая из экономических причин, дает возможность ввести технические усовершенствования». Что означает такая постановка? Она означает выхолащивание классового характера технического развития, игнорирование того, что именно закономерности экономического развития придают техническому развитию определенные особенности. Механистический подход к вопросам технического развития означает попытку смазать историческое своеобразие технического развития в эпоху империализма, смазать глубоко принципиальное различие между капиталистическими и социалистическими формами развития техники. «Экономика не только служит толчком технического развития, но она толкает технику в определенном направлении, определяет ее внутреннее развитие, ставит перед ней определенные задачи, дает ей социальный заказ. Техническое развитие в частности идет по линии усиления техно-экономической независимости данной монополии от других монополий, по линии укрепления конкурентной способности с предприятиями не только данной отрасли, но и других отраслей (например путем нового использования отходов), по линии усиления военной мощи отдельных стран, по линии усиления интенсификации труда» (Блюмин, стр. 163).

Большой интерес приобретает вопрос о классификации комбинатов. Существующая литература однобока. Чисто отраслевая классификация не дает возможности с достаточной конкретностью показать противоречия и границы капиталистического комбинирования. Классификация, ограничивающаяся установлением только отраслевых типов, смазывает то важнейшее обстоятельство, что комбинирование в условиях капитализма не получает всеобщего характера.

Уже одно то обстоятельство, что комбинаты, особенно в своих высших формах, представляют сложные комплексы различных производств, показывает крайнюю недостаточность отраслевой классификации. Автор выдвигает поэтому наряду с отраслевой классификацией деление комбинатов по стадиям развития. Эта схема развития комбинатов в основном совпадает с новым и плодотворным положением о типах комбинатов, впервые выдвигаемым в сборнике «Техническая реконструкция и социалистическое комбинирование» под ред. В. Грановского.

Основной интерес этой схемы состоит в том, что она вскрывает всю экономическую значимость комплексного использования сырья как наиболее развитой формы комбинирования. Рост комбинирования на основе комплексного использования сырья является очень важным фактором увеличения производительности труда. Но в условиях капитализма рост этой формы комбинирования приводит к огромному обострению конкуренции, к усилению неравномерного развития отдельных стран, отраслей и предприятий. Эти вопросы подробно освещены во 2-й главе книги И. Влюмина. Эта часть работы является наиболее интересной. Она заостряет борьбу против апологетов капиталистического комбинирования, которые усматривают в последнем орудии смягчения всех противоречий капитализма. В свете материалов и положений, приведенных в этой части, становится очевидной апологетическая сущность утверждения Гильфердинга о том, что рост комбинаций знаменует собой ограничение общественного разделения труда.

На основе четкой классификации И. Влюмину удалось в своем анализе показать теснейшую связь процесса комбинирования с процессом развития основного противоречия, неразрывную связь предыдущих форм комбинирования с последующими, появление которых связано со значительным повышением эффективности комбинирования, расширением масштабов, изменением структуры и системы межотраслевых связей. Развитие высших форм комбинирования в условиях капитализма означает развитие и обострение противоречий комбинирования. Переход к комплексному использованию сырья, связанный с усилением диспропорций и неравномерностью развития отдель-

¹ Ленинский сборник, II, стр. 25.

ных отраслей, ярче выявляет роль капиталистических комбинатов как активных факторов технического загнивания капитализма. Выступая как фактор технического загнивания, капиталистические комбинаты не могут естественно не задерживать развития форм комплексного использования сырья, требующего развития технической базы производства. Вскрывая и двойственную природу капиталистического комбинирования, И. Блюмин показывает особенности различных стадий капиталистического комбинирования и этапы развития последнего. Эти особенности выявляют, что различные стадии комбинирования соответствуют различным типам комбинатов. Появление высшей формы комбинирования теснейшим образом связано с предыдущей формой, отнюдь не означая уничтожение этой предыдущей формы. Комбинирование в виде сочетания последовательных процессов переработки сырья, являясь исторически исходной формой, не исчезает на дальнейших этапах комбинирования, а становится важным звеном комбинирования. Комбинирование на базе использования отходов в отличие от комбинирования на базе сочетания последовательных стадий производства вызывает расширение масштабов и изменение структуры комбинатов, причем использование отходов занимает в этом типе комбинирования подчиненную, второстепенную роль, и лишь на третьей стадии комбинирования — на базе комплексного использования сырья — создается возможность для реализации высокоразвитых форм технологического единства, в котором использование отходов из второстепенного звена становится первостепенным. Весьма интересно поэтому, что комбинирование на базе комплексного использования сырья, являясь наиболее высокой формой, одновременно способствует развитию более элементарных форм комбинирования.

Эта новая схема, ярко выявляя таким образом существо различных стадий комбинирования, вместе с тем в большей мере помогает правильному пониманию глубоких различий между капиталистическим и социалистическим комбинированием и глубоких противоречий капиталистического комбинирования, особенно на высших стадиях его развития. Так, комплексное использование сырья, означает полное использование отходов и эффективное использование сырья, обеспечивает возможность получения по более низким ценам конечный продукт. Это ведет к изменению структуры комбинатов и вовлечению новых производственных объектов, расширению масштабов промышленного производства ассортимента продукции и т. п. Но весь этот комплекс факторов неизбежно ведет к усилению конкуренции и обострению борьбы между монополиями.

И здесь, как правильно отмечает И. Блюмин, важным моментом является то, что «развертывание использования отходов приводит к обострению конкуренции так же и потому, что количественное расширение побочных продуктов определяется не динамикой спроса на последний, а динамикой предложения основного продукта» (стр. 67).

Отсюда масштабы производства побочного продукта и отдельных отраслей расширяются даже при сокращении спроса. Таким образом рост основных отраслей означает расширение побочных отраслей и усиление перепроизводства, тем более, что комплексное использование сырья дает возможность из аналогичного сырья производить разные продукты и получать одновременно аналогичные продукты из разного сырья.

Таким образом комбинирование в его высшей форме значительно расширяет масштабы конкуренции, втягивает новые отрасли и новые группировки. Вместе с тем различный спрос на продукты производства мешает установлению требуемых комплексным использованием сырья и технической целесообразностью жестких пропорций между отдельными отраслями.

Автор предостерегает одновременно от попыток уничтожения или игнорирования отраслевого деления, ибо комбинирование в различных областях имеет свои особенности, свой уровень концентрации производства, техническую базу и структуру. Правильный отраслевой анализ является дополняющим моментом наряду с указанной выше классификацией по отраслям. Этим уясняются противоречия комбинирования в отдельных отраслях, влияние различных технических тенденций (в частности электрификации, химизации и другие).

Автор правильно поступил, уделив большое внимание в специальной главе критике буржуазных и социал-фашистских «теорий» комбинирования. Противоречия капиталистического комбинирования могут быть полностью и правильно вскрыты лишь на основе марксистско-ленинского анализа закономерностей капитализма. Отсюда безудержные попытки всячески выхолостить социальное политическое существо противоречий капиталистического комбинирования, оторвать рассмотрение закономерностей комбинирования от закономерностей капитализма. Анализ ярко показывает, что буржуазные и социал-фашистские теоретики, как и наши доморощенные «теоретики» и вредители вроде Гинзбурга и Коган-Бернштейна, оказываются совершенно бессильными и неспособными раскрыть весь узел закономерностей и противоречий капиталистического комбинирования. Всячески выхолащивая социальный смысл и классовую сущность капиталистического комбинирования, эти «теоретики» пытаются анализ основных проблем подменять ничего не объясняющими третьестепенными моментами, смазать глубоко-принципиальные различия между капиталистическим и социалистическим комбинированием, а вредитель Коган—Бернштейн попытался даже сочетать те-

орию комбинирования буржуазного экономиста Фогельштейна с неизвестной теорией Вебера.

Разумеется, все буржуазные экономисты совершенно смазывают классовый смысл не только закономерностей развития комбинирования, но и границ капиталистического комбинирования и исторические рамки этих границ, разрывая связь между закономерностями комбинирования и способом производства. Не случайно поэтому Фогельштейн существо проблемы границ комбинирования отрывает от производственных отношений капитализма, подменяя частными, узкотехническими вопросами, в то же время усиленно подчеркивает тенденции комбинатов к установлению автаркии. «Эта тенденция, — указывает И. Блюмин, — фактически сводится к апологетике капиталистических комбинатов, к замазыванию их связей с монополиями, к затушевыванию их агрессивного характера, к полному игнорированию внутренних противоречий комбината, которые находят свое внешнее проявление в форме разных диспропорций внутри комбината» (стр. 188).

Развернутое изучение комбинирования (как капиталистического, так и социалистического) только начато. Имеется ряд вопросов, которые ждут своего исследователя. На данном этапе особая нужда имеется в монографиях, дающих детальную характеристику крупнейших комбинатов в отдельных отраслях. Такие монографии с детальным анализом того, какие формы и достижения капиталистического комбинирования применимы у нас и при каких условиях, очень много помогли бы нашим хозяйственникам. По этой линии должна пойти дальнейшая разработка проблемы капиталистического комбинирования.

МТС и ее политотдел

Опыт работы Веселокутской Машинно-тракторной станции (Одесская область, УССР). Работа авторской бригады ЭИКП в составе: М. Бушко-Жук, Н. Гофмана, А. Григорьевой, А. Дмитриева, И. Окуневой, С. Партигула, А. Стечкиной, А. Таубер и И. Учителя, под руководством и редакцией К. Бутаева и С. Партигула. Госиздательство колхозной и совхозной литературы, 1934 г., объем 17 печ. листов, тираж 10 000 экземпляров.

На январском пленуме ЦК и ЦКК (1933 г.) т. Сталин в своей исторической речи «О работе в деревне» с исключительной силой и глубиной показал, в чем состоят недостатки и ошибки в руководстве сельским хозяйством, в чем состоит новая тактика классового врага, действующего тихой сапой, и дал развернутую конкретную программу работы партии в деревне. В этой речи т. Сталин подчеркивал, что нередко причины недостатков нашей работы в деревне ищут не там, где их нужно искать, а поэтому эти недостатки остаются неустраненными. «Не в крестьянах надо искать причину затруднений в хлебозаготовках, а в нас самих, в наших собственных рядах» — говорил т. Сталин. «Ибо мы стоим у власти, мы располагаем средствами государства, мы призваны руководить колхозами и мы должны нести всю полноту ответственности за работу в деревне». Опыт 1932 г. показал, что силы сельских партийных организаций недостаточны и не обеспечивают выполнения стоящих перед сельским хозяйством задач. На новом этапе колхозный строй увеличивает заботы партии и правительства о развитии сельского хозяйства. Партия полностью отвечает за судьбу колхозов, и поэтому партийные организации должны входить во все детали колхозной жизни и организации коллективного хозяйства. Только при этом условии можно исправить недостатки в сельском хозяйстве. «Можно ли исправить эти недостатки? — говорил т. Сталин. — Да, безусловно можно. Исправим ли мы их в ближайшее время? Да, безусловно исправим, в этом не может быть никакого сомнения.

Я думаю, что политотделы МТС и совхозов являются одним из тех решающих средств, при помощи которых можно будет устранить эти недостатки в самый короткий срок» (подчеркнуто нами — Д. и Р.).

Политотделы, созданные по инициативе т. Сталина, явились в руках партии мощным оружием в борьбе против остатков кулачества, в борьбе за большевистские колхозы. Партия в лице политотделов послала в деревню лучших, проверенных, закаленных большевиков-организаторов. Вооруженные блестящим анализом нового соотношения классовых сил в деревне, данным т. Сталиным в его речи «О работе в деревне», политотделы сумели вплотную подойти к нуждам колхозного производства, создали вокруг себя прочный актив, преданный колхозному строю, и стали центром сплочения лучших людей колхозной деревни. Опыт создания политотделов целиком и полностью себя оправдал. Итоги работы в деревне в 1933 г., небывалый урожай еще раз наглядно подтвердили правильность решений нашей партии о создании политотделов. Тов. Каганович в своем докладе на XVII съезде партии говорил: «Когда мы начали только организацию политотделов, у некоторых товарищей были сомнения — как же это сверху посылаются работники в деревню, как это воспримет крестьянство? Сегодня мы слышим мощный голос, идущий от чистого сердца десятков миллионов крестьян, которые буквально воспевают политотдельцев как большевиков-организаторов, как людей, объединивших колхозную массу в борьбу за большевистские колхозы, за зажиточную культурную жизнь колхозников» (подчеркнуто Кагановичем).

Эту заслуженную оценку работы политотделы завоевали в повседневной упорной борьбе на самом отстающем участке, каким было сельское хозяйство в 1933 г. Успехи

политотдельской работы означают в то же время правильность перестройки системы партийного руководства сельским хозяйством по производственному принципу, правильность новых методов работы.

Успехи политотделов в деле улучшения работы колхозов велики и бесспорны. Но завоевания 1933 г.—это только начало, первые шаги работы. Тов. Сталин в докладе на XVII съезде партии подчеркивал, что «по сути дела отчетный период был для сельского хозяйства не столько периодом быстрого подъема и мощного разбега, сколько периодом создания предпосылок для такого подъема и такого разбега в ближайшем будущем».

Задачи, поставленные перед сельским хозяйством во второй пятилетке, потребуют от политотделов еще более напряженной и упорной работы, чем до сих пор. Политотделы сделали уже многое, но еще большего требуют от них задачи, поставленные второй пятилеткой.

Теперь, когда организационное руководство должно быть поднято до уровня политического руководства, особое значение приобретает показ такой работы на живых, конкретных образцах, на опыте работы политотделов МТС и совхозов. Поэтому опыт политотделов особо ценен сейчас. Следует отметить поэтому своевременность и большую актуальность рецензируемой работы, дающей образец работы политотдела на опыте работы Веселокутской МТС.

Авторам удалось показать на примере большевистской работы политотдела Веселокутской МТС, как украинская партийная организация, перестроившись на основе указаний т. Сталина в его речах «О работе в деревне» и на съезде колхозников-ударников, опираясь на партийный, комсомольский и колхозный актив, сумела ликвидировать прорыв в сельском хозяйстве Украины. Работа политотдела Веселокутской МТС показана бригадой ЭИКП в живой, конкретной действительности, в его повседневной упорной борьбе за большевистские колхозы, за зажиточную, культурную колхозную жизнь. Достоинство книги заключается также в том, что работа политотдела показана так, как она есть, с ее успехами, недостатками и недоделками. Авторы, приводя и анализируя большой цифровой материал, дают на примере Веселокутской МТС еще одно живое доказательство громадных преимуществ колхозного строя, подтверждают еще раз необходимость выполнения указаний т. Сталина, что колхозами надо конкретно руководить, что коммунисты должны вникать во все детали колхозного производства. Опыт работы Веселокутской МТС и ее политотдела показывает еще раз, что колхозникам достаточно только честно работать и беречь колхозное добро, чтобы стать зажиточными. Авторская бригада в своей монографии показывает важнейшие узловые стороны работы МТС и ее политотдела. В книге дается анализ сущности МТС. МТС показана как центр политического руководства колхозами и как центр технического перевооружения колхозов. Авторы показывают работу МТС в деле планирования колхозного производства и организации колхозного труда. На опыте Веселокутской МТС бригада ЭИКП дает конкретный показ борьбы МТС и ее политотдела за высокий урожай, борьбы за большевистские колхозы и за зажиточность колхозников.

Многочисленный цифровой фактический материал авторы сопровождают показом живых людей, творящих новую жизнь. Надо пожелать, чтобы наши научные институты побольше давали таких показов работы.

Вместе с этим следует подчеркнуть, что показать работу политотдела в его живой, повседневной, конкретной действительности, показать успехи и недостатки — задача нелегкая. Совершенно естественно поэтому, что рецензируемая работа страдает как первый опыт некоторыми недостатками. Авторы поэтому правильно поступают, когда в вводной части дают анализ сущности МТС, ее значения и роли. Авторы, совершенно правильно отмечая, что значение МТС заключается в том, что они являются лучшим рычагом руководства со стороны рабочего класса социалистической партии, крестьянства, утверждают на стр. 7: «Но только после организации политотделов они стали центрами политического и хозяйственно-организационного руководства (подчеркнуто бригадой) колхозным движением и технического перевооружения колхозного производства».

Бесспорно, в работе МТС до организации политотделов мы имели крупнейшие недостатки. Но абсолютно неверно утверждать, что только после организации политотделов МТС стали центрами хозяйственно-организационного производства и технического перевооружения колхозного производства. Такая постановка смазывает работу и роль МТС на предыдущих этапах.

Январский пленум по докладу т. Кагановича записал: «Машинно-тракторные станции и совхозы завоевали себе прочное место в социалистическом сельском хозяйстве в качестве организаторов системы обобщественного хозяйства. Однако, несмотря на крупнейшую организационно-хозяйственную роль и влияние МТС в деле технического перевооружения (подчеркнуто нами—Л. и Р.) и социалистического переустройства сельского хозяйства,

их политическое (подчеркнуто в тексте резолюции) влияние на широкие массы колхозников пока еще совершенно недостаточно»¹.

В этом суть организации политотделов. В этом же введении авторы допускают и другую крупную принципиальную ошибку по вопросу о социальной природе колхозов. Трактую колхозную собственность не как разовидность общественной социалистической собственности, а как соственность групповую, авторы объективно повторяют ошибку, допущенную в свое время в книге НИКИ и АИКА „Основные проблемы распределения доходов в колхозах“. Эта трактовка была уже в свое время достаточно разоблачена как частнохозяйственная трактовка колхозов и полностью разбита т. Сталиным в его речи на конференции аграрников-марксистов.

Следует отметить как недостаток рецензируемой работы также отсутствие развернутой постановки вопроса о сущности договорных взаимоотношений МТС с колхозами. Авторы не показывают выполнения обязательств МТС и колхозов, обслуживаемых ею, принятых по договорам. Вся работа МТС авторы освещают вне договора, касаясь этого важнейшего вопроса лишь мельком, мимоходом. Между тем договор между МТС и колхозом не является просто договором между двумя хозяйствующими организациями, двумя «контрагентами». Договор между МТС и колхозом — это договор о социалистической переделке сельского хозяйства, которым обеспечиваются руководящая роль рабочего класса и организационно-техническая помощь со стороны пролетарского государства колхозам. Вместе с законом об обязательных поставках зерна государству примерный договор 1933 г. МТС с колхозами был одним из могучих средств в борьбе за высокую урожайность, за зажиточную, культурную жизнь колхозников. 4-я сессия ЦИК еще раз подтвердила, что договор МТС с колхозами имеет силу закона как для МТС, так и для колхоза. Вот почему примерный договор — это такой документ, который должен знать каждый колхозник, так как договор определяет основные производственные взаимоотношения МТС и колхозов на весь год.

Не проанализировав сущности договора, авторы не показывают четко круга обязанностей МТС и колхозов, вытекающих из договора. На стр. 8 авторы пишут: «МТС обеспечивают возможность планирования в с е х (подчеркнуто нами — Л. и Р.) звеньев коллективного хозяйства». Эту же мысль авторы проводят и на стр. 9-й. По их мнению, «машинно-тракторные станции охватывают все стороны и з в е н ь я с.-х. п р о ц е с с а (подчеркнуто нами — Л. и Р.), и это создает основу их всестороннего влияния на всю систему колхозного производства». Авторы, развивая эту мысль, полагают, что даже заготовительные планы колхозов МТС может четко и полно планировать.

Такое расширенное толкование круга обязанностей МТС в отношении к обслуживаемым ею колхозам авторы проводят на протяжении всей рецензируемой работы. На стр. 128 авторы, говоря о работе МТС по составлению планов в колхозе, полагают, что это «дает возможность МТС регулировать и руководить всеми отраслями коллективного хозяйства, в частности строительством». Бесспорно, МТС заинтересована в хорошей работе колхозов, но круг обязанностей и ответственность МТС вытекает только из тех обязательств МТС, которые берет она по договору. Тов. Каганович на XVII съезде партии говорил: «Тов. Сталин высказал мысль, что нельзя навязывать МТС ряд несвойственных ей функций, необходимо всемерно укрепить райзо и отвергнуть попытку их ликвидации. Надо, чтобы райзо, этот государственный орган, взяв на себя руководство рядом с.-х. операций, в частности в отношении животноводства»².

Поэтому утверждение о необходимости ответственности МТС за все стороны колхозного хозяйствования безусловно поддерживает идею навязывания МТС ряда несвойственных ей функций.

В первом разделе авторы дают общую характеристику МТС и района ее деятельности. Авторами собран интересный материал, характеризующий лицо деревни до резолюции на территории района деятельности МТС. Несмотря на то, что этот раздел развернут скупое, все же и приведенные факты дают отчетливое представление о быстром темпе капиталистического развития сельского хозяйства, обусловившем глубокую дифференциацию крестьянства к моменту Октябрьской революции.

Непонятно только, почему авторы, приводя данные о размерах земельной площади по 56 хозяйствам немецкой Фрейдорфской колонии, выпустили группировку хозяйств, владеющих землей от 8 до 25 десятин.

В этом же разделе в главе «Путь колхозного строительства» авторы слишком бегло говорят о перегибах 1930 г. Авторы пишут: «Н е к о т о р о е (подчеркнуто нами — Л. и Р.) снижение кривой коллективизации в 1930 г. объясняется имевшими место перегибами, «головокружением от успехов», наиболее распространенной формой которых было применение «оптимальных участков», т. е. организация колхозов в масштабе сельсовета с разделением площадей посева по отдельным культурам между поселениями, входящими в такой гигантский колхоз» (стр. 20). Это все, что написано бригадой о перегибах, имевших место в 1930 г. Из приведенной диаграммы на той же странице видно, что на 1 марта 1930 г. процент коллективизации Веселокутской МТС был

¹ Материалы объединенного пленума ЦК и ЦКК, Партиздат, 1933 г., стр. 182.

² Каганович. Организационные вопросы. Партиздат, 1934 г., стр. 34.

свыше 75 и снизился к 1 октября 1930 г. до 40. Такой отлив авторы почему-то считают «некоторым снижением». Позволительно спросить, если снижение на 35% является «некоторым снижением» кривой коллективизации, то какой же процент является «некоторым снижением»?!

В наиболее интересном, живо написанном разделе «МТС — центр политического руководства колхозами» авторы показывают повседневную борьбу и методы работы работников политотдела за большевистские колхозы, за зажиточную колхозную жизнь. Авторам удалось показать большую работу Политотдела (во главе с т. Нидер), добившегося огромного перелома в отношении к труду и развертыванию подлинного соцсоревнования и ударничества среди широкой массы колхозников. Авторы дали живой показ стиля работы политотдела, его оперативность, конкретность, умение «в мелочах» находить важные рутинные вопросы. Авторская бригада ярко и выпукло показала, как политотдел обеспечил выполнение обязательств перед государством и добился подъема материального и культурного уровня колхозников и укрепления колхозов. Тов. Нидер начальник политотдела, за боевую большевистскую работу награжден орденом Ленина. Авторской бригаде удалось в живой наглядной форме отобразить эту работу политотдела.

К сожалению и в этом разделе имеется ряд спорных и неверных положений. Правильно критикуя стиль старого районного руководства, как «руководства с брочки», авторы, по нашему мнению, показывают недостаточно четко стиль работы политотдельцев. На стр. 32 они пишут: «В противовес этой системе (системе старого районного руководства — Л. и Р.) политотдельцы, приезжая в колхоз, не уезжают до тех пор, пока не проведут в с. х (подчеркнуто нами — Л. и Р.) мероприятий, необходимых для поднятия колхоза». Эта же мысль проводится и на стр. 33. Такое обобщение неверно и противоречит самому же материалу, приводимому авторами в дальнейшем. Политотдельцы Веселокутской МТС, так же как и политотдельцы других МТС, сосредоточивали свое внимание, волю и напористость не на всех, а лишь на узловых, решающих мероприятиях.

В рецензируемой работе авторы очень часто приводят для иллюстрации и подкрепления своих положений цитаты из выступления конкретных, живых колхозников. Такой прием заслуживает всяческого поощрения, если он в то же время правильно применяется. Надо отметить, что авторы неплохо показали живых конкретных активистов-колхозников, опору политотдельцев.

В разделе «МТС — центр технического перевооружения колхозов» авторская бригада приводит большой фактический материал, характеризующий работу МТС как с положительной, так и с отрицательной стороны. Рост материально-технической базы Веселокутской МТС, как правильно указывают авторы, отражает линию партии на все большее усиление роли МТС как рычага технического перевооружения колхоза. Бригада совершенно правильно на основе анализа работы Веселокутской МТС пришла к выводу о нецелесообразности дальнейшего существования производственных участков, которые мешают приблизить непосредственное руководство МТС к низовым производственным звеньям (стр. 84). Приводимые авторами данные об использовании тракторов показывают, что в Веселокутской МТС использование тракторов и с.-х. машин все еще неудовлетворительное, и авторы правильно подчеркивают, что в этой части МТС и политотделу предстоит еще много работы. Вместе с тем считаем неверным объяснение, которое дают этому авторы. Они пишут: «Несомненно, что эта низкая степень использования связана с отсутствием опыта работы на этих сложных машинах. Виндрузеры Веселокутская МТС имеет всего в течение двух лет, а комбайны только первый год» (стр. 103). На следующей же странице авторы сами приводят работу ударников тт. Шибинского и Мазуренко, показавших прекрасные образцы работы на этих машинах. Не следовало бы авторской бригаде искать объяснения в объективных причинах, ибо «ответственность за наши прорывы и недостатки в работе ложится отныне на ⁹/₁₀ не на «объективные» причины, а на нас самих и только на нас»⁸. В рецензируемой работе наиболее слабо разработан раздел — «МТС — центр руководства планированием и учетом в колхозах».

Правильно начиная анализ этого раздела с положения, что колхоз как крупное хозяйство нельзя вести без плана, авторы все свои положения о планировании колхозного производства проводят, абстрагируясь от договора МТС с колхозами. Ведь договор определяет объем работ, производимых силами МТС и колхоза; вне этого решающего показателя нельзя правильно подойти к составлению планов в колхозах. В этом ведь — одна из важнейших сторон договора. Договор между МТС и колхозами — это договор, определяющий план производственной работы как МТС, так и колхозов на весь год.

Нет четкости у авторов и о самом содержании планирования. Так например, на стр. 113 они считают действительным лишь оперативное планирование, причем мотивировка необходимости оперативного планирования весьма «сомнительная». По мнению авторов, «оперативность планирования имеет особенно большое значение в сель-

⁸ Сталин, Отчетный доклад XVII съезду партии, стр. 79

ском хозяйстве, где еще большую роль играют природные климатические условия, не поддающиеся точному предвидению заранее (подчеркнуто нами — Л. Р.): сезонность в работе, неравномерность напряженности труда в различные периоды года и т. д.» (стр. 114).

С каких пор задача планирования, его оперативность определяются условиями точного предвидения заранее?

С другой стороны, авторы впадают в противоположную крайность, когда пишут: «Отсутствие перспективного планирования становится препятствием на пути дальнейшего роста колхозов» (стр. 125; подчеркнуто нами — Л. и Р.).

Говоря о ближайших задачах в планировании колхозного производства авторы делают неправильный вывод: «Опыт планирования Веселокутской МТС является ярким доказательством необходимости включения в головной план колхоза точных показателей норм выработки, твердых фондов трудодней и стоимости трудодня в натуре и деньгами» (стр. 124—125). Как известно, ЦК ВКП(б) и СНК СССР в своем постановлении от 4 марта 1934 г. отмечают необходимость всемерного упрощения форм производственных планов колхозов и утвердили гиповую форму производственного плана колхоза, принятого НКЗ СССР, в котором отсутствуют точные показатели норм выработки, твердые фонды трудодней и стоимость трудодня, что предлагают авторы.

В этом же разделе авторы пишут об интересном опыте колхозов в Веселокутской МТС, организовавших зимнюю учебу вокруг проработки и выполнения колхозниками годового производственного плана, опыте, заслуживающем всякого поощрения, опыте, о котором писала «Правда». Следует отметить, что авторская бригада не сумела показать этот опыт достаточно полно и выпукло, хотя и пишет о нем в нескольких местах.

В разделе «Организация труда» авторы правильно ставят вопрос и показывают, что если применение машин в условиях мелкого крестьянского хозяйства имело очень узкие пределы, а применение сложнейших машин (комбайны и др.) совсем немыслимо; то в крупных коллективных хозяйствах через МТС сказывается все преимущество механизации в смысле сбережения рабочей силы и уменьшения себестоимости продукции. Авторы правильно делают, начиная рассмотрение организации колхозного труда с вопросов повышения производительности труда.

На стр. 156 авторы утверждают, что «в трудодне нашей партией была найдена наиболее удачная форма сочетания личных и общественных интересов колхозников, — такое сочетание, при котором ведущее остается за общим».

Известно, что трудодень есть мера необходимого количества труда, потребного для проведения определенной работы установленного качества, и трудодень действительно выражает своеобразие социальной природы колхоза. Как мера труда трудодень выступает и в артели, и в тозе, и в коммуне. Тов. Сталин в докладе на XVI съезде партии указывал: «Теперь все признают, что артель является при нынешних условиях единственно правильной формой колхозного движения. И это вполне понятно: а) артель правильно сочетает личные, бытовые интересы колхозника с его общественными интересами, б) артель удачно приспособляет личные, бытовые интересы к общим интересам, облегчая тем самым воспитание вчерашнего единоличника в духе коллективизма».

Таким образом наша партия нашла наиболее удачную форму сочетания личного и общего интереса колхозников в с.-х. артели — основном звене колхозного движения на данном этапе, а не непосредственно в трудодне, хотя трудодень и выражает и отражает социальную природу колхоза.

На стр. 193 приводится мнение бригадиров о том, что общественное внушение незнательных колхозников «лечит лучше штрафов». Безусловно, действительность общественного внушения колоссальна. Однако этим совершенно не исключается необходимость применения штрафов. В книге нет четкой постановки этого вопроса.

Если в книге дается достаточное описание построения и организации работы постоянных бригад, то вопросы внутрибригадной организации труда находят незначительное отражение. Звеньевая организация создает большие возможности лучшей организации внутри бригады. Авторы мельком упоминают о комбинированных звеньях, однако вопросы организации их, переключения с работы на работу и т. д. не поставлены.

Вопрос чередования работы и отдыха не поставлен как следует. Авторы указывают, что «практика частых отдыхов нерациональна» (стр. 70). Что это за частый отдых, каков должен быть отдых для колхозника и для тягла, — на это ответа не имеется. А ведь известно, что перерывы должны быть систематическими, с правильными интервалами, и тогда обеспечиваются лучшие использование тягловой силы и лучшая организация труда колхозников.

На базе создания машинной техники имеются все возможности по-культурному использовать землю, добывать высокие устойчивые урожаев, недоступных единоличным хозяйствам. И итог 1933 г. показывает значительные успехи в деле борьбы за урожай по сравнению с предыдущими годами. Высокие устойчивые урожаи есть ре-

зультат правильного и полного использования средств производства, социалистической организации труда, внедрения на этой основе рациональной агротехники.

В борьбе за урожайность севооборот является узловым вопросом. На X VII партсъезде т. Сталин указывал, что «одной из очередных задач сельского хозяйства является введение правильных севооборотов, расширение чистых паров, улучшение семенного дела по всем отраслям сельского хозяйства. Что делается в этой области? К сожалению, пока что очень мало».

Очень мало сделано также и в Веселокутской МТС в части введения правильных севооборотов. Веселокутская МТС имеет зерново-пшеничное направление. По большинству колхозов принят шестипольный севооборот с таким чередованием: 1) пар чистый плюс кулисный и плюс бахчи, 2) озимая пшеница, 3) озимая пшеница, 4) кукуруза плюс подсолнух, плюс просо, плюс травы, 5) ячмень плюс озимая пшеница, 6) озимая пшеница плюс ячмень, плюс овес.

Сами авторы признают, что такой севооборот дает неудачное чередование культур, не обеспечивающее большого подъема урожайности.

На стр. 200 указывается: «В 1933 г. план перехода к севооборотам в колхозах Веселокутской МТС был проведен не совсем правильно».

Что нужно сделать, каков правильный севооборот, — этого не дается в книге. Анализ принятых севооборотов под углом зрения того, как размещено государственное плановое задание по посевным площадям, как обеспечивается принятым севооборотом высокая урожайность, каково использование гудла, рабочей силы, средств производства при данном севообороте, как учитывались при проведении севооборотов хозяйственные особенности и природные условия данного колхоза, как обеспечивается потребность в кормах животноводства колхоза, — такого анализа мы ни по одному колхозу не имеем. Очевидно в части введения правильных севооборотов по Веселокутской МТС предстоит большая работа самой МТС, политотделу и колхозникам.

На стр. 201 приводятся размеры полей севооборотов по колхозу им. Калинина. Отклонения от минимального размера полей севооборота — 94 га — имеются в 10, 15, 5 и 7 га. Не показано, чем они вызваны, и неправильно утверждение авторов, что отклонения эти незначительны (10—15 га).

В Веселокутской МТС зябь как средство получения высокого урожая занимает незначительное место. Если в 1932 г. зябь занимала 14%, то в 1933 г. — 24,7%.

Борьба с сорняками, проводимая на колхозных полях Веселокутской МТС, показана очень скупо. Ведь борьба с сорняками включает применение предохранительных средств, как: 1) посев чистыми семенами, 2) уничтожение сорняков на межах, дорогах, в канавах, 3) применение ряда мероприятий против занесения сорняков вместе с навозом, 4) создание наилучших условий для роста культурных растений и пр.

Уничтожение сорняков требует проведения правильного севооборота, проведения хорошей предпосевной обработки, обработки пара, полки зерновых, междурядной обработки пропашных, сжигания сорняков и т. д.

В книге поставлены лишь только отдельные мероприятия, которые не характеризуют полностью проведение борьбы с сорняками в колхозах Веселокутской МТС.

В книге приводятся интересные данные прибавки урожая от сверххранного сева по 16 колхозам МТС. Прибавку в 1—2 ц имеют 9 колхозов, в 2—3 ц — 3 колхоза, в 3—4 ц — 2 колхоза, в 5 ц — один колхоз и в 8 ц — один колхоз.

Эти данные лишней раз подчеркивают громадное значение сверххранного сева как средства борьбы за высокий урожай. По Веселокутской МТС неблагоприятно обстоит дело с сортовыми семенами. В 1931 г. процент площади, засеянной сортовыми семенами, составлял 1,1, в 1932 г. — 4,5, в 1933 г. — 7,7. Вот почему разрешение вопроса сортовых посевов приобретает исключительное значение. По Веселокутской МТС за 1933 г. имелся известный сдвиг, но незначительный в части подъема чистых паров. Если в 1932 г. подъем чистых паров составлял 15,5% общей площади под озимыми, то в 1933 г. он составлял 18,7%. На 1934 г. намечается 27,7%. Сроки подъема пара и в 1933 г. не были выдержаны. Эти данные лишней раз подчеркивают необходимость борьбы за расширение чистых паров, на что указывал т. Сталин на XVII партсъезде.

В книге имеется правильное утверждение о необходимости глубокой пахоты, но в трактовке этого вопроса авторы допускают неточности и не дают ответа, какую пахоту они считают глубокой.

На стр. 196 авторы указывают, что вспашка в колхозах Веселокутской МТС исчисляется: агрономически средняя 16—18 см, а глубокая — 20—22 см.

На стр. 176 приводится пример, как нанесен удар по мелкой вспашке, когда вспашка проводилась на 14 см.

На стр. 209 указывается, что в результате борьбы за лучшую обработку земли МТС во главе с политотделом добилась того, что вспашка в основном была проведена на 14—15 см, а местами — на 18—20 см. На стр. 224 указывается, что пары в 1933 г. пахались, как правило, на 15—18 см.

В Веселокутской МТС в 1933 г. создан крепкий фундамент для превращения всех

колхозов в большевистские, а колхозников — в зажиточных. В результате работы в течение 1933 г. МТС вышла из прорыва 1931—1932 гг. В книге дается материал, характеризующий борьбу колхозов Веселокутской МТС за большевистские колхозы, за зажиточного колхозника.

В самом деле, рост валовых доходов по ряду колхозов Веселокутской МТС выражается в 223% и самое меньшее — 44,5% против 1932 г.

Валовой сбор зерновых возрос на 306% и самое меньшее на 57%. Выполнены досрочно зернопоставки и натуроплата. Имеется рост фондов семенного, фуражного, нецелимого и т. д., рост фондов распределения по трудодням, рост материального и культурного уровня колхозников. На примере колхозов этой МТС показано, что дают честный труд колхозников и бережное отношение к колхозному добру.

Данные, приводимые в разделе «Борьба за большевистские колхозы и за зажиточного колхозника», наглядно показывают, что «распределение само есть продукт производства» (Маркс).

Авторы правильно указывают, что, выполняя государственные обязательства, «колхозники участвуют в государственном накоплении средств, идущих на осуществление грандиозных задач второго пятилетнего плана». Но в дальнейшем нет развернутой и четкой постановки накопления в колхозах, не подчеркивается, что «внутриколхозное накопление» представляет собой вид социалистического накопления. Если в книге подробно показывается рост внутриколхозного накопления, то общегосударственное накопление не анализируется всесторонне и трактовка этого вопроса ограничивается общими положениями.

На стр. 239 авторы указывают, что для колхозов забота о приобретении сложных машин и орудий отпала. Это не совсем так. Ряд сложных машин и орудий колхозы приобретают.

На стр. 244 авторы указывают, что самый низкий средний доход на одно хозяйство — 142 пуда зерновых и самый высокий средний доход — 362 пуда на хозяйство, подчеркивая при этом: «А ведь эти пуды — это чистый доход колхозника. Ему незачем заботиться о семенах на будущий год, о фураже для рабочего скота, о хлебосдаче, ибо все это уже сделано за него колхозом».

Это несомненно так. Относительно заботы колхозника — правильно, что колхозник, войдя в колхоз, освобождается от многих забот своего индивидуального хозяйства. Правильно, что «забот у него в колхозе стало меньше, чем в индивидуальном хозяйстве, ибо забота и ответственность за хозяйство распределена ныне между всеми колхозниками»⁴.

Поэтому неправильно говорить, что колхознику незачем заботиться о семенах, фураже и т. д., ибо это за него сделано колхозом. Забота и ответственность каждого колхозника остаются, но эта забота и ответственность за коллективное хозяйство распределены между всеми колхозниками.

Как существенный недостаток книги надо отметить отсутствие соответствующей постановки вопроса о развитии животноводства в колхозах Веселокутской МТС.

Есть отдельные замечания, есть иллюстрации, есть факты, но само животноводство ставится наряду с огородничеством.

Авторы приводят интересные материалы, характеризующие тактику классового врага на данном этапе — классовая борьба тихой сапой. В чем выражается эта борьба?

1. Кулаки в колхозе «Червоная нива» умудрились всех больших коров запрячь в малые ярма, а малых по росту коров — в большие ярма, и всего за 4 часа работы из строя вышло 22 коровы.

2. Тракторы совершенно не смазывались. Имели место в колхозе «Кассель» случаи подкладывания в снопы гаек, бросание вил в молотилку.

3. В колхозе «Кассель» погибло до 20% хлебов благодаря тому, что снопы складывались в кресты таким образом, чтобы центр креста был ниже краев, отчего в центре скапливалась дождевая вода.

4. Некоторые колхозники под влиянием кулацкой агитации приходили на работу рано, уходили поздно, создавая внешнюю видимость усиленной работы, а норму выработывали только на 20%.

5. В колхозе «День урожая» плотник Чабан в течение недели фактически саботировал организацию табора.

6. В колхозе «Шлях Ильича» запроектировано было и обобществлено фуражных фондов 340 ц, в то время как надо было забронировать не меньше 900 с лишним центнеров. Имеются и обратные факты, когда создавались преувеличенные фонды.

7. В колхозе «День урожая» кулаки агитировали против секретаря ячейки, против председателя колхоза, против присланных из района работников: «Нам чужаков не надо».

⁴ С т а л и н; Речь о работе в деревне.

8. В колхозе «Червонная нива» кулаки так разъясняли лозунг о зажиточности: «На то вас и роблят зажиточными, шоб потом, як нас, раскулачивать».

9. В колхозе «Правильный путь» кулаки выступили против ячейки с заявлением: «Пусть секретарь ячейки не сует нос в хозяйство, а занимается партийно-массовой работой.»

10. В ряде колхозов имеются расхищение керосина, смешивание его с водой и т. д. Все эти конкретные факты показывают новую тактику классового врага против колхозного строительства.

Все выше отмеченные недостатки отнюдь не умаляют значения данной работы, которая всесторонне, с богатым фактическим материалом освещает значение МТС как действенного рычага пролетарской диктатуры в деле социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Книга является очень полезным пособием для работников политотделов и работников МТС, для руководителей социалистического сельского хозяйства. Этот опыт всестороннего анализа работы МТС должен быть в дальнейшем использован для применения нашими научно-исследовательскими институтами и в первую очередь институтами, занимающимися обобщением опыта организации и экономики социалистического земледелия.

Я. Ловков

Д. Рыбалко

ДЬЯЧЕНКО В. П., Теория денег и кредита СССР

Стенограмма лекций, читанных студентам МФЭИ в 1932/33 г. Госфиниздат, М. 1933 г., стр., 152, тираж 5 000, ц. 2 руб.

Автор этой работы безусловно прав, когда говорит, что «финансист, не знающий существования денег и кредита, — это человек, который вообще плохо разбирается в процессах финансового строительства» (стр. 14).

Ведь проблема финансов у нас — это не отраслевая, не ведомственная, а общеэкономическая проблема, и «разбираться» в финансах на практике приходится каждому хозяйственнику, каждому работнику нашего строительства, поэтому и теоретически в них надо «разбираться» каждому экономисту, каждому хозяйственнику. Проблема денег и финансов в особенности должна фиксировать на себе внимание нашего актива в области хозяйственного строительства. Значение ее с особой силой подчеркивается всеми последними решениями партии — XVII партконференции, январского пленума и наконец XVII съезда партии.

«Основой хозяйственной деятельности, — говорится в резолюции XVII съезда по докладу тт. Молотова и Куйбышева, — должна быть борьба за внедрение хозрасчета во всех звеньях народного хозяйства, усиление плано-финансовой дисциплины, дальнейшее укрепление рубля — этого сильнейшего рычага усиления хозрасчета и укрепления экономических связей между городом и деревней».

Задача, как видим, огромная. Для понимания и разрешения ее мы имеем основные установки в этих же решениях партии, в учении Ленина — Сталина. Таким образом научная разработка финансовых проблем имеет вполне ясные методологические принципы.

В какой же мере работа т. Дьяченко помогает разобраться в этой важной проблеме в какой мере, использованы в ней методологические принципы Ленина — Сталина?

К вузовскому курсу мы должны предъявить серьезные требования. Курс лекций должен давать обобщенное на достаточной принципиальной политической высоте объяснение соответствующего круга явлений, он должен учить работать в определенной области.

Из предисловия мы узнаем, что студенческие массы, слушавшие лекции, общественные организации вуза и сотоварищи автора по кафедре высоко оценили его лекции. Но автор сам, как и полагается, не считает их чересчур хорошими, способными заменить учебник: они-де имеют целью лишь помочь студентам, которые не имеют вовсе учебных пособий по этому предмету, но на полную не претендуют, тем более, что шести лекций (из 16) у автора к моменту издания книги просто не оказалось под рукой.

Эти объяснения немножко напоминают ходатайство об амнистии, и редакция, отметившая некоторые ошибки т. Дьяченко, действительно амнистирует его.

Но дело-то в том, что редакция отмечает лишь очень немногое и отмечает очень неважно. Ошибок у автора гораздо больше; они глубже, чем полагает редакция, и упираются в неправильную, антиленинскую трактовку автором самых основных предпосылок изучаемого им предмета и самых основных его качеств.

Это делает необходимым детальный разбор работы т. Дьяченко.

Особенно плохо у т. Дьяченко с самой основной синтетической проблемой курса — с вопросом о сущности денег и кредита.

Схему разветвлявания проблемы он пытается позаимствовать у Маркса — показать сначала сущность наших денег и на основе этой сущности представить функции денег. Однако изучение наших денег по такой схеме встречает целый ряд трудностей, обусловленных самим существом нашей экономики.

В товарно-капиталистическом обществе сущность денег — это всеобщая форма стоимости, приобретающая в процессе движения известную самостоятельность. Каждая функция денег (в смысле служебной роли) обусловлена именно этой относительной самостоятельностью денежной формы стоимости, причем характер связи (зависимости) между стоимостью и функциями денег (ролью) является в известном смысле автомати-

ческим (функциональным). Функции денег — это функции стоимости. Но в переходной экономике, где характер закономерностей плановый, подчиненный организованно и целесообразно направленной деятельности диктатуры пролетариата, о подобном т и п связях между основным экономическим законом и экономическими явлениями говорить уже нельзя. Это относится и к нашим деньгам. В товарно-капиталистическом обществе деньги выражают и отражают стихийный характер общественной организации труда, противоречивость общественного и частного труда, антагонистичность производственных отношений.

В советской экономике т и п организации труда и обусловливаемый им т и п распределения общественного продукта определяется планом пролетарской диктатуры, который определяет наши деньги как орудие плановой организации труда, орудие контроля над мерой труда и потребления. Но и организация общественного труда, и обусловливаемый ею характер распределения общественного продукта, и обмен этого продукта существенно различны на разных этапах преобразования экономики переходного периода. А это значит, что на различных этапах существенно различны и содержание и служебная роль наших денег. Одно дело начало нэпа, когда преобладают по своей массе мелкотоварное производство и частная торговля, и другое дело реконструктивный период, когда во всех областях и абсолютно преобладают социалистические формы хозяйства. Ясно, что изучать наши деньги надо конкретно, отмечая особенности каждого этапа. За общие скобки можно вынести лишь очень немногие черт, характеризующих наши деньги, — т о л ь к о т о, что обще всем этапам в отношении организации общественного труда и распределения общественного продукта. И если бы т. Дьяченко взял отправным пунктом изучения проблемы наших денег эту предпосылку, то он возможно нашел бы правильный путь. Но он предпочел путь формальных противопоставлений наших денег деньгам товарно-капиталистического общества, и наши деньги им представляются в едином качестве на всех этапах, их свойства раскладываются по полочкам схемы изучения денег товарно-капиталистического общества, а сущность последних он тоже оставляет в стороне.

Он не говорит здесь о том, что денежная форма стоимости является формой разрешения противоречия между частным и общественным трудом, но ухватывает только одну сторону — изменение их роли в историческом плане, в плане смены эпох.

В простом товарном хозяйстве они играют роль простого посредника (формула $T - D - T$), в капиталистическом же являются средством эксплуатации ($D - D + D$) значит отношения, скрывающиеся за обращением денег, не однотипны. Но для чего такая общая истина т. Дьяченко? Видимо для того, чтобы сказать, что наличие денег у нас еще не делает нашу экономику капиталистической. Тезис, если принять во внимание антитезис Юровских, не вредный, но он обязывает к ясному и четкому показу особого качества наших денег и наших отношений. Но тут-то у т. Дьяченко и выступает непонимание существа проблемы.

У нас нет капитала — отмечает т. Дьяченко. Но... у Маркса сказано, что «при общественном производстве денежный капитал отпадает, а бумажные удостоверения, которые «могут» получать производители, — уже не деньги, так как не совершают обращения».

Отсюда можно сделать только тот вывод, что при общественном производстве, т. е. при производстве, в котором весь труд будет непосредственно общественным (значит противоречие и общественного и частного труда устранено), когда таким образом и будет создана основная предпосылка прямого распределения, необходимость денег устраняется. Это общий вопрос о предпосылках безденежных отношений.

Но т. Дьяченко полагает, что мысль Маркса характеризует наши деньги. «Основной предпосылкой ликвидации денег, денежного обращения является отпадение денежного капитала, т. е. отпадение тех условий, при которых сохраняется необходимость обращения денег как средства обращения, так как э т о о б р а щ е н и е д е н е г в т о ж е в р е м я с о з д а е т в о з м о ж н о с т ь и х о б р а щ е н и я к а к к а п и т а л а» (стр. 79; подчеркнуто мной — И. М.).

Мы видим, что тут уже ставится знак равенства между всяким денежным обращением и денежным капиталом. Автор вывел из цитаты Маркса совсем не то, что в ней заключено. Капитала у нас нет, но... капитал есть, ибо есть деньги. То же он продвигает и с другой цитатой Маркса.

«Когда весь капитал, — говорится у Маркса, — все производство, весь обмен объединяются в руках нации, частная собственность отпадет сама, деньги станут ненужными, производство усилится в такой степени, что можно будет отказаться от всех все еще уцелевших способов гражданского оборота прежнего общества» (стр. 79) Мысль по существу та же, что и в предыдущей цитате. Общественное производство и прямое распределение исключают о б р а щ е н и е продуктов, а значит и необходимость денег.

Но автор делает отсюда выводы о наших деньгах. «Отсюда следует, — говорит он, — что нельзя ставить вопрос таким образом, что наши деньги представляют собой будто бы нечто вроде зародышей социалистических расчетных свидетельств. Наши деньги

есть не что иное, как «пережиток форм гражданского оборота товарно-капиталистического хозяйства» (стр. 79).

Для чего однако нужно автору непременно обуржуазить наши деньги, опорочить их? Дальше автор приводит ленинский проект параграфа партийной программы по вопросу о деньгах и принятый текст этого параграфа, в которых деньги характеризуются как свидетельства, дающие эксплуататорам право на общественное богатство, намечается ряд организационных мероприятий, подготовляющих переход к безденежному распределению, как-то: бюджетные книжки, держание денег в банке, чеки и пр., и делает отсюда логический вывод: если пролетариат в ы н у ж д е н сохранить деньги в условиях переходной экономики, то он должен знать, что из денег автоматически может вырасти капитализм, «ибо и в наших условиях деньги потенциально могут выражать те же отношения, что и в условиях товарно-капиталистического хозяйства» (стр. 81). Ну, и разумеется «это делает совершенно необходимым и самые решительные и наиболее быстрые меры, обеспечивающие создание условий для ликвидации денег и денежного обращения» (стр. 81).

Словом деньги как деньги при любых условиях—ужасное зло, а потому как можно скорей надо их уничтожить. Ясно, что автор, цитируя «Нищету философии», чересчур близко принял к сердцу «философию нищеты», в которой тоже, как известно, много яду направлено против денег как таковых, ибо «от них все качества». Именно прудонизмом насыщены все эти рассуждения. Казалось бы, когда автор говорит о «н а ш и х у с л о в и я х», он должен под этим понимать нашу экономику в ее основных чертах — диктатуру пролетариата, экономические командные высоты в ее руках, плановое хозяйство, план социалистической реконструкции и пр. Ведь именно этими условиями и создаются наши деньги. Как же они могут выражать «те же отношения, что и в условиях товарно-капиталистического общества»?

Деньги, выражающие отношения товарно-капиталистического общества, будут деньгами товарно-капиталистического общества. Все это азбучно, но т. Дьяченко тут наводит тень на ясный день. Он хочет сказать, что свобода торговли, которой домогались правые элементы, должна была бы вести к реставрации капитализма, —это конечно верно, но тогда бы и условия были не «наши», не советские, экономика не переходная от капитализма к социализму, а прямо капиталистическая, и деньги поэтому были бы не наши, не советские. У т. Дьяченко проблема денег занимает какое-то самостоятельное определяющее место, покрывая собой в с ю проблему борьбы с капиталистическими элементами, проблему нэпа и правильной политики при нэпе, проблему свободы торговли.

Пока есть деньги—есть капитализм. Что общего имеет эта «концепция» с марксизмом-ленинизмом? Одно-единственное: как Марксом, так и Лениным, а в последнее время т. Сталиным эта концепция подвергалась уничтожающей критике и разоблачена как мелкобуржуазная теория. Ненависть мелкого буржуа к капиталу слепо направляется против денег как формы проявления капитала, подчиняющего себе в условиях капиталистического строя мелкотоварного производителя, пожирающего его. В этом суть всех утопических lamentаций представителей буржуазного реформизма вроде Прудона, Дюринга и т. п. об уничтожении капитализма путем уничтожения денег. Смысл этой концепции раскрыт еще Марксом.

Что же можно сказать об авторе, переносящем эту концепцию в наши условия по адресу наших денег? Очевидно политическая и теоретическая безнадежность его в н е к о н к у р е н ц и и. Но зачем же выдавать этот темный лепет за марксизм-ленинизм?

Очернив всячески наши деньги, т. Дьяченко вдруг делает поворот на 180 градусов и начинает дуть прямо в противоположную сторону. Он вспоминает, что и правые, и «левые», и троцкисты, и реставраторы тоже каждый по-своему старались представить наши деньги как деньги товарно-капиталистического общества, «денег как таковые». И тут начинается «во изменение и дополнение». Наши деньги — не разновидность денег товарно-капиталистических — заявляет т. Дьяченко. Угроза развертывания товарно-капиталистических отношений, которую «скрывало за собой денежное обращение», предотвращена тем, что пролетариат взял в руки власть и командные высоты. «А тем самым допущение той или другой формы связи, в частности допущение денежного обращения, является по существу допущением орудия косвенного воздействия социалистического сектора на остальные сектора народного хозяйства, т. е. конкретно орудия ликвидации капиталистических элементов и переделки мелкотоварного сектора». Стало быть те самые деньги, которые в н а ш и х у с л о в и я х могли превратиться в капитал, этими самыми н а ш и м и у с л о в и я м и превращены в орудие уничтожения капитала. Вот это диалектика советских денег по Дьяченко. Каким же колдовством? А вот каким. «Вся задача заключается в том, — говорит т. Дьяченко, — чтобы деньги не превратились в орудие против пролетариата, чтобы деньги не могли быть использованы как орудие стихии против усиления роли планового начала. Вот эту задачу мы и ставили перед собой в начале нэпа. Эту задачу мы в основном и решили проведением денежной реформы. Эту задачу мы окончательно решаем в первую и вторую пятилетки, когда мы окончательно ликвидируем классы и классовые различия в нашей стране» (стр. 85—86). Какая бездна «великих» идей!

Угроза превращения денег в капитал не реализовалась. Наоборот, деньги, которые потенциально могут выражать те же отношения, что и в условиях товарно-капиталистического хозяйства, превращаются в свою собственную противоположность из орудия капитализма, эксплуатации и в орудие ликвидации капитализма и эксплуатации до самых их глубоких корней. И в основном, эта задача уже решена в 1924 г. Вы думаете социалистической реконструкцией всего хозяйства на базе индустриализации, коллективизацией, ликвидацией кулачества и пр. в этом роде? Ошибаетесь — денежной реформой. Твердый рубль — это вам даже не «паркомфиновский пулемет» по Преображенскому, он сам по себе без пулеметчика уничтожает капитализм и уничтожает мертвой хваткой. Однако почему же для подчинения денег «плановому началу» требуется не меньше двух пятилеток и полная ликвидация классовых различий? Конечно это «словесность».

На денежную реформу автор нагрузил слишком много, а вот социалистической реконструкции народного хозяйства, создания собственной индустрии, коллективизации, — словом, итогов одной первой пятилетки не заметил.

У т. Дьяченко наши деньги по природе — это враждебная сила, которая обуздывается при помощи командных высот, а ведь дело-то в том, что и сами наши деньги тоже являются в руках диктатуры пролетариата мощной командной высотой.

Надо только видеть в них их подлинную природу, органическую связь с прочими командными высотами диктатуры пролетариата.

Двойственность в нашей экономике действительно есть, но не механическое сожительство стихий с планом, как это представляли когда-то Бухарин и Преображенский и как представляет ее в наших деньгах т. Дьяченко.

А что он понимает двойственность механистически, в этом нет сомнения. Наши деньги у него образуются из механического взаимного давления двух сил. Именно в таком духе «обрабатывает» он огромное количество цитат, как выше отмеченных, так и много других: например цитату из Программы Коминтерна о том, что в условиях пролетарской диктатуры и правильной ее политики рыночные отношения ведут к укреплению не капитализма, а социализма. Здесь имеется в виду, что и по содержанию рыночные отношения в условиях, когда государство является почти единственным производителем промышленной продукции, руководит производством в сельском хозяйстве, держит в руках транспорт, торговлю, банки и т. д., являются не капиталистическими. Тов. Дьяченко полагает, что тут рынок товарно-капиталистический прямо-таки физически превращается в свою собственную противоположность, очевидно по методу «смены белья».

Цитату из выступления т. Сталина на XIV съезде партии против Сокольников, в которой с исключительной силой подчеркивается принципиальная разница между нашими деньгами и деньгами товарно-капиталистического общества, он толкует в том смысле, что наши деньги изо всех сил стремятся превратиться в капитал, но в противовес этому стремлению пролетариат мобилизует «все свои силы» на денежный фронт и не дает реализоваться этой тенденции (стр. 87).

Так т. Дьяченко показывает «природу» наших денег.

Что касается такого метода использования цитат, то в публицистике далекого прошлого он обычно квалифицировался как с у з д а л ь с к и й.

В самом деле. Золото, конфискованное нами в банках, сейфы и пр., — все это можно использовать так, как излагает это т. Дьяченко. Но как это использовать деньги, выражающие товарно-капиталистические отношения? Это секрет т. Дьяченко.

То, что он дает в своей работе, — не советские деньги. И вот к этой комбинированной «природе» т. Дьяченко приклеивает такие четыре функции:

- а) деньги — орудие планового учета,
- б) орудие накопления,
- в) орудие проверки хода выполнения плана,
- г) орудие распределения и перераспределения материальных ресурсов страны.

Только при взгляде на последние три «функции» наших денег читатель поймет самую «глубокую сущность» рассуждений т. Дьяченко о сущности наших денег, разобранных выше.

Те самые деньги, коим имманентно стремление стать капиталом, должны себя очень плохо чувствовать, когда их заставляют функционально превращаться в социалистические фонды, когда их заставляют функционально же проверять ход выполнения наших планов или перераспределять материальные ресурсы страны опять-таки для увеличения социалистических накоплений. -Такого напряжения внутренних противоречий комбинированные деньги т. Дьяченко не выдержали бы.

Эти «функции» выполняет диктатура пролетариата посредством всех своих органов, используя конечно и деньги, но советские деньги, которые непосредственно служат средством учета общественного труда (не прямого учета) и в силу этого средством обращения и платежа в рамках допущенных нами форм и пределов развертывания товароборота.

Тов. Дьяченко слишком уж упрощено понял двойственность нашей экономики и двойственность денег. Деньги представляют собой общественный труд, но у нас этот общественный труд становится непосредственно общественным (обобществленным), трудом, и в меру этого обобществления труда наши деньги в н у т р е н н е меняются, т е р я ю т е н д е н ц и ю к превращению в капитал.

Тов. Дьяченко, возражая правым, требовавшим в известное время свободы торговли, выпячивает в и е ш н и е методы воздействия на товарооборот и на денежное обращение, но он о с т а в л я е т в т е н и роль внутренней организации товарного и денежного обращения внутри обобщественного сектора, которыми определяется существо наших денег, и в частности организацию финансового хозяйства внутри обобщественного сектора, роль бюджета (мобилизация средств, организация расходов режим экономики, массовый контроль). А между тем этот последний фактор сыграл решающую роль в той самой денежной реформе, которую т. Дьяченко чересчур переоценил в качестве рычага ликвидации капиталистических элементов.

Если бы т. Дьяченко хорошенько продумал хотя бы ленинскую постановку проблемы денег и финансов весной 1918 г., то самый вопрос о «природе» наших денег он поставил бы по-другому.

Ленин первым шагом овладения финансами считал организацию единого централизованного и гибкого финансового аппарата, затем новую организацию труда и его учета как базы распределения доходов и распределения денег и продуктов (организация расчетных отношений, бюджетные книжки и т. д.) и новую базу государственного бюджета. У Ленина мы видим подход к деньгам как к категории, выражающей производственно-распределительные отношения, соответствующим образом организованные всей системой диктатуры пролетариата.

Тов. Дьяченко, разумеется, широко цитирует Ленина, в частности и то место, где говорится о значении организационных предпосылок в подготовке условий безденежного хозяйства, но в его концепции, как мы видели, этот момент не находит нужного применения, эти организационные моменты не входят органически в природу наших денег. В результате у него получается искаженное, н е д е й с т в е н н о е представление о деньгах. Такие вопросы, как количественная закономерность наших денег, никак не вытекают из постановки т. Дьяченко вопроса о природе и функциях денег; Таких вопросов, как вопрос об ускорении оборота наших фондов и в частности проблемы оборотных фондов, он совершенно не затрагивает. Мы находим у него рассуждение о влиянии денег на хозрасчет. Но ведь не меньшее значение имеет и вопрос о влиянии хозрасчета на качество и укрепление нашего рубля. Далее, такие вопросы, как безналичные расчеты, экономия в расходовании бюджетных средств, — вопросы, которым Ленин уделял исключительное внимание, не связаны у т. Дьяченко с проблемой денег. После этого вряд ли стоит говорить о том, что «вывод» т. Дьяченко о скорейшей ликвидации денег диаметрально противоположен указаниям т. Сталина на XVII съезде партии и нашим практическим задачам в области укрепления советских денег.

Впрочем, к практике работа т. Дьяченко обращена спиной.

И там, где он ставит вопрос о планировании и регулировании денежного обращения, он снова и снова на разные лады повторяет, что наши финансы для нашего строительства не являются лимитом; увязки же проблемы рубля со всеми рычагами, действующими в сторону его укрепления, не дает.

Вообще вопросы о планировании и регулировании денег поставлены слишком бедно и схоластически. Автор берет буржуазных ученых, недавно работавших и писавших у нас, уклонистов и загибщиков и опровергает их, но опровергает в основном «логически», не давая положительного тезиса. В такой разработке проблемы коренится уже тот порок, что автор в постановке вопросов фактически следует за критикуемым им автором. Между тем п р а в и л ь н а я п о с т а н о в к а вопроса в значительной мере сократила бы разговоры с этими обвиняемыми и популяризацию их идей.

Не справился т. Дьяченко и с темой о природе нашего кредита. Тут просто поражает бедность содержания. Вместо действительного изложения существа вопроса мы здесь находим формалистическую рецензию на Трахтенберга, Шанина, Козлова.

В исторических главах он говорит о необходимости различать кредит в восстановительный и в реконструктивный период, а когда переходит к обобщениям, то тут во что бы то ни стало пытается дать какие-то абсолютные качества кредита, различия же в содержании кредита на различных этапах сводит к различиям в субъектах кредита — на первом этапе нэпа-де кредитовали и частника, а сейчас уже только социалистические формы. Конечно это важно, ибо этим определяется содержание кредитных отношений, но надо показать и обобщить само это содержание.

В главе же о планировании кредита, где требовалась бы увязка нашей практики с общими задачами внедрения хозрасчета, укрепления плановости посредством контроля рублем, автор долго и нудно полемизирует с проф. Соколовым и иже с ним.

Даже главы, посвященные истории денег и кредита до кредитной реформы и содержащие довольно большой фактический материал, не могут быть признаны удовлетворительными, так как концепция «природы денег», рассмотренная выше, пронизывает и

эти главы, денежное обращение и кредит представлены в них без необходимой увязки с организованной деятельностью финансовой системы диктатуры пролетариата и прежде всего с бюджетом.

Кредитная реформа получила у т. Дьяченко явно курьезное отражение — слишком узок горизонт предпосылок реформы и связей ее со всем народным хозяйством, в частности связи реформы с той реорганизацией всего управления социалистическими формами народного хозяйства, которую мы проводили в 1929/30 г. Это сужение горизонта в свою очередь обусловило узость и в изложении поправок к кредитной реформе. Оказывается, единственным виновником извращений в первый период реформ является Госбанк, начавший вдруг давать деньги хозорганам «под план», а не под его выполнение.

Разумеется, роль банка в этом деле огромна, но ведь суть извращений упирается в обезличение производственного предприятия в его связях со всей системой народно-хозяйственного процесса, со своими поставщиками и заказчиками, потребителями и контрагентами. А в этом деле играли огромную роль отраслевая централизация управления, отраслевое планирование и размещение производственных заданий, распоряжение средствами предприятия, прием исполнения плановых заданий от других отраслей отраслевым объединением, а не предприятиями, для которых выполнялись эти задания, и пр.

Если принять диагноз т. Дьяченко, то поправки к кредитной реформе могли бы ограничиться введением акцептной формы расчетов между предприятиями в Госбанке. Но фактически поправки к кредитной реформе захватили глубоко всю систему отношений в социалистическом секторе народного хозяйства, в том числе и систему управления предприятиями, систему органов этого управления.

Тов. Дьяченко совершенно неправильно, искаженно представляет вопрос о наделении предприятия собственными оборотными средствами, сводя его к «заинтересованности» предприятий, в то время как звено данной проблемы в оперативной маневренности, в усилении ответственности каждого данного предприятия, во взаимоотношениях его с другим, в упрочении договорных связей (подведение под него материальной базы). Словом, он и здесь совершенно искривил перспективу.

Какой вывод можно сделать из разбора работы т. Дьяченко?

Книга его представляет собой чрезвычайно низкую по своему теоретическому уровню, эклектическую право-левацкую путаницу. Природу наших денег и кредита Дьяченко «исследует» не на основе анализа и обобщения практики социалистической реконструкции народного хозяйства и преобразования организации общественного труда и распределения общественного продукта, а на основе схоластических упражнений и голой логической критики буржуазных теорий и извращений марксо-ленинской теории. И дал он поэтому лишь одну из разновидностей неудачно критикуемых им извращений марксизма-ленинизма. Поняв двойственность нашей экономики по Бухарину — Преображенскому механистически, он и деньги наши представил как механическую совокупность антагонистических сил, пытаясь «подтвердить» эту свою концепцию искаженным толкованием высказываний классиков марксизма: Маркса — Ленина — Сталина, фальсифицируя таким образом марксизм-ленинизм. Поэтому книга эта безусловно пособием для вуза служить не может. Ясно поэтому, что издательство, милостиво амнистирующее автора за его ошибки, не понимая их политического смысла, само отнюдь не заслуживает амнистии.

И. Д. Марков.

Д ЛУРЬЕ и Я. НИКУЛИХИН. Политика партии в деревне

Учебник для высших коммунистических школ, 423 стр. Государственное издательство колхозной и совхозной литературы, 1934 г.

Вышедший учебник для высших коммунистических сельскохозяйственных школ Д. Лурье и Я. Никулихина несомненно является нужным пособием в деле подготовки наших с.-х. кадров. Авторы дают в историческом разрезе систематическое марксистско-ленинское изложение политики партии в деревне.

Учебник теоретически обобщает практику победоносного соц. строительства в деревне и показывает, как на основе генеральной линии партии и борьбы на два фронта «трудовое крестьянство, наше советское крестьянство окончательно и бесповоротно стало под красное знамя социализма» (Сталин, Отчет ЦК ВКП(б) XVII съезду).

На большом фактическом материале авторы показывают превращение СССР в передовую индустриальную страну и победу колхозного строя, техническое перевооружение сельского хозяйства СССР и превращение СССР в страну самого крупного сельского хозяйства в мире.

Авторы выпукло и интересно показывают, насколько вопросы организационно-хозяйственного укрепления колхозов являются узловыми вопросами политики партии на селе на данном этапе и как «лозунг сделать колхозников зажиточными неразрывно связан с лозунгом превратить все колхозы в большевистские» (стр. 299).

Глава об организационно-хозяйственном укреплении колхозов является одной из лучших глав учебника.

Одной из важнейших задач в области изучения экономической политики нашей партии является освещение этой политики в историческом разрезе. Достоинством этого учебника является то, что авторы на конкретном историческом материале освещают роль партии в ее борьбе за диктатуру пролетариата, за укрепление этой диктатуры, за построение социалистического общества.

Выгодно отличает этот учебник от ряда других отсутствие «той схоластики, которая побуждает часть составителей учебников изощряться в «дефинициях» и в разборе отдельных признаков каждой дефиниции»¹.

Перейдем к отдельным главам.

Первая глава — «Аграрная программа большевиков в буржуазно-демократической революции» — дает анализ состояния сельского хозяйства и классовой борьбы в деревне в России начала XX в., анализ аграрной программы в буржуазно-демократической революции и борьбы большевиков за эту программу.

Авторы в этой главе показывают чрезвычайную отсталость сельского хозяйства в нищенской царской России, где деревянная соха служила орудием обработки десятков миллионов гектаров земли.

Они дают краткий очерк аграрных отношений царской деревни с ее крепостническими латифундиями, крестьянскими общинами, «отрезками» и подчеркивают, что «причины особой отсталости хозяйства в царской России надо искать в том, что развитие капитализма в русской деревне сочеталось с остатками старого крепостнического строя» (стр. 4).

Разложение общины капитализмом, земледельное развитие капитализма в связи с существованием, феодально-крепостнических остатков, кабальные ростовщические и крепостнические формы выжимания пота из мелких производителей, — все эти условия определяли характер классовой борьбы в русской деревне.

В этой главе авторы ставят своей задачей теоретически вскрыть в условиях царской России необходимость союза рабочего класса и крестьянства под гегемонией первого.

В этой связи они останавливаются на двух возможных путях развития капитализма в царской России (прусский и американский) и на развитии капитализма в промышленности царской России.

Отметим однако некоторую схематичность у авторов в постановке вопроса о переработке одной революции в другую.

Первый этап — буржуазно-демократическая революция, борьба крестьянства как целого против помещиков, борьба за очистку пути от средневекового хлама, за американский путь развития. «На этой расчищенной земле мог развиваться капитализм по американскому пути» (стр. 16).

Второй этап — социалистическая революция. «Но внутри этого общекрестьянского движения, — говорят авторы, — действовали различные классовые силы, между которыми

¹ Лени н, Собр. соч., т. II, стр. 71.

кипела и усиливалась классовая борьба. «Общекрестьянский» фронт должен был неминуемо распасться на следующем этапе. Под руководством рабочего класса деревенские полупролетарии, беднейшее крестьянство должно было выступить уже против всякого капитализма, за социалистическую революцию» (стр. 16).

Правильно то, что крестьянство в целом боролось за американский путь развития. Правильно также и то, что общекрестьянский фронт должен был неминуемо распасться на следующем этапе. И тем не менее в такой постановке вопроса не выявлено перерастание одной революции в другую. Не выявлено потому, что именно здесь, а не в другом месте должно быть показано, что революционное крестьянское движение может победить лишь в том случае, если оно добьется установления революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

А отсюда следует, что революционное крестьянское движение, оставаясь общекрестьянским, направленное на очистку земли от средневекового хлама, должно установить «республику и полное самодержавие народа». А это выходит за всякие рамки только американского пути развития.

Ленин говорит: «Нельзя взять землю и удержать ее за собой без новых политических завоеваний, без нанесения нового и еще большего удара всей частной собственности на землю вообще... Либо буржуазия, окрепнув после демократического переворота, отнимет все завоевания у рабочих и крестьянской массы, либо пролетариат и крестьянская масса пробьют себе путь вперед. А это значит—республика и полное самодержавие народа.

Это значит,—продолжает Ленин,—при условии завоевания республики национализация всей земли, как возможный максимум буржуазно-демократического переворота, как естественный и необходимый шаг вперед от победы буржуазного демократизма к началу настоящей борьбы за социализм»²

А это в свою очередь значит, что здесь-то и заложена динамика перерастания одной революции в другую. Последовательно доведенный до конца буржуазно-демократический переворот обуславливает перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

В дальнейшем, говоря об аграрной программе партии большевиков в буржуазно-демократической революции, авторы хорошо и правильно показывают, как аграрная программа большевиков отразила в себе все богатое содержание, определяющее процесс перерастания одной революции в другую. «Рабочий класс должен был возглавить крестьянское движение, руководить этим движением, установить свою гегемонию, для того чтобы, добившись первого шага—свержения царизма и остатков крепостничества, двинуться дальше к социалистическому перевороту. Отсюда лозунг нашей партии в период буржуазно-демократической революции—«вместе со всем крестьянством против царя и помещиков, при нейтрализации буржуазии за победу буржуазно-демократической революции» (стр. 18).

Именно «гегемония пролетариата была зародышем и переходной ступенью к диктатуре пролетариата» (С т а л и н). Но отсюда совершенно очевидно, что первый этап не означал только лишь то, что на этой расчищенной земле мог развиваться капитализм по американскому пути.

Отметим также, что обоснование тезиса о гегемонии пролетариата предполагает анализ развития промышленного пролетариата и рабочего движения в России. Этот вопрос в главе не поставлен, что является большим недостатком.

В первой же главе в статье: «Борьба большевиков за аграрную программу» авторы дают в основном правильную критику мелкобуржуазной сущности так называемой «социализации земли» социалистов-революционеров. Приводя критику Ленина этой программы, авторы показывают, что эта программа стремится «затушевать расслоение крестьянства на пролетариат и буржуазию, затушевать классовые противоречия внутри крестьянской массы, сказать мелкому, забитому, угнетенному крестьянину, что его мелкое хозяйство устойчиво и имеет перспективы развития—это значит поддержать именно хозяйскую частнособственническую сторону «двойственной души» «мелкого производителя». Это и значит сказать ему: дело твое не пролетарское, а хозяйское» (стр. 31).

Правильно поставив также вопрос о том, что Ленин призывал рабочих не ограничиваться критикой народных иллюзий, а видеть реальное буржуазно-демократическое содержание народного движения, авторы неправильно интерпретируют Ленина, говоря о последовательности революционного демократизма народного движения. «Они, болтая о социализме,—говорят авторы,—на деле звали к последовательному революционному демократизму» (стр. 32). Авторы говорят здесь не о крестьянах-трудовиках, а о народной аграрной программе. Иначе авторы не говорили бы о болтовне в социализм, так как им хорошо известно, что «крестьяне-трудовики вовсе не играют в социализм, который им абсолютно чужд, но они «внутряные», искренние, горячие и сильные демократы»³.

² Ленин, Собр. соч., т. IX, стр. 71—72.

³ Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 308.

По Ленину, последовательно революционный демократизм включает в себе «национализацию всей земли, как возможный максимум буржуазно-демократического переворота, как естественный и необходимый шаг вперед от победы буржуазного демократизма к началу настоящей борьбы за социализм»⁴.

Но именно этого «шага вперед от победы буржуазного демократизма к началу настоящей борьбы за социализм» нет в аграрной программе народничества. И отсюда непоследовательность демократизма народничества.

Авторы дают дальше правильную критику и другой разновидности мелкобуржуазной программы в аграрном вопросе — программы меньшевиков. Меньшевики выдвигали лозунг «отчуждения» вместо конфискации и требовали передачу помещичьих земель муниципалитетам. Отсюда т. н. «муниципализация». По этой программе оставалось в неприкосновенности средневековое надельное крестьянское землевладение. Эту программу меньшевики считали возможным провести без победы революции, без захвата власти революционным правительством. Ленин по поводу этой программы говорил: «Это, разумеется, самый гениальный план, — свалить самодержавие, не трогая самодержавия: отнять у него отдельные области, а там пускай попробует вернуть, Это почти так же гениально, как «экспроприация капитализма путем сберегательных касс».

Авторы также дают критику аграрной программы партии кадетов — наиболее сильной буржуазной партии. Без разоблачения контрреволюционной сущности ее большевики не могли успешно осуществить свое руководство в революционном движении.

Дальше авторы останавливаются на столыпинской программе, которая была принята съездом предводителей дворянства 4 января 1906 г. Эта программа, которая была, по выражению самого Столыпина, «ставкой на сильных», была основана прежде всего на кровавом вооруженном подавлении аграрной революции. Авторы хорошо показывают, как столыпинская политика стремилась превратить интересы помещиков и кулаков за счет дальнейшего разорения и пролетаризации широкой крестьянской массы и как эта политика привела к быстрому росту расслоения деревни, к усилению процесса обнищания и пролетаризации широких масс крестьянства на одном полюсе и к росту и укреплению кулацкой фермерской верхушки — на другом.

Авторы останавливаются и на крахе переселенческой политики Столыпина и на цифрах иллюстрируют огромный рост обратных переселений (в 1911 г. — 60%).

В первой главе авторы дают критику ликвидаторов, считавших, что крестьянству больше нечего бороться против помещиков, так как «аграрный вопрос в прежней форме сошел с очереди в России... Не надо пытаться гальванизовать труп — аграрный вопрос в старой форме» (Н. Р о ж к о в).

Под ликвидаторской точкой зрения расписался и Троцкий, который пришел в 1915 г. к заключению, что лозунг «конфискации помещичьих земель» в России уже неверен. Ленин отвечал на это: «Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под «отрицанием» роли крестьянства понимают не е ж е л а н и е поднимать крестьян на революцию»⁵.

Отметим в заключение к этой безусловно содержательной и интересной части первой главы, что здесь следовало бы дать критику «перманентной» революции Троцкого. Авторы дают эту критику в другом месте. Мы считаем, что именно здесь, в этой главе, критика «теории» Троцкого могла бы быть наиболее полной и содержательной.

Вторая глава — «Аграрная программа большевиков в период социалистического переворота» — дает анализ состояния сельского хозяйства и классовой борьбы в деревне после Февральской революции 1917 г. и аграрной программы большевиков и борьбы за ее осуществление в этот период.

Авторы в этой главе ставят себе задачу выявить «то новое, своеобразное, что определяло собой соотношение классовых сил и характер аграрной программы большевиков в период между февралем и октябрём 1917 г.» (стр. 47), и показывают, что отличало этот этап революции и соответствующие ему аграрные требования от предыдущего этапа революции.

Исходным моментом для ответа на поставленную задачу авторы правильно взяли апрельские тезисы Ленина, о том, что «своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — к второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»⁶.

Авторы правильно и четко выясняют вопрос, чем основной стратегический лозунг большевиков в Октябре — борьба за диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства — отличается от старого лозунга революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, с которым наша партия шла в период буржуазно-демократической революции.

«Партия, ведя рабочий класс к власти, рассчитывает уже на союз рабочего класса

⁴ Там же, т. IX, стр. 71—72.

⁵ Ленин, Там же, т. XVIII, стр. 318.

⁶ Ленин, Собр. сеч. т. XX, стр. 88.

только с беднейшим крестьянством, с полупролетарскими слоями деревни при нейтрализации середняка» (стр. 56).

Авторы дальше выясняют различие между требованием уравнительного землепользования в условиях буржуазно-демократической революции и социалистической: в революции буржуазно-демократической это требование означало лишь полное уничтожение помещичьих латифундий, а в социалистической революции это требование уравнительности, не социалистическое, а мелкобуржуазное по своему содержанию, получило на известный период не только антипомещичий, но и антикулацкий смысл.

Большевики провели в жизнь требование уравнительного землепользования, превратив его в одно из орудий классового раскола в деревне.

Ленин в статье «Пролетарская революция и ренегат Каутский» говорит о том, что фактически в октябре 1917 г. была осуществлена национализация земли. «Большевики прежде всего помогли наиболее радикальным, наиболее близким к пролетариату из буржуазно-демократических идеологов крестьянства, именно левым эсерам, провести то, что фактически явилось национализацией земли. Частная собственность на землю в России с 26/X 1917 г., т. е. с первого дня пролетарской, социалистической революции, отменена».⁷

Глава «Аграрная политика большевиков в первые годы после Октября» дает представление о первых шагах социалистической революции в деревне, об установлении прочного союза с середняком и о введении нэпа и его сущности.

Авторы конкретно показывают, как шел процесс поравнения деревни в результате победы Октября, что конкретно дали ликвидация помещиков и антикулацкое движение для широких бедняцких и маломощных середняцких масс, почему лозунг союза с беднотой, против буржуазии и кулачества при нейтрализации середняка явился уже недостаточным для последующего периода.

Они подробно останавливаются на экономических основах прочного союза с середняком и показывают, что «союз этот может укрепляться лишь при такой хозяйственной политике, которая, будучи направленной к построению социализма, была бы в то же время приемлема для середняка, не отталкивала его, создавала бы понятные ему экономические стимулы для развития хозяйства» (стр. 74).

Эта глава имеет своим продолжением главу «Об основах марксо-ленинского учения о союзе пролетариата с крестьянством и о социалистическом преобразовании сельского хозяйства».

Авторы обосновывают поставленный выше вопрос о прочном союзе с середняком на материале по крестьянскому вопросу у Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Они показывают, что ученье Маркса обосновывает возможность и необходимость революционного союза пролетариата с эксплуатируемыми массами крестьянства не только в буржуазно-демократической революции, но и в социалистической революции, направленной на свержение капитала и установление диктатуры пролетариата» (стр. 86), что это ученье раскрывает двойственную природу мелкого товаропроизводителя.

Далее авторы правильно подчеркивают связь кооперативного плана Ленина с планом ГОЭЛРО; они показывают роль кооперации в социалистическом преобразовании сельского хозяйства и классовую борьбу вокруг этого преобразования.

В заключении этой главы они правильно говорят о том, какое громадное влияние оказал победоносный опыт русской революции на международное рабочее движение и каково значение ленинской аграрной программы в международном масштабе, какова связь аграрного вопроса с вопросом национальным и колониальным, и кончают словами Ленина: «Коммунистический интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата наиболее передовых стран остальные страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития—к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»⁸.

В особой главе авторы дают ученье т. Сталина о социалистическом преобразовании сельского хозяйства СССР.

В этой главе авторы рассматривают как партия, под руководством вождя т. Сталина разгромив троцкистские и правооппортунистические теории, поставила и разрешила новые проблемы, связанные с новым этапом социалистического строительства и как в работах т. Сталина марксизм-ленинизм получил свое дальнейшее развитие.

Это развитие марксизма-ленинизма авторы правильно показывают на ученье Сталина о социалистической роли кооперации, на применении этого ученья к колхозам, на том, что, «подготавливая и проводя великий перелом в деревне, партия под руководством т. Сталина строго проводила в жизнь ленинский принцип добровольности колхозного строительства» (стр. 179).

Правильно дано в книге и ученье Сталина о классах и о повороте партии к политике ликвидации кулачества как класса.

⁷ Ленин, Собр. соч., т. XXIII, стр. 402.

⁸ Там же, т. XXV, стр. 354.

В учебнике освещены важнейшие проблемы из доклада т. Сталина на XVII съезде. Глава эта однако требует доработки.

Недостаточно освещено учение Сталина о построении социализма в одной стране.

Подробно разработаны и хорошо преподносятся учащемуся основные итоги первой пятилетки в области сельского хозяйства и задачи второй пятилетки как в области социалистической реконструкции сельского хозяйства, так и в области развития отдельных отраслей сельского хозяйства.

Особенный интерес представляют главы об организационно-хозяйственном укреплении колхозов и совхозов и о политотделах МТС и совхозов и их задачах.

В этих главах правильно поставлены вопросы о природе колхозов как социалистической формы производства. Подробно говорится и о том о б щ е м и о т л и ч н о м, что имеется между государственными предприятиями и колхозами, и о том, что коренным образом отличает колхозное крестьянство от прежнего единоличного крестьянства. «Колхозник—это уже не мелкий производитель, он уже вступил в социалистические производственные отношения. Колхозник еще не есть работник бесклассового, социалистического общества. Он является еще к р е с т ь я н и н о м-к о л х о з н и к о м. Колхозное крестьянство, проделавшее великий перелом, вступившее в социалистические производственные отношения, все еще пока не перестало быть классом, отличным от рабочего класса, находящимся под руководством этого последнего» (стр. 278—279).

Подробно развита вопрос о с.-х. артели как единственно правильной формы колхозного строительства на данном этапе. В этой связи правильно поставлен и развит вопрос о добавочном хозяйстве колхозника, о том, что оно «вовсе не является самостоятельным индивидуальным хозяйством. Оно целиком зависит от хозяйства колхоза в целом, носит д о б а в о ч н ы й, в с п о м о г а т е л ь н ы й х а р а к т е р» (стр. 272).

Перерастание артели в коммуны авторы дают в ясной, четкой марксистско-ленинской постановке т. Сталина на XVII съезде партии.

На конкретном материале авторы показывают, как проводятся в жизнь социалистический принцип распределения доходов и борьба с уравниловкой, и подробно останавливаются на формах организации труда в колхозах, на вопросе о постоянной бригаде и борьбе с обезличкой.

Правильно поставлен и вопрос о социальной природе МТС как о предприятии последовательно социалистического типа. Дается критика правых оппортунистов, сводящих МТС к прокатным пунктам, и левацких теоретиков, болтающих о «совхозизации» колхозов. В практике это выражалось в попытках отождествить колхозы с МТС.

Далее авторы дают правильную критику оппортунистических теорий агроиндустриальных (АИК) и индустриально-аграрных (ИНАК) комбинатов. «Теории АИК и ИНАК были,—пишут авторы,—разновидностями теории совхозизации, они находились в прямом противоречии с кооперативным планом Ленина» (стр. 308).

На большом конкретном материале показаны достижения МТС в организационно-хозяйственном укреплении колхозов.

Совхозы как стеновой хребет социалистической реконструкции сельского хозяйства показаны на конкретном материале в их огромной роли в развитии сплошной коллективизации. «Высокая производительность труда, вооруженной новой техникой, подъем целины тракторами, машинная обработка громадных массивов земель наглядно и ярко показывали основным массам крестьянства все преимущества крупного обобщественного хозяйства. Машинно-тракторные станции были с о з д а н ы н а о с н о в е п р а к т и к и работы совхозов по обслуживанию машинной техникой крестьянских кооперированных хозяйств (опыт совхоза им. Шевченко)» (стр. 327).

На основе решений партии авторами поставлен вопрос укрепления и перестройки парторганизации в деревне и на конкретном материале показаны результаты этой перестройки.

Задачи политотделов и методы их работы поставлены на большом, ценном и малоизвестном в литературе конкретном материале. «Политотделы,—говорят авторы,—явились в деревне первыми носителями новых методов, нового стиля организационного и политического руководства — рук о в о д с т в а о п е р а т и в н о г о и к о н к р е т н о г о, входящего во все мелочи и детали жизни каждого отдельного колхоза, отделения совхоза и бригады,—руководства, чуждого канцелярской писанины, построенного на систематической и твердой проверке исполнения» (стр. 369).

В последней главе дается на конкретном материале глава об агротехнической политике.

Большим недостатком учебника мы считаем отсутствие главы о животноводстве, а то, что имеется в учебнике по этому вопросу недостаточно и не мобилизует внимание на успешное большевистское решение животноводческой проблемы.

Учебник является необходимым пособием в деле подготовки наших с.-х. кадров.

OSWALD SPENGLER, Politische Schriften, München, 1933, S.338.

**ОСВАЛЬД ШПЕНГЛЕР, Политические записки,
Мюнхен 1933 г., стр. 328**

Недавно Шпенглер снова обратил на себя внимание своей последней книгой «Годы, которые решают», о которой т. Зиновьев писал в «Большевике». Прошло 15 лет с тех пор как появилась его первая сильно на шумевшая книга «Закат Европы». Это было после победы Октября и поражения Германии. Крайне обострившийся кризис капитализма и уже признанные во всем мире победы социализма в СССР заставили Шпенглера заговорить полным голосом. Эти 15 лет Шпенглера почти не слышно было. Правда, он выступал перед представителями тяжелой промышленности и банковского капитала (в Эссене, Дюссельдорфе и Гамбурге) и самым реакционным студенчеством Баварии с докладами и лекциями, но не печатался; его откровенная речь, видимо, многих шокировала. Шпенглер всегда появляется во время бури и отступает на задний план во время затишья, хотя все время продолжает проповедывать самые реакционные взгляды мракобесия и ненависти к рабочему классу и пролетарской революции. С приходом к власти Гитлера, к которому Шпенглер будто бы находится в «опозиции», появилась рецензируемая книга. Она содержит в себе статьи и доклады Шпенглера за годы между «Закатом Европы» и «Годами, которые решают».

Шпенглер — один из наиболее интересных идеологов умирающего и загнываемого капитализма. Своим «мужественным пессимизмом» он делает последнюю попытку спасти насквозь прогнивший буржуазный строй от гибели, и напрасно русские последователи Шпенглера (Бердяев, Франк, Генкель) уверяли, что Шпенглер говорит не о гибели, а только о закате Европы. Речь идет именно о гибели буржуазного мира. Шпенглер сильнее, чем кто-либо из его собратьев по классу, сознает, что наступил последний час капитализма, и гораздо откровеннее, чем они. Поэтому сочинения Шпенглера заслуживают того, чтобы их читали; по ним можно судить о биении пульса капитализма.

В «Политических записках» Шпенглера можно найти много интересного о том; как буржуазия, предчувствуя и сознавая неизбежность своей гибели, пытается предотвратить конец капитализма и спасти свою власть.

Шпенглер не страдает скромностью. В предисловии к этой книге он пишет: «То, что я писал и говорил в эти годы, относится не к современному моменту, а принадлежит будущности. Я вижу острее, чем другие, потому что я мыслю свободно и независимо от партии, интересов и течения. Я предвидел, как события органически развивались и будут дальше развиваться. Я еще многое другое предвижу... Хотят ли наконец меня слушаться, а не только читать? Я этого жду». Шпенглер мнит себя пророком, который никогда не ошибался. Он пишет: «Я имею право без всяких оговорок сказать, что я ни в одном из существенных пунктов не ошибался» (стр. XI). Среди буржуазных идеологов после наступления мирового кризиса и победы пролетариата в СССР найдется мало людей, которые осмеливаются говорить, что они ни в чем не ошибались. Имеет ли Шпенглер право так заявлять или это просто хвастовство?

В «Политических записках» Шпенглер уже мало говорит о морфологии истории, о фаустовской душе, о смысле чисел, об искусстве и наготе, как он это делал в своем прогнемевшем «Закате Европы». В этой книге он пишет о более реальных вещах — об империализме, о социализме, о налогах, под гнетом которых якобы страдает буржуазия, о классовый борьбе и наконец о «самом злободневном» — о СССР. Ему сейчас не до философии; корень всех зол и бед он видит в политике. «Политика в жизни народов безусловно является приматом, а хозяйство — производным явлением» (стр. XII) — неоднократно повторяет автор.

Шпенглер является одним из наиболее откровенных и вульгарных эгоцентризма изголтелых апологетов империализма. В статье «Мировая политика и мировое хозяйство» он обосновывает необходимость империализма: «Экономический и на службу ему поставленный политический империализм —

так называется новейшая история — имеет целью обеспечить существование многочисленного народа, народа, который не может пропитаться в пределах своих собственных границ, после того как численность его вследствие индустриализации чрезвычайно возросла. Этому служат политика колоний, протекторатов и сфер влияния, завоевание Китая, проникновение в тропическую Америку, раздел Африки, знаменитое «местечко под солнцем», ряд войн против буров, в Египте, Марокко, Китае, Бирме и Мадагаскаре, на границах Индии и Туркестана, для того чтобы монопольно овладеть всеми экономическими возможностями только для себя» (стр. 330). Таков финал, к которому автор приходит в конце своей книги. Шпенглер говорит об империализме в древние и средние века, хотя для него очевидно империализм — явление «новейшей истории», ибо он сам должен признать, что империализм представляет собой «соревнование между промышленными государствами, чтобы захватить власть над территориями, которые нужны в качестве поставщиков сырья и покупателей промышленных изделий» (стр. 329). Где же это могло быть — в Риме и Греции? Но совершенно неожиданно для своих слушателей и читателей Шпенглер проделывает «мертвую петлю» и представляет империализм в виде... социализма. «Империализм» и «социализм» для Шпенглера — синонимы. Как это может быть? Что это за фокус-покусы?

В статье «Пруссачество и социализм», которая была издана отдельной брошюрой еще в 1922 г. и о которой профессор Генкель писал у нас, что это «оригинальный очерк», представляющий собой «большое исследование о Германии», Шпенглер вывывает «зерно своей философии». В чем заключается «зерно философии» Шпенглера? Его нетрудно найти.

«Авторитарный социализм, — пишет Шпенглер, — представляет собой инстинкт: власть принадлежит целому. Отдельная личность служит ему. Целое суверенно. Король — только первый слуга своего государства (Фридрих Великий). Всякий занимает свое место. Государство приказывает, и государству повинуются» (стр. 15). То, что Шпенглер в своей последней книге называет «цезаризмом», он в своих прежних работах выдавал за «социализм».

Шпенглер ставит своей задачей «освободить немецкий социализм от Маркса. Немецкий социализм, ибо другого не существует. Это ясно теперь для всякого. Мы, немцы, — социалисты, хотя бы даже это утверждение никем не было высказано. Другие же народы не могут быть социалистами» (стр. 4); или в другом месте: «Социализм присущ только нам. Античного китайского, русского социализма в этом смысле не существует» (стр. 25). Вполне понятно, что при такой установке автора ему надо скорее «освободить социализм от Маркса», ибо Маркс ничего общего с таким «социализмом» не имеет. По Шпенглеру, «марксизм — это классовая борьба, а социализм — это инстинкт целого» (стр. 10).

Но, что это за «инстинкт целого»? Это также не трудно разгадать. У Шпенглера мы находим прямой ответ на этот вопрос: «Страшная воля к неограниченному мировому господству в военном, хозяйственном и интеллектуальном отношении. В соответствии с этим областью современного империализма является весь земной шар» (стр. 22). Для Шпенглера «лучший и самый типичный экземпляр племени, которое представляет собой совокупность душевных, духовных и телесных качеств, осуществляющих этот инстинкт пруссачества, является Бисмарк», и Бисмарк был, по терминологии Шпенглера, «социалистическим империалистом» (стр. 32) — тот самый Бисмарк, который первый издал законы против социалистов. В стремлении к мировому господству, к власти над другими народами, к эксплуатации и порабощению всех других национальностей выражается «инстинкт целого», т. е. шпенглеровский «социализм», и этими качествами сильнее всего одарены, по его мнению, пруссаки. Поэтому Шпенглер видит в пруссачестве единственного носителя социализма. Правда, до пруссачества, говорит Шпенглер, стремились осуществить «социализм в большом масштабе» Испания и Англия, но им не удалось довести дело до победного конца: у них очевидно не хватало всех «душевных, духовных и телесных качеств», которыми, по Шпенглеру, обладают пруссаки. На «пруссачество» Шпенглер возлагает все надежды, и его «пруссический социализм», вернее говоря, «полицейский социализм» или совершенно беспардонный империализм, надо конечно «освободить от Маркса». Бердяев не ошибался и был близок к истине, когда он писал, что у Шпенглера «империализм и социализм — одно и то же, конечно Шпенглер более империалист, чем социалист»¹. На самом деле в «социализме» Шпенглера нет ни одного атома социализма, его «социализм» является империализмом чистойшей воды.

Не напрасно Бердяев отзывался о первой книге Шпенглера, что она «по широте замысла, по размаху, по своеобразию интуитивного проникновения в историю культур может быть сопоставима только с замечательной книгой Чемберлена «Основы XIX

¹ Сборник «Освальд Шпенглер и «Закат Европы», стр. 68

столетия»², — того самого Чемберлена, о котором Ленин писал: «В конце XIX века героями дня в Англии были Сесиль Родс и Джозеф Чемберлен, открыто проповедывавшие империализм и применявшие империалистическую политику с наибольшим цинизмом»³.

Новым у Шпенглера в «Политических записках» является только то, что он империализм выдает за социализм, и то жонглерство, которое он при этом применяет. Германские фашисты, как известно, называют себя национал-социалистами. Говоря о фашизме германского типа, т. Сталин на XVII партсъезде сказал: «При самом тщательном рассмотрении невозможно обнаружить в нем даже атома социализма». Вполне естественно, что социализм, который является чрезвычайно популярным среди самых широких, в том числе и отсталых, трудящихся масс, представляет собой очень выгодный лозунг, к которому злейшие враги рабочего класса прибегают для того, чтобы вообще получить доступ к народным массам. «Социалистами» называли себя антисемиты 90-х годов и царские охранники типа Зубатова. Но Шпенглер придает этому «социализму» новое толкование: «Прусский дух» — дух абсолютизма и реакционного юнкерства, и империализм вильгельмовской эпохи Шпенглер преподносит как «инстинкт целого», как «подчинение личности целому» и т. д. Эти строки Шпенглер писал еще до появления фашизма германского типа, до того, как фашисты стали называться национал-социалистами. Нет сомнения в том, что гитлеровцы находят у Шпенглера многое для основания своей социальной демагогии, несмотря на «разногласия», якобы существующие между фашистами и Шпенглером. «Философия» Шпенглера используется национал-социалистами в своих попытках одурачивать рабочий класс. В этом отношении не следует недооценивать Шпенглера. При той скудности, скупости и никчемности теорий, которые имеются у фашистов, Шпенглер еще сыграет большую роль как поставщик идей и теорий для фашистов. Недаром идеологи русской контрреволюции, впервые почувствовавшие широкую и твердую поступь пролетарской революции, учуяли в Шпенглере своего человека — «рыбак рыбака узнает издалека». Еще в 1922 и 1923 гг., когда у нас издавались работы Шпенглера, Бердяев писал: «Такие книги нам ближе, чем европейским людям, — это наш египетский храм»⁴. А кадет Франк воспевал в книге Шпенглера не меньше дифирамбы: «Первое впечатление от нее просто ошеломляющее: почти неисчерпаемое богатство мыслей, глубина постановки вопроса в связи с широтой захвата, — трудно привести пример книги, с той же универсальной яркостью образов; блеск ума, художественная энергия литературного выражения, — все это сначала при чтении первых же страниц книги Шпенглера как-то гипнотизирует, чарует сознание и принудительно привлекает внимание»⁵.

А какова в действительности «глубина постановки вопроса» и «широта захвата» Шпенглера, проследим еще на ряде примеров.

Империализм, по Шпенглеру, есть не только социализм, но в то же самое время является интернационализмом. «Настоящий интернационал — это империализм» (стр. 89) — заявляет Шпенглер, и под «настоящим» интернационалом следует понимать только победу идей одной расы над всеми другими, а не растворение идей в бесцветной массе (там же). Шпенглеровский интернационал выражается в «господстве единственного принципа над всем земным шаром не путем компромиссов и уступок, а только путем победы и уничтожения других» (стр. 90). Шпенглеровский интернациональный империализм не представляет собой даже ультраимпериализма, он — чистейший империализм национальной буржуазии, абсолютное господство «прусского духа» над всем миром. О таком интернационале мечтает Шпенглер. Он в своей «широте захвата» далеко превзошел все фантазии фашистов третьей империи. Он учит фашистов, как надо самые великие революционные идеи рабочего класса, как например идея интернационализма, ставить на службу самым реакционным, шовинистическим идеям, зоологическим инстинктам национальной буржуазии.

Шпенглер не был бы Шпенглером, если бы с такой же легкостью и легкомыслием не коснулся бы и двух других «злободневных проблем», какими являются коммунизм и марксизм. Коммунизм в представлении Шпенглера противоположен социализму. Будучи «социалистом» в «прусском духе», т. е. полицейским социалистом, Шпенглер отвергает коммунизм как самое страшное зло. Но в коммунизме, уверяет Шпенглер, есть одна здоровая идея — социализация. Ее надо использовать. Только социализация, по Шпенглеру, выражается «в подчинении законодательству всех производительных сил страны при сохранении всех прав на собственность и на наследственность» (стр. 95). Шпенглер предлагает проводить свою «социализацию» путем у си-

² Сборник «Освальд Шпенглер» и «Закат Европы», стр. 68.

³ Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 134.

⁴ Сборник «Освальд Шпенглер» и «Закат Европы», стр. 72.

⁵ Там же, стр. 34.

ления деятельности картелей и синдикатов. Выступая на словах против финансового капитала и «власти ростовщичества», как это делают все фашисты, Шпенглер на деле пропагандирует, говоря терминологией Шпенглера, не только «политический империализм», но и «экономический империализм», т. е. монополистический капитализм. Как идеолог империализма Шпенглер может быть не только приравнен к Чемберлену, но своей откровенностью и циничностью он далеко превзошел его.

Шпенглер утверждает, что «учение Маркса относится исключительно к Англии», что Маркс «распространил на всю историю и без того очень схематичную, снятую с весьма сомнительной точки зрения картину промышленной Англии путем простого удлинения перспективы» (стр. 83) и что «марксизм является разновидностью манчестерства» (стр. VII). Маркс, как известно, вскрыл классовый характер государства; значение буржуазного государства как орудия классового господства буржуазии. Шпенглер тем не менее уверяет, что Маркс «представляет себе историю без государства, историю как арену борьбы партий, историю как борьбу частных экономических интересов; материалистическое понимание истории является английским пониманием истории, аспект ничем не связанного народа торговцев и викингов» (стр. 84). К Германии марксизм, заверяет наш «философ и социолог» Шпенглер, никакого отношения не имеет, а фашисты, наоборот, все несчастья в Германии приписывают влиянию марксизма и для борьбы против его распространения публично сжигали на кострах все сочинения Маркса и его последователей, хотя еще 15 лет назад Шпенглер писал: «Марксизм умер» (стр. 104).

Вполне понятно, что Шпенглер относится крайне отрицательно к германской революции 1918 г. Он считает ее крупнейшей ошибкой в истории Германии и винит в этом всю буржуазию, в особенности социал-демократию. От последней Шпенглер меньше всего ожидал, что она изменит существовавшему порядку вещей и государству и уверяет, что при жизни Бебеля ничего подобного не могло случиться. Он обвиняет германскую социал-демократию в трусости, так как она не решилась выступить против революции и в то же время боялась поддержать ее. Но Шпенглер прогладел такую «мелочь», как предательство германской социал-демократии, и совершенно забыл роль Носке и Эберта, покровительствовавших организации первых контрреволюционных отрядов германского фашизма и все роды вместе со своей партией подготовивших переход к открытому фашизму. После поражения рабочего класса в германской революции, когда германская буржуазия уже меньше нуждалась в поддержке социал-демократии, реакционная часть германской буржуазии добивалась устранения социал-демократии от участия в правительстве — «мавр свое дело сделал, мавр может уйти». Шпенглер не стеснялся писать: «Немецкая революция — это бессмысленный акт в немецкой истории. Где ожидали встретить героев, находили освобожденных преступников, литераторов, дезертиров, которые ликующими криками, расхищая чужое достояние, опьяненные своей важностью и отсутствием опасности, суетились, шумели, управляли, дрались, занимались поэтическим творчеством. Здесь действовали одни поддонки. Вожди бебелевской партии бросились в объятия своему вчерашнему врагу — мешанству из страха, как бы не увенчалось успехом дело, защищаясь ими в течение 40 лет, из страха перед ответственностью в момент, когда на них падала обязанность не нападать, а действительно творить» (стр. 9). Шпенглер довольно метко подметил роль социал-демократии: «Факт беспримерный: социал-демократические вожди получили всю полноту власти, к которой они стремились в течение 40 лет и ощутили ее как величайшее несчастье» (стр. 10).

Шпенглер критикует парламентаризм как величайшее болото, обвиняет всех парламентариев в коррупции и политиканстве, тем не менее он не решался еще в те годы требовать отмены так называемой демократии, как это он делает сейчас, выдвигая программу абсолютной диктатуры — власти цезаризма. В те годы нельзя было говорить так открыто, как сейчас. Тогда Шпенглер ограничивался лишь «скромными» требованиями: «В парламенте должно быть представлено не больше четырех партий, число избирателей должно быть сокращено на 9/10 и в недвухсмысленной форме высказывался за восстановление монархии: «В один прекрасный день, когда солнце снова осветит наше существование, дремлющая тоска по символической короне государства будет искать своего удовлетворения и найдет его» (стр. 213). Шпенглер монархист, и он не скрывает этого. Для него только вопрос времени, когда можно будет от слов перейти к делу. Этот час, как видно, еще не настал.

Шпенглер все время озирается на рабочий класс и СССР. Он прекрасно понимает, что главный враг капитализма — это рабочий класс. Революционного движения рабочего класса он боится пуше огня. Поэтому он неоднократно говорит об открытой борьбе, гражданской войне, которую буржуазия должна объявить рабочему классу. Когда он с величайшей ненавистью говорит о восстании поддонков общества, он имеет в виду именно рабочий класс, а не кого-либо другого. Он взвешивает шансы буржуазии в этой борьбе и приходит к выводу: «Война

с бесчисленными острогами и захватами крупных городов должна быть пробой силы показать границы действия регулярных войск в уличной борьбе. Она уже доказала каждому, что наши большие каменные города при умелой защите их более слабыми силами могут стать объектами, которые трудно будет или почти невозможно будет завоевать войскам, даже снабженным всеми усовершенствованными современной техникой средствами борьбы» (стр. 180). Героическая борьба венского пролетариата доказала, что рабочие борются за каждую лестницу, за каждую площадку, за каждый метр боев. Шпенглер не без основания ставил еще тогда вопрос: «Возможна ли вообще всеобщая мобилизация без крупных беспорядков?» В последней книге он уже прямо говорит, что на регулярную армию нельзя больше рассчитывать в классовых боях. Шпенглеры имеют все основания волноваться за судьбу своего класса.

Но самый центральный вопрос для Шпенглера — это конечно Советский союз. О нем он говорит с пеной у рта в каждой статье, в каждом докладе, ему посвящена специальная лекция. Профессор Генкель очень жалел, что во II томе «Заката Европы» не появилась обещанная глава о России, и утешал себя: «Вероятно Шпенглер, пока не особенно хорошо и многосторонне знающий Россию, посвятит ей отдельное большое исследование». Бердяев писал, что «в России скрыта тайна, которую мы сами не можем вполне разгадать. Но тайна эта связана с разрешением какой-то темы всемирной истории. Час наш еще не настал»¹.

Шпенглер не заставил себя долго ждать. В докладе «Двойственный облик России и восточные проблемы» (в печати появляется впервые) он дает разгадку бердяевской тайны. Со свойственной Шпенглеру «скромностью» он начинает свое «исследование» о России с IX в., с князя Владимира и былии об Илье Муромце «Россия» и «Европа», повествует Шпенглер, — это два разных понятия. «Настоящая Европа кончается у реки Вислы» (стр. 110). Для того чтобы изучить историю России, уверяет Шпенглер, надо знать «русскую душу», и он (по выражению эсера Степуна, Шпенглер «бесконечно умен») берется охарактеризовать русскую душу в нескольких словах: «Бесконечная равнина создала более мягкую народность, покорную и смиренную, душевно растворяясь в далеком пространстве равнины; она не имеет собственной воли и склонна повиноваться. Это является предпосылкой великой политики от Чингиз-хана до Ленина» (стр. 110). «Шпенглеру дано было высказать самые благородные мысли» — писал Бердяев². Но то, что махровые идеологи русской контрреволюции не решались говорить открыто, не побоялся сказать Шпенглер. Он пишет о России: «Русские еще сегодня полукоचेвики. Режиму советов не удастся приостановить бегства рабочих с одной фабрики на другую без всякой нужды, только из-за тоски к страствованию. Поэтому в России так редко встречаются квалифицированные рабочие, даже крестьяне не считают своей родиной деревню, в которой они родились, а широкую русскую равнину» (стр. 111). Свежо предание, но верится с трудом, — чтобы так можно было писать еще 10—15 лет назад, и человек, который мнит себя маститым ученым, философ и пророком, не стесняется публиковать такие писания о СССР и говорить при этом, что он «ни в чем не ошибался».

Шпенглер разводит еще такую «философию»: Петр Великий повернул страну лицом к Европе, но все «европейское» в России (фабрики, машины, банки, биржи и т. д.) — это искусственное насаждение (зачем же тогда Шпенглеру пугать весь мир индустриализацией СССР). В России борются два мира: внешний — кажущийся, «европейский» мир и действительный — подпольный «азиатский» мир, воплощение «русской души». Крестьянство олицетворяет собой действительный подпольный мир. Русская империалистическая буржуазия воевала за Дарданеллы и Константинополь из-за «мистического стремления к Византии» (стр. 116), а большевизм происходит из официального, внешнего, «западного» мира, который ничего общего с русской действительностью не имеет. Борьба большевиков с русской буржуазией есть борьба двух тенденций: «западников» и «византийцев». Большевики, заявляет Шпенглер, «могли так легко победить только благодаря ненависти правых славянофилов к Петербургу и его духу, ненависти крестьян деревенского коммунизма, против общины, которая противоречит всему крестьянству, собственническому инстинкту, благодаря ненависти к капитализму, машинам, железным дорогам, государству и армии» (стр. 120).

Буржуазия всех стран, а вместе с ней и социал-фашисты всех мастей уверяли долгое время, что большевизм — это азиатское творение и в Европе он неприменим. Шпен

² Освальд Шпенглер. Деньги и машина. Предисловие, стр. 3.

¹ Сборник «Освальд Шпенглер» и «Закат Европы», стр. 72.

² Там же, стр. 60.

глер, на оборот, уверяет, что большевизм — это «европейское чуждое явление в России» и ничего общего с русской действительностью он не имеет. «Творение Ленина — это Петербург, большинство русского населения ему чуждо, враждебно и ненавистно, и оно каким-нибудь образом в один прекрасный день исчезнет» (стр. 122). 10 лет назад Шпенглер возлагал все надежды на контрреволюционные выступления кулаков, на «внутренние силы». Интервенцию он считал тогда безумием и писал о кулаках: «Это народность будущего, которая не дает себя подавить и обмануть, которая, без сомнения, если даже и медленно, но придет на смену большевизма, его изменит, покорит и уничтожит» (стр. 122). «Я убежден, — обращается Шпенглер к студенчеству, — что русско-азиатское государство, как оно образовалось в 1917 г. и продержалось еще шесть лет (с тех пор прошло еще 10 лет — Ю. Л.), дальше существовать не может. Мы не должны рассчитывать на медленную и длительную революцию, как полагают многие, а на новые религиозные, военные, политические и экономические потрясения, которые в России трудно отделить друг от друга и которые будут возрастать и распространяться, ибо новая сила, которая до сих пор молчала и поэтому была незаметна, безусловно подымется; эта новая сила — русское крестьянство; оно спало и ждало со времен Гитлера, оно спало и ждало во время Ленина, а сейчас оно готово проснуться» (стр. 178). Таковы «благородные мысли» Шпенглера. Дело только за личность — за диктатором, который возглавил бы восстание и господствовал бы над народом. Такие личности были в истории России. Шпенглер их перечисляет: Чингиз-хан, Иван Грозный и Петр Великий. Шпенглер чуть ли не нашел уже кандидата в диктаторы — это был организатор белогвардейских банд и авантюрист барон Унгер-Штернберг или Энвер Паша со своим лозунгом «Азия—азиатам», но—увы—погибли от рук большевиков — вздыхает Шпенглер.

Несмотря на всю свою ненависть к пролетарскому государству, Шпенглер в то время еще решительно высказывался против участия Германии в какой-либо интервенции против СССР. Он считал, что это будет роковым для Германии, если она «примет участие в крестовом походе против большевиков, конечно в пользу французского — английского финансового капитала» (стр. 123). В настоящее время Шпенглер («Годы, которые решают») резко изменил свой фронт: его взор обращен на «восходящее солнце в Японии», ибо в связи с победой колхозов и ликвидацией кулачества как класса пророчества Шпенглера потерпели крах, — исчезает «славянофильское крестьянство» и некому будет просыпаться и подыматься. Уже в предисловии к этой книге Шпенглер писал: «Может ли еще крестьянство путем религиозного пробуждения освободиться от духовной ограниченности и западноевропейского коммунизма или нет? Этот вопрос, который тогда стоял и станет завтра» (стр. IX). На сегодня Шпенглер даже не ставит больше этого вопроса. Уже слишком абсурдна стала ставка на «мужика», это понимает даже заклятый враг рабочего класса.

10 лет назад у Шпенглера были и другие надежды: завоевать Страну Светов мирным, т. е. экономическим, путем: «В действительности Россия с точки зрения западного хозяйства огромная область колонизации, в которой русский человек в деревне или мелких городах работает крестьянским и ремесленным способом. Промышленность и товарооборот при помощи железных дорог и крупной торговли ему чужды и останутся чуждыми. Хозяйственный организатор, фабричный рабочий, инженер и изобретатель не являются «русскими типами» или «машинная индустрия по своему духу не русская и будет во все времена будущего приниматься русскими как чужое, грешное и чертовское» (стр. 125). А в последней книге Шпенглер уже пишет: «Пятилетний план — это наступление большевизма на Европу» (стр. 40). Как видно, русский человек помирился с чортом и фабричный рабочий стал «русским типом». А Шпенглер все уверяет, что он ни в чем не ошибался.

На Германию Шпенглер возлагает еще особые задачи. Германия по «глубине постановки им вопроса» является «пограничным государством» между «Европой» и «Азией», и поэтому «с точки зрения иностранного хозяйства Россия является колонией и Германия должна из своего соседства извлечь выгоду, прежде всего под впечатлением, что оба государства имеют одного и того же противника — финансовую олигархию стран Антанты» (стр. 123). В этом выражалась «восточная ориентация» Шпенглера, и поэтому он тогда был против участия Германии в интервенции. Но его расчеты на роль немецкого капитала в качестве хозяйственного организатора в стране диктатуры пролетариата, так же как его расчеты на славянофильствующее крестьянство, не оправдались. Пришлось Шпенглеру изменить свою ориентацию, хотя он уверяет, что своих взглядов никогда не менял. Теперь он до небес восхваляет Японию («Годы, которые решают»), на нее все его надежды. Япония, оказывается, по Шпенглеру, только географически находится в Азии, но душа у нее прусская. Она непокорима. Она господствует над морями в большей мере, чем Англия. Япония не поддается только территории. Она, предлагает Шпенглер, может найти ее на Дальнем Востоке — конечно в результате войны против СССР и Китая.

Шпенглера интересуют сейчас другие вопросы: «Может ли советская властьложиться на Красную армию? Боеспособна ли она? Что представляет собой в нравственном и политическом отношении командно-офицерский состав?» Он также интересуется «можно ли в России вообще рассчитывать на железные дороги, самолеты, военную промышленность?» Так вот о чем думает наш классовый враг!

Но откуда у Шпенглера взялась промышленность в СССР, когда, по его мнению, «рабочий в России — это недоразумение» (стр. 101), когда фабрики и машины — это «искусственное насаждение», противоречащее «русскому духу»? Как видно, «пророчества» Шпенглера не оправдались на протяжении 10 лет, а он претендует загадывать будущность на целые тысячелетия. Временами Шпенглер сам не уверен в своем «прогнозе». Большевизм его серьезно пугает. Он уже тогда писал: «Мы теперь знаем, что на карту поставлена не только судьба одной Германии, но судьба всей цивилизации» (стр. 103), т. е. судьба всего буржуазного общества. «Опасность велика!» — восклицает Шпенглер. Шпенглер уже тогда понимал, откуда идет опасность. «Россия не отличается от всех других стран, как один народ от остальных», а в этом противопоставлении, в ужасе констатирует Шпенглер, «выражается существование двух миров» (стр. 98). «Россия, — пишет он, — это восходящая культура, в то время как над Западом ночные тени становятся все длиннее и длиннее» (там же). Перед лицом этой опасности Шпенглер забывает о «прусском духе» и своих претензиях на его монопольное господство, а в панике перед большевистской опасностью призывает к образованию единого фронта империалистов всех стран для войны с СССР. «Как глубоки ни были душевные, а следовательно религиозные, политические и экономические противоречия между англичанами, немцами, американцами и французами в отношении к руссачеству (т. е. большевизму — Ю. Р.), они сейчас же смыкаются в единый замкнутый мир» (стр. 98). Перед лицом опасности Шпенглер забыл о вековой борьбе германцев с французами, он забыл о том, что французы, как он уверяет, помешали Пруссии осуществить «социализм» в «прусском духе».

«Смертью Ленина закончился большевизм» (стр. 294) — неоднократно повторяет Шпенглер. А сейчас оказывается, по признанию самого Шпенглера, большевизм чуть ли не победил везде и повсюду. «Россия — полный хозяин в Азии» — пишет он в своей последней книге (стр. 153). «Белые народы (т. е. мировая буржуазия, — Ю. Р.) потеряли сознание своей власти и даже не замечают этого» (там же). «Большевизм уже господствует над нами» (стр. 70) — уверяет он буржуазию, и поэтому для Шпенглера только один выход — война против СССР. В войне он видит спасение капитализма, война должна спасти мир от большевизма. В войне он видит цель жизни. — «Жизнь — это война» (стр. 163) — декларирует Шпенглер. «Сейчас идет борьба за планету» (Шпенглер, как видно, по своей скромности «мыслит планетами»), и к этой борьбе за планету, за буржуазный мир призывает он. «Господином мира станет тот, чей меч победит в этой борьбе» (стр. 165) — заканчивает Шпенглер первую часть своей последней книги.

Я. Д

